
ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В тундре.

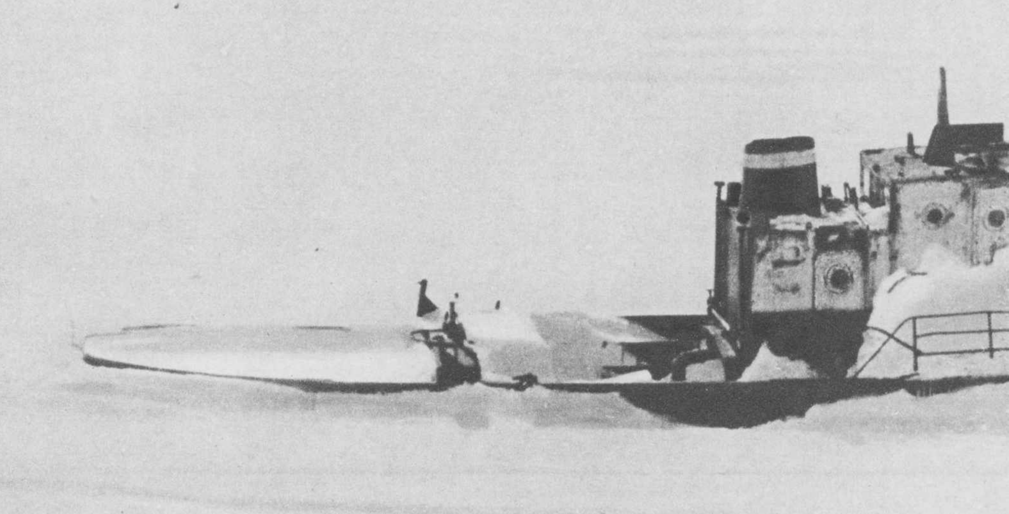
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

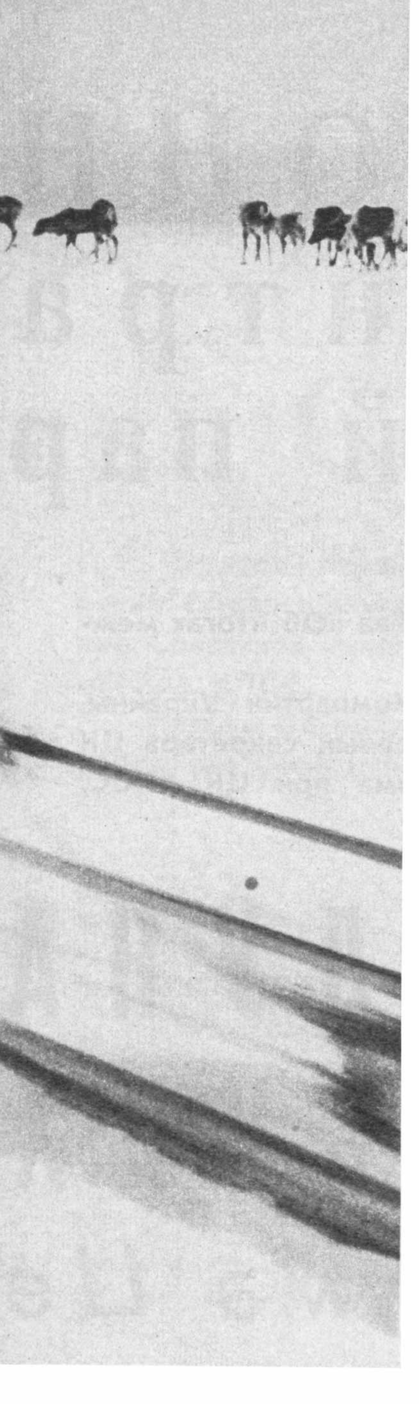

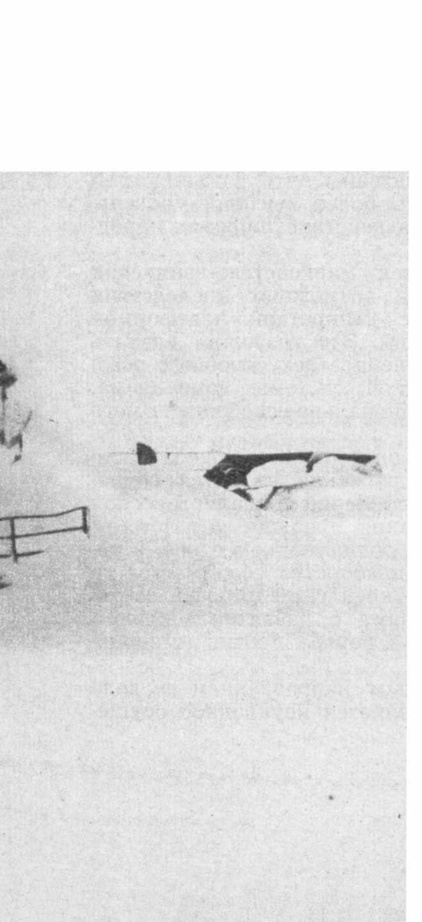
КАКОЙ ТЫ, КОЛГУЕВ?

Сезон вездеходов.

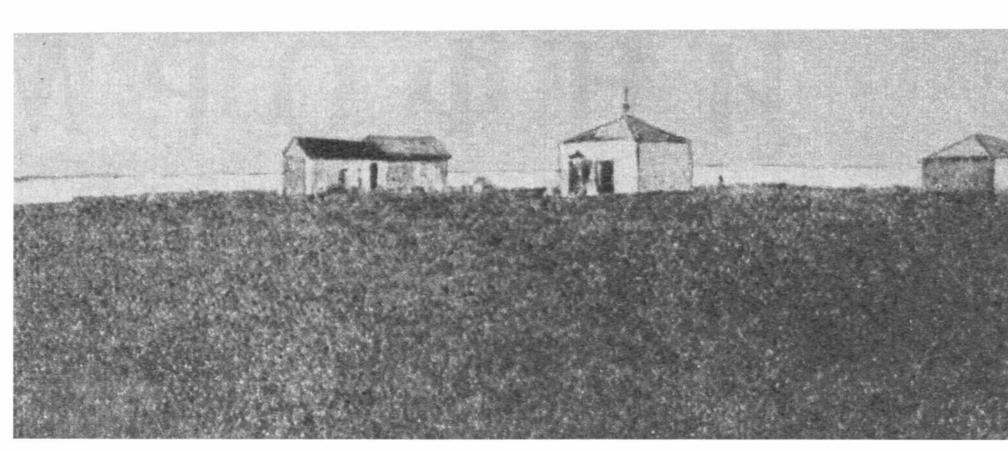

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Бугрино. 1926 год.

Живет на острове Зося Большаков.

ОГОНЁК

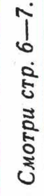
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 27 (2192)

Основан 1 апреля 1923 года

5 ИЮЛЯ 1969

Смотри стр. 6—7.

ИНФОРМАЦИОНН
о Пленуме Центра
Коммунистической пар

26 июня 1969 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «Об итогах международного Совещания коммунистических и рабочих партий».

В прениях по докладу выступили тт. П. Е. Шелест — первый секретарь ЦК Компартии Украины, В. В. Гришин — первый секретарь Московского горкома КПСС, Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, П. Н. Федосеев — директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС,

ОБ ИТОГАХ МЕЖДУНА
КОММУНИСТИЧЕСКИХ
Постановление Пленума Це

принятое

Заслушав и обсудив доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И. «Об итогах международного Совещания коммунистических и рабочих партий», Пленум ЦК КПСС целиком и полностью одобряет политическую линию и практическую деятельность Политбюро ЦК КПСС, направленную на укрепление сплоченности мирового коммунистического движения, работу делегации КПСС на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве с 5 по 17 июня 1969 г.

Пленум ЦК КПСС считает, что международное Совещание коммунистических и рабочих партий явилось большим успехом коммунистического, рабочего и всего освободительного движения. Совещание окажет огромное влияние на дальнейшее развертывание борьбы против империализма на основе самого широкого единства действий всех демократических, прогрессивных сил мира. Совещание ознаменовало важный этап на пути укрепления сплоченности международного коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Сам факт созыва Совещания с таким числом участников убедительно подтвердил, что коммунистические и рабочие партии сознают свою высокую ответственность за судьбы движения, с которым связано будущее человечества. Весь ход Совещания показал усиление тенденции к сплочению, к единству коммунистических и рабочих партий во имя общих интересов движения, от которых неотделимы интересы каждой партии. Развитию и укреплению этой тенденции способствовали методы подготовки и проведения Совещания, которые характеризовались свободным, демократическим обсуждением проблем, коллективной разработкой документов, широкой гласностью, подлинно товарищеским равноправным сотрудничеством.

Документы, принятые Совещанием, отвечают целям и потребностям мирового коммунистического движения на современном этапе его развития, задачам усиления борьбы против империализма, за национальное и социальное освобождение народов, за мир, демократию и социализм.

В документах Совещания, в выступлениях его участников обобщен огромный опыт коммунистического движения, дан глубокий анализ современного мирового развития, содержится важный вклад в марксистско-ленинскую теорию.

Важнейшее значение имеет принятый Совещанием Документ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил». В Документе подчеркивается тот непреложный факт, что главная линия мирового развития по-прежнему определяется силами революции и социализма, мира и национально-освободительного движения. В нем указаны пути подъема всей борьбы против империализма на новый, более высокий уровень, пути практической организации единства действий широких народных масс во всем мире.

В Документе неразрывно сочетается марксистско-ленинский анализ мирового развития, существа и возможных последствий агрессивной политики империализма с конкретной платформой антиимпериалистических единых действий. Это позволяет сделать более целенаправленной борьбу за сплочение трех основных революционных сил современности — мировой системы социализма, международного рабочего класса, национально-освободительного движения.

Совещание вновь подтвердило, что оплотом всемирного антиимпериалистического, революционного движения является социалистическая система. От дальнейших достижений социалистической системы и ее сплоченности, использования правящими партиями всех возможностей, заложенных в новом общественном строе, в решающей степени зависит успешное противоборство нового мира со старым. Отсюда следует, что забота об укреплении мировой системы социализма — это одновременно забота о развитии мирового революционного процесса, о действенной борьбе против империализма.

Совещание подтвердило, что главным направлением в деле сплочения социалистической системы является неуклонное осуще-

ОЕ СООБЩЕНИЕ
льного Комитета
тии Советского Союза

Г. И. Чиряев — первый секретарь Якутского обкома КПСС, Л. А. Кулиджанов — первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР, А. А. Епишев — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, В. С. Толстиков — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

Пленум ЦК единодушно принял постановление по докладу тов. Л. И. Брежнева «Об итогах международного Совещания коммунистических и рабочих партий».

РОДНОГО СОВЕЩАНИЯ
И РАБОЧИХ ПАРТИЙ
нтрального Комитета КПСС,

26 июня 1969 года

ствление принципов социалистического интернационализма, правильное сочетание национальных и интернациональных задач социалистических государств, развитие братской взаимопомощи и взаимной поддержки. Совещание со всей силой заявило, что защита социализма — интернациональный долг коммунистов.

Совещание подчеркнуло роль рабочего класса как главной движущей и мобилизующей силы и на современном этапе революционной борьбы. Оно отметило большие революционные возможности трудового крестьянства, прогрессивной интеллигенции, молодежи, значение всего демократического, антиимпериалистического движения в капиталистических странах, возрастающую роль в мировом революционном процессе национально-освободительного движения народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Совещание особо отметило, что для коммунистических и рабочих партий борьба против империализма, за мир неотделима от борьбы за конечные цели рабочего класса, от борьбы против капитализма как социальной системы, за победу социализма и коммунизма в своих странах.

Принципиальное значение имеет принятие Совещанием Обращения «О 100-летии со дня рождения В. И. Ленина». В Документе подтверждается неизменная верность коммунистов ленинизму, подчеркнуто его всеобщее международное значение. В сжатой форме выражена идеологическая основа единства международного коммунистического движения. Обращение нацеливает коммунистические и рабочие партии на использование ленинского юбилея для широкой пропаганды идей ленинизма, на усиление идеологической работы коммунистов в массах.

Пленум ЦК КПСС отмечает важность и актуальность других документов Совещания. Принятый им Призыв «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!» показывает всему миру боевую пролетарскую солидарность коммунистов, их решимость и впредь осуществлять совместные действия в поддержку вьетнамского народа.

«Воззвание в защиту мира» продолжает боевую антимилитаристскую традицию коммунистического движения. В этом Документе дана общая позиция международного коммунистического движения по одному из кардинальных вопросов современности, позиция, направленная на то, чтобы объединить самые широкие демократические и миролюбивые силы на борьбу за предотвращение мировой термоядерной войны.

Пленум с большим удовлетворением отмечает, что как в документах Совещания, так и в выступлениях его участников нашла широкую поддержку политика КПСС, Советского государства, направленная на укрепление позиций социализма, всемерную поддержку народов, борющихся против империализма, за свое социальное и национальное освобождение, на обеспечение мира и безопасности народов и предотвращение термоядерной войны, на утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Совещание подтвердило правильность линии марксистско-ленинских партий на преодоление возникших разногласий, укрепление единства коммунистического движения. Путь к этому — совместные действия против империализма, всемерное расширение связей и контактов между братскими партиями, обобщение теоретической работы партий, защита и творческое развитие марксистско-ленинской теории.

Пленум ЦК КПСС придает большое значение выводу Совещания о том, что последовательная борьба за чистоту марксизма-ленинизма, против ревизионизма, догматизма, национализма является необходимым условием укрепления рядов компартий, интернационального сплочения коммунистов, повышения их авангардной роли во всем революционном движении.

ЦК КПСС отмечает, что развернувшийся на Совещании обмен мнениями убедительно показал, что внешнеполитический курс нынешнего руководства КПК, его раскольническая политика встречают решительный отпор со стороны подавляющего большинства братских партий.

Пленум единодушно подтверждает позицию, выраженную в выступлении делегации КПСС на Совещании. КПСС будет вести

непримиримую борьбу против антиленинских идейных установок нынешних руководителей Китая, против их раскольнической политики и великодержавного внешнеполитического курса. Она сделает все, чтобы защитить от любых посягательств интересы советского народа, строящего коммунизм. Вместе с тем КПСС исходит из того, что коренные интересы советского и китайского народов совпадают. КПСС и впредь будет стремиться сохранять и поддерживать дружеские чувства, которые есть в советском народе по отношению к китайскому народу и которые, несомненно, есть и в китайском народе по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам.

Пленум отмечает, что коммунисты и трудящиеся Советского Союза выражают интернациональную солидарность с мировым коммунистическим движением и полностью поддерживают политику нашей партии.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий еще раз продемонстрировало, что коммунистическое движение, несмотря на некоторые трудности в своем развитии, является боевым авангардом всех антиимпериалистических сил, самой могучей политической силой современности.

Пленум ЦК КПСС постановляет:

1. Одобрить принятые Совещанием документы: «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил»; Обращение «О 100-летии со дня рождения В. И. Ленина»; Призыв «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!»; «Воззвание в защиту мира».

2. Опираясь на итоги Совещания, продолжать последовательную линию КПСС на сплочение международного коммунистического движения на принципиальной основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, всемерно развивать связи с коммунистическими партиями по всем линиям, вести борьбу против буржуазной идеологии, за чистоту марксистско-ленинского учения, против правого и «левого» ревизионизма и национализма.

3. Пленум ЦК КПСС одобряет внешнеполитическую линию КПСС и Советского правительства. Внешняя политика СССР играет и впредь будет играть важнейшую роль в общей борьбе антиимпериалистических сил, в укреплении мощи и сплоченности содружества социалистических стран, служить действенным инструментом срыва агрессивных планов империализма, сохранения мира и утверждения принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, поддержки освободительной борьбы народов.

4. Учитывая, что экономические успехи, научно-технические достижения и укрепление обороноспособности имеют исключительно важное значение для строительства коммунизма в СССР, для антиимпериалистической борьбы и развития революционного процесса, Пленум ЦК КПСС обращает особое внимание партийных, советских и хозяйственных органов на необходимость обеспечения выполнения государственных планов и заданий пятилетки, на завоевание новых высот в области науки, культуры и искусства. Усилия коллективов предприятий, строек, совхозов, колхозов должны быть сосредоточены на повышении эффективности производства, ускорении научно-технического прогресса, росте производительности труда, быстрейшем вводе и лучшем использовании производственных мощностей, максимальном вовлечении в производство имеющихся резервов.

5. Важнейшей задачей является усиление идеологической работы в связи с итогами международного Совещания. Партийным организациям необходимо развернуть активную работу по пропаганде итогов Совещания и принятых им документов, широко используя для этого печать, радио, телевидение, лекции и другие формы.

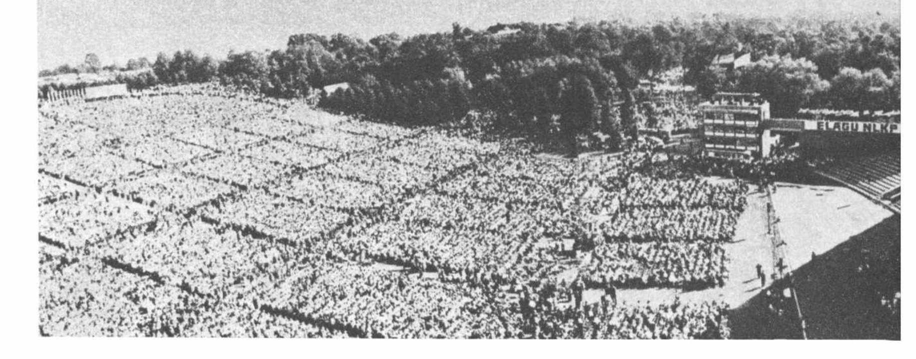
6. Пленум ЦК подтверждает неизменность линии КПСС на воспитание нашего народа в духе советского патриотизма, в духе дружбы, братства и интернациональной солидарности с народами социалистических стран, со всеми народами, борющимися за свое социальное и национальное освобождение, за демократию, мир и социализм. Чувство гордости за свою партию и страну, готовность отдать все силы для их процветания, глубокое понимание интернационального значения строительства коммунизма в СССР — эти черты сознательного советского гражданина в современных условиях являются особенно важными.

7. Одним из важных выводов, который вытекает из итогов Совещания, является всемерное развитие научной работы по углубленному теоретическому обобщению проблем современности, общих закономерностей и особенностей мирового революционного движения, разработке важнейших теоретических проблем строительства социализма и коммунизма, борьбы мирового коммунистического и рабочего движения против империализма. С этой целью важно шире практиковать проведение международных теоретических конференций и семинаров.

8. Итоги международного Совещания коммунистических и рабочих партий обсудить на собраниях актива республиканских, краевых, областных, окружных, городских, районных партийных организаций и на собраниях первичных партийных организаций. Организовать глубокое изучение коммунистами материалов Совещания.

■

Учитывая огромное значение успехов Советского Союза в строительстве нового общества, ЦК КПСС призывает все партийные организации, всех коммунистов, весь советский народ еще самоотверженнее бороться за осуществление великих планов коммунистического строительства, за достойную встречу 100-летия со дня рождения основателя нашей партии и Советского государства В. И. Ленина.

ПРАЗДНИК ВОЗВЫШЕННЫЙ И ПРЕКРАСНЫЙ

Певческий праздник в Эстонии — праздник всенародный. И это лишь подтвердила минувшая неделя.

Сто лет назад на первом всеэстонском празднике песни пели 789 человек. На этот раз в Таллине выступали 32 тысячи хористов. Первый праздник был сугубо эстонским, нынче же в республику прибыли восемнадцать хоровых коллективов из братских советских республик и хоры из Польши, Финляндии, Венгрии и ГДР.

Весь город наполнился музыкой. Сотни тысяч празднично настроенных людей отправились торжественным шествием с площади Победы на Певческое поле. Словно гигантская пригоршня, полная разноцветных самородков, засверкала солнечными красками котловина Певческого поля. Но для того, чтобы провести такое торжество, надо было найти на склоне холма Ласнамяги закрытое от ветров место и построить гигантскую, отличающуюся хорошей акустикой раковину, организовать прием такого числа гостей, которое равно двум третям постоянного населения города, выткать по старинным образцам 21 тысячу метров ткани, одеть певцов в национальные костюмы ста видов. Еще надо иметь такие музыкальные династии, как, например, семейство Каппов, в котором отец, два его сына и два внука на протяжении 120 лет не просто любили и писали музыку, но и были увлеченными руководителями и преподавателями хорового пения. Есть и духовые оркестры, играющие 130—120 лет.

МОСКОВСКИЙ МЕЖ

Лето в Москве в нынешнем году особенно богато культурными событиями. Сейчас мы опять накануне Всемирного форума. 7 июля во Дворце съездов откроется Международный фестиваль кинематографистов мира.

Впервые в Москве деятели кино собирались на Международный фестиваль десять лет назад. С тех пор девиз «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!» завоевывает все большую популярность у кинематографической общественности всех стран. Каждые два года этот девиз привлекает в Москву все больше режиссеров и артистов, писателей и музыкантов, работающих в кино.

Столица деятельно готовится к приему гостей. Шестой Международный кинофестиваль проводится в канун знаменательной даты — 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. На Советской площади Москвы — против здания Моссовета — развернется большая экспозиция выставки, посвященной кинематографической лениниане. Здесь будут представлены кадры из лучших художественных фильмов об Ильиче. Хроникальные кадры расскажут о наиболее значительных событиях времен революции и первых лет Советской власти.

В августе нынешнего года исполняется 50 лет со дня подписания В. И. Лениным декрета, положившего начало советской кинематографии. Участники и гости фестиваля увидят на экранах московских кинотеатров фильмы золотого фонда советского кино, среди них «Октябрь», «Ленин в Октябре», «Сердце матери», «Ленин в Польше»... Будут демонстрироваться документальные ленты выдающегося

Социалистическая ИНДУСТРИЯ

Газета Центрального Комитета КПСС

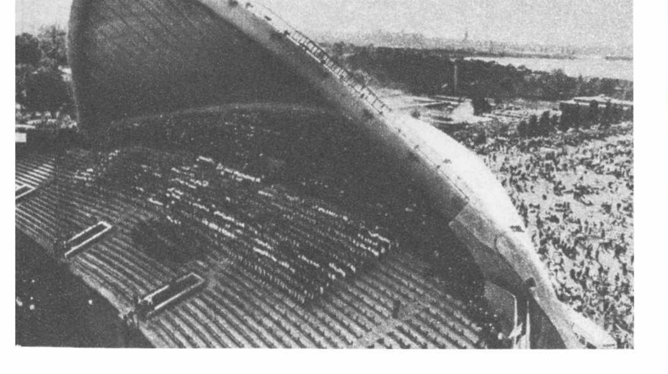
Изобретателям и рационализаторам Советского Союза

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Идеи ленинизма — оружие молодежи

МОИ ТОВАРИЩИ ПО ТРУДУ

ВО ИМЯ ТОРЖЕСТВА ИДЕАЛОВ КОММУНИЗМА

И еще надо иметь таких композиторов, дирижеров и педагогов, как Густав Эрнесакс, Юри Варисте, Тудур Вэттик, Арво Ратассепп, Лембит Верлин, Рихард Ритсинг, Джон Тунгал, Хейно Кальюсте, Уно Ярвела, Леопольд Вигла, Хельмут Оруссаар, Хейно Раннап. И надо, чтобы весь народ был одарен музыкально и одержим любовью к песне.

Все это есть, и праздник состоялся. В узких проходах Певческого поля мы разыскали несколько гостей праздника и попросили их поделиться с нами впечатлениями.

СИНЬОР ДЖОВАННИ РОЗА ИЗ ВЕНЕЦИИ:

— Ни в одной стране мира, за исключением Советского Союза, невозможно провести такой манифестации песни. Энтузиазм певцов, братство и дружба присутствующих на празднике советских народов вызывают слезы растроганности. Этот праздник возвышенный и прекрасный, и мы, итальянцы, люди из страны песни, вам завидуем.

ДМИТРИЙ КАБАЛЕВСКИЙ, советский композитор:

— Что может сближать людей больше, чем песня? Меня покоряет вдохновение певцов и воодушевление слушателей. Величественной и благородной, без всякой мишуры кажется мне ритуальная часть — шествие, огонь, горящий на башне, костюмы. Уважение вызывает работа эстонских композиторов-педагогов, и я, как педагог, многому учусь здесь.

Н. СЕРГЕЕВА

Фото В. Сальмре.

ДУНАРОДНЫЙ

мастера советского документального кино Дзиги Вертова.

О том, как радушно ждет гостей вся наша страна, красноречиво говорят и маршруты экскурсий, по которым отправятся гости фестиваля по окончании работы. Они увидят Киев и Тбилиси, Минск и Ригу, побывают в Алма-Ате и Ташкенте, Новосибирске и Сочи, Ростове-на-Дону, в городе шахтеров Донецке...

В адрес Оргкомитета Московского международного кинофестиваля ежедневно приходят все новые телеграммы. Например: Рим. «Благодарю за приглашение, с большим удовольствием принимаю. Моника Витти». Индия. «Польщен оказанной честью, в восторге соглашаюсь. Дев Ананд»...

В жюри войдут крупнейшие деятели кинематографии мира: Альберто Сорди и Джанни Родари (Италия), Эрвин Гешоннек (ГДР), Ив Чампи (Франция), Ежи Кавалерович (Польша), Эдгар Энстей (Англия), Ион Попеску-Гопо (Румыния), Иштван Сабо (Венгрия), Луи Вернье (Бельгия), Зигфрид Магольд (ФРГ), Кинг Видор (США), Станислав Звоничек (Чехословакия), Мадиха Юсри (ОАР); от Советского Союза — Вия Артмане, Сергей Герасимов, Роман Кармен, Сергей Михалков...

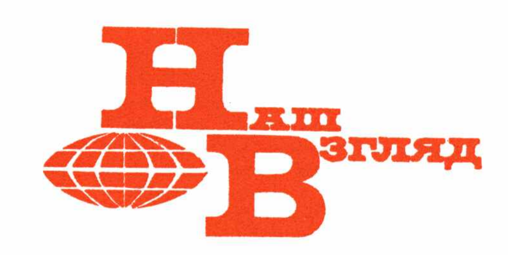
По установившейся традиции киоски «Союзпечати» Москвы будут предлагать покупателям красочно оформленный, иллюстрированный журнал «Спутник кинофестиваля», где будет публиковаться подробный дневник фестиваля, выступления кинокритиков и деятелей кино.

Н. ЗЫБИНА

УСПЕХА ВАМ!

Семья центральных советских газет пополнилась — с первого июля начала выходить газета Центрального Комитета КПСС «Социалистическая индустрия». Миллионы тружеников промышленности и строительства — рабочие, мастера, инженеры, ученые, конструкторы — получили свою газету. В «Слове к читателю», опубликованном в первом номере, редакция делится своими большими, интересными планами и выражает надежду, что у газеты появится много надежных помощников — рабочих корреспондентов.

В письмах, полученных редакцией от рабочих Москвы, Ленинграда, читатели желают своей новой газете доброго пути и творческих успехов. Коллектив «Огонька» присоединяется к этим пожеланиям. Успеха вам, дорогие коллеги! Поздравляем с выходом первого номера газеты «Социалистическая индустрия».

ЕДИНОДУШИЕ СОВЕТСКИХ КОММУНИСТОВ

Николай ПАСТУХОВ

Недавно в Москве состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС, который заслушал и обсудил доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «Об итогах международного Совещания коммунистических и рабочих партий» и единодушно принял постановление по докладу.

Пленум целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность Политбюро ЦК КПСС, направленную на укрепление сплоченности мирового коммунистического движения, работу делегации КПСС на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве с 5 по 17 июня 1969 года.

В эти дни по всей нашей стране проходят собрания коммунистов, на которых в обстановке творческого подъема обсуждаются итоги Совещания и Пленума ЦК КПСС. Советские коммунисты единодушно одобряют исторические документы Совещания, политику Центрального Комитета нашей партии, работу делегации ЦК КПСС на Совещании и принимают решения еще более самоотверженно бороться за осуществление великих планов коммунистического строительства, за достойную встречу 100-летия со дня рождения основателя нашей партии и Советского государства В. И. Ленина.

Много страстных и глубоких по смыслу слов говорится на этих собраниях коммунистами Советского Союза, сыновьями и внуками тех, кто впервые в истории открыл путь человечеству к социализму. Ныне учение марксизма-ленинизма стало всесильным и под его знаменами идут могучие отряды преобразователей жизни на нашей планете — коммунистические и рабочие партии. Этот неодолимый процесс повергает империалистов в уныние, сеет в их рядах панику, и сегодня даже они вынуждены признавать, как это сделал недавно американский журнал «Тайм», «притягательность марксистского видения мира».

Да, в данном случае они выбрали правильное слово — притягательность,— иначе нельзя было бы объяснить тот огромный интерес, который ныне люди всех стран, всех континентов проявляют к материалам Совещания и в качестве руководства к действиям принимают политическую программу Документа «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил».

В мире развертываются мощные революционные процессы. В борьбе против империализма объединяются три великие силы современности: мировая система социализма, международный рабочий класс и национально-освободительное движение. Совещание вновь подтвердило, что оплотом всемирного антиимпериалистического, революционного движения является социалистическая система. От ее дальнейших достижений и ее сплоченности в решающей степени зависит успешное противоборство нового мира со старым. Вот почему в Постановлении Пленума ЦК КПСС подчеркивается, что «забота об укреплении мировой системы социализма — это одновременно забота о развитии мирового революционного процесса, о действенной борьбе против империализма».

Однако этой борьбе мешает внешнеполитический курс нынешнего руководства Компартии Китая, раскольническая политика которого встречает решительный отпор со стороны подавляющего большинства братских партий. Пленум ЦК КПСС указал на то, что КПСС будет вести непримиримую борьбу против антиленинских идейных установок нынешних руководителей Китая, против их раскольнической политики и великодержавного внешнеполитического курса. Вместе с тем Пленум подчеркнул, что коренные интересы советского и китайского народов совпадают и поэтому наша партия будет стремиться сохранять и поддерживать дружеские чувства, которые есть в советском народе по отношению к китайскому народу и которые, несомненно, есть в китайском народе по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий еще раз продемонстрировало, что коммунистическое движение, несмотря на некоторые трудности в своем развитии, является боевым авангардом всех антиимпериалистических сил, самой могучей политической силой современности.

Этого бесспорного факта никак не хотели да и не хотят сейчас признать «пророки» и провокаторы из органов буржуазной пропаганды, пытающиеся некоторые трудности в нашем движении изобразить как «раскол», «бунт», «кризис» и так далее. Не случайно их представители на встрече в пресс-центре Совещания так беспардонно атаковали провокационными вопросами Первого секретаря ЦК КПЧ тов. Г. Гусака. Опираясь на коллективный разум и единство участников Совещания, на славный революционный опыт и поддержку коммунистов Чехословакии, тов. Г. Гусак достойно опрокинул все атаки потерявших почву под ногами представителей буржуазной печати и, отвечая на вопрос корреспондента нашего журнала о том, как он относится к этим злопыхательствам, заявил, что итоги Совещания в Москве убедительно продемонстрировали полный провал провокационной пропаганды капиталистической прессы.

Наш противник хитер, коварен, готов пойти на любые преступления, в том числе и кровавые. Но приговор ему уже вынесен. Он содержится в Документе Совещания — этой боевой программе сил прогресса современности.

КАКОЙ ТЫ, КОЛГУЕВ?

Начало см. на стр. 1.

ОСТРОВ НА ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ, ЛЕГ ТЫ НА КАРТЕ НАШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

— Значит, решили на Колгуеве побывать? Ну что ж, это нетрудно,— начал свой короткий рассказ секретарь Ненецкого окружного комитета КПСС **Тихон Иванович Сядейский.**—Авиация все упростила, она практически связала нас со всеми населенными пунктами округа. А до Колгуева рукой подать. Поселок там есть — Бугрино. Он даже по нашим масштабам маленький, и совхоз «Колгуевский» тоже невелик. Оленей у них примерно семь тысяч, а во всем округе — около ста семидесяти тысяч. Но и на примере Колгуева можно проследить изменения, происшедшие в Ненецком национальном округе за сорок лет его существования. Он ведь был первый из национальных округов, образованных на Дальнем Севере.

В марте 1929 года ненцы Малоземельской тундры писали: «Мы, ненцы... ходатайствуем... о создании единого Ненецкого округа... Мы, ненцы, просим нам дать полные национальные права, как велел В. И. Ленин». 15 июля 1929 года Президиум ВЦИК постановил создать Ненецкий национальный округ.

С тех пор изменения у нас произошли колоссальные. Сейчас в округе электрифицированы все поселки, везде радио, кино, больницы, клубы. Письменности раньше у ненцев не было, в тридцать втором году вышел первый ненецкий букварь. А теперь — своя национальная интеллигенция.

Основа экономики — оленеводство, которое, как известно, без кочевки невозможно. Но и тут перемены: сейчас кочуют постоянно только около полутораста семей, да и они за 3—4 года перейдут в поселки. Чумы в бригадах постепенно вытесняются легкими, установленными на нарты домиками. Все меняется.

Есть у нас и молочное животноводство и земледелие: свои овощи, картофель на вечной мерзлоте выращиваем, звероводство, пушной промысел... И, конечно, рыба. Печору часто называют деликатесным цехом страны: здесь ловится семга, нельма, сиг. Но будущее наше — промышленность. Кроме предприятий местного значения, больших пока только два: Печорский рыбокомбинат и лесозавод имени Г. Хатанзейского. За его продукцией — экспортным пиломатериалом — приходят корабли из Англии, Франции, ФРГ и других стран. В прошлом году на территории округа обнаружены были нефть и газ. И тут уж перспективы открываются самые широкие.

А самолет на Колгуев, между прочим, уходит через час...

* * *

Маленький ярко-красный «АН-2» буравит небо над снежными просторами ненецкой земли. Лето осталось где-то далеко позади. На горизонте начинает накапливаться синева. Подлетаем ближе: край моря с полосой чистой воды в несколько километров. Плавная, как по лекалу проведенная, линия берега, у его кромки отколовшиеся ледяные поля. А дальше, за чистой водой, молодые льды — смерзшиеся круги и овалы, точно оладьи на синей сковороде. Летчики показывают вперед: «Вот и Бугрино!» Но я вижу только тоненькую темную черточку, как одинокое тире на большущем чистом листе бумаги. Черточка постепенно превращается в пунктир, а затем в поселок.

Самолет касается лыжами снега и почти мгновенно останавливается. Ветер дует с какой-то постоянной, точно отмеренной яростью.

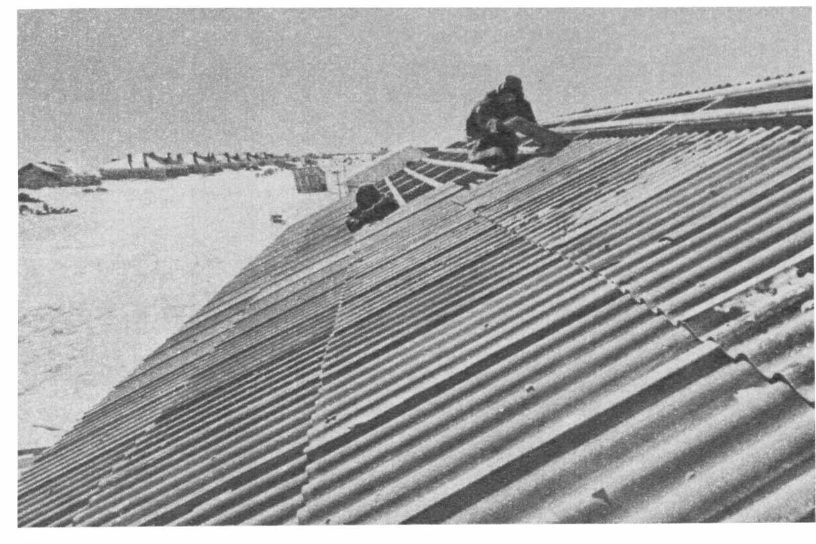
Первое упоминание о земле ненецкой мы находим в Новгородских летописях XI века. Еще в ту пору отважные поморы ходили сюда торговать «железом» в обмен на «мягкую рухлядь» — меха. А купцам-иноземцам хотелось урвать себе тут лакомый кусок. Заплывали сюда голландцы и даже проект имели — поставить на Колгуеве крепость, чтобы пресечь конкуренцию. Только мечты эти не осуществились, а пролег мимо Колгуева русский Мангазейский морской ход.

2 июля 1918 года Совнарком под председательством В. И. Ленина утвердил постановление об отпуске средств на нужды крупной гидрографической экспедиции по изучению морей Северного Ледовитого океана. Но экспедиции не суждено было осуществиться: 2 августа интервенты захватили Архангельск.

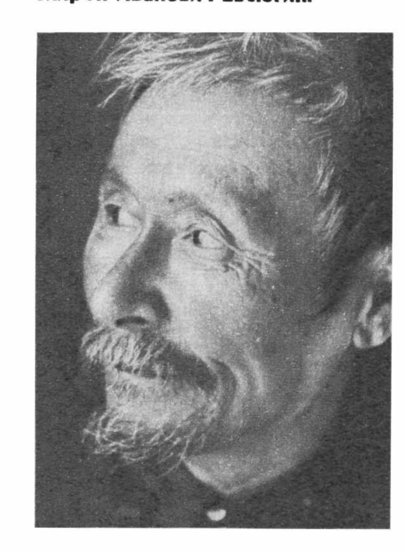
В 1920 году сразу же после освобождения Архангельска была организована Сибирская хлебная, а годом позже Карская товарообменная экспедиции. В навигацию 1922 года пароход «Сосновец» доставил на остров Колгуев хлеб, продукты, промышленные товары. Началось планомерное освоение Арктики. Налаживалась жизнь и на острове...

— Как жизнь налаживалась? — Мирон Иванович Евсюгин отвечает не сразу, пальцы его перебирают что-то невидимое, словно он ощупывает ими каждый из шести с половиной десятков прожитых годов, потом рубит ладонью по столу и говорит:

— Записывай... Прежде нас купцы печорские кормили, а больше поили. Не стало их. Снабжение пошло из Архангельска. Приехал кладовщик. Когда надо — пойдешь, продукты выпишет. Денег не знали, торговля была безналичная. Жили все в чумах. Три деревянных здания — склад, церковь и амбар.

Скоро новоселье.

Мирон Иванович Евсюгин.

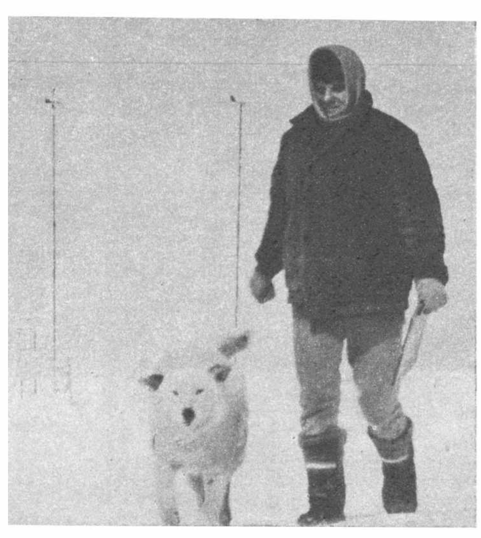

Хранительницы древнего искусства.

Городошники.

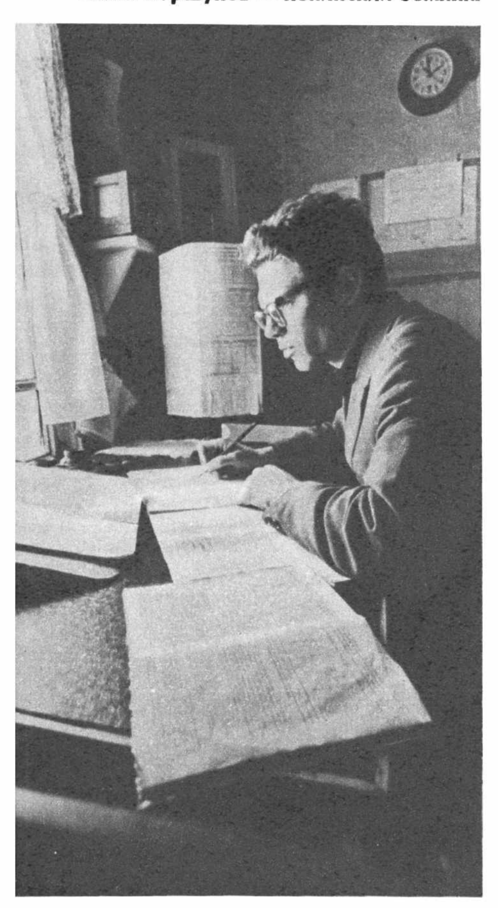

Метеоролог Нина Силакова и ее верный друг Мишка.

Триста девятнадцатый житель Колгуева.

Слава Коршунов — ленинский земляк.

Оленями жили и охотой, только оленей мало было, бедно жили. Кочевали в тундре по всему острову.

В двадцать пятом году Советская власть освободила нас, ненцев, как и другие северные народности, от всех налогов. Через год создан был на Колгуеве островной Совет. В тридцать пятом году меня выбрали председателем. Собрал я народ, говорю: «Надо съездить куда-нибудь, посмотреть, как люди живут, там дома есть, деньги есть». Поехал в Архангельск, в исполкоме говорю: «Надо дома делать, хватит в чумах жить! У вас магазины есть, и нам надо магазин». Вернулся домой, рассказываю: на земле люди лучше живут. Заказали в исполкоме десять домов. И тут я заболел. Отправили меня в Ессентуки лечиться.

Вернулся на остров — и дома привезли, начали мы их собирать. С тех пор и стал я строителем, и плотником был, и столяром, и стекольщиком. Меня оленеводы ругали: зачем оленей бросил, детей чем кормить будешь? А мне строить до старости хватило — вон какой поселок вырос! И дети выросли — пятеро. Старший Иван — трактористом в совхозе, второй Иван — кладовщиком...

— А почему два Ивана, Мирон Иванович?

— Такая тут история. Первого я в честь отца своего назвал. Когда второй родился, я в тундре был. Приехал — и в Совет к секретарю: сыну имя хочу дать.

— Теперь, говорит, уже поздно, я его Иваном записал...

— Так у меня один уже есть!

Хлопнул он себя по лбу — забыл. Так и оставили, переписывать не стали.

Война нас, как и всех, коснулась. И строительство приостановилось, и оленей много забить пришлось — стране мяса не хватало. Летом сорок второго года начали тут самолеты немецкие летать. Называли мы их «юнкерс — черный самолет». По поселку стреляли, по домам. На людей охотились. Раз услыхали мы: «юнкерс» на острове на вынужденную сел. Ружья похватали, гранаты — и туда на оленях. Только ничего не нашли. Жалели, помню: уж очень хотелось проучить этих «охотников». Так было... А сегодняшняя жизнь перед глазами, сам смотри...

— Вас, конечно, экономика наша интересует.— И директор совхоза «Колгуевский» Ян Хыльма достает ведомости и сводки.— Хотя все здесь потомственные оленеводы, но оленей до образования совхоза было только полторы тысячи. Сейчас их у нас почти в пять раз больше. И наш олень ценней материкового: шкура у него не побита оводом, целенькая. И идет она потому на самую лучшую замшу.

Листаем ведомости: оленевод получает в среднем в месяц двести пятьдесят рублей, бригадир — до четырехсот.

— Это без дополнительной оплаты,— уточняет Хыльма,— а в конце прошлого года мы выплатили дополнительно пастухам от восьмисот до тысячи двухсот, а бригадирам — от полутора до двух тысяч рублей каждому.

Директор рассказывает про большое строительство, про то, как «техника все прибавляется, а надо и ей условия создать». Потом он восторженно говорит про совхозную мастерскую, где из меха шьют отличную обувь, одежду.

— В Нарьян-Маре вам так не сошьют — там же нитками шьют, а у нас оленьей жилкой. Прочно...

Вот вроде бы и все, что у вас называют экзотикой. А остальное — обычно, как везде. Вы, наверное, сами уже видели и радиоточки в домах, и стиральные машины, и электроприборы разные. Этим никого не удивишь. Разве только «Спидолами» еще. У нас в тундре почти у каждого оленевода «Спидола». Так что мы новости узнаем вместе со всей Землей.

Не забудьте: вечером, в восемь, ждем в клубе...

Еще накануне Ян весьма настойчиво предложил мне провести встречу с читателями «Огонька». Читателей собралось много — полный клуб. Днем, готовясь к этой встрече, я занялся статистикой. В островном Совете подсчитали точное число жителей — 318. Через час узнал, что сведения эти уже устарели, так как на острове прибавился новый житель, вернее, жительница — Саша Варницына. На почте мне сообщили, что колгуевцы выписывают двести семьдесят экземпляров газет и журналов.

...Командовал «парадом» высокий парень в небесно-голубой малице. Это был «министр культуры» острова Виктор Варницын — киномеханик, библиотекарь и вообще клубный начальник, он же заместитель секретаря парторганизации и отец новорожденной Саши.

Я рассказал о том, как делается журнал, вспомнил статью Толмачева, опубликованную в «Огоньке» сорок три года назад. Статья называлась «Затерянный остров».

И тут поднялся такой хохот — стены дрожали. Подумать только: затерянный остров! Старики хлопали себя по подолам малиц и утирали слезы, ребята же просто гоготали.

Когда шум улегся, Виктор отправился в кинобудку, и на экране появился Ленин. То ли Виктор хотел подчеркнуть, что мы находимся на ленинском меридиане, то ли фильм шел по плану, только смотрели мы «Ленин в Октябре».

После сеанса на улице шумно и людно. Бледными пятнышками тянется вдоль улицы цепочка электрических фонарей.

— Юрка сегодня скворечники будет делать! — сказала мне Люда Удальцова.— Приходите смотреть. Вчера две первые чайки прилетели, значит, весной потянуло.

Юрка — это ее муж, совхозный механик. Познакомились они на Колгуеве в шестьдесят третьем. Юра уже работал здесь, а Люда приехала сюда на практику в больницу. Поженились и вскоре перебрались под Ленинград. Сын родился, а отец вдруг затосковал — Колгуев сниться начал. Договорились: сначала он отправится один, а когда сын подрастет, то и они приедут. Только Люда уговор не выполнила: явилась вслед за мужем. Правда, за сына боялась, как он к северу приладится: грудной еще. А ведь ничего, здоровый хлопчик вырос.

— А скворечники лишь так называются,— продолжает Люда,— живут в них беляки — птички вроде воробьев, только беленькие. Да вон они прыгают. Птица северная, в теплом месте ей не живется. Вот и люди так. Три года назад наши оленеводы в Москву ездили, целая делегация — двенадцать человек. Совхоз их послал и поездку оплатил. Побывали они на ВДНХ, в театры сходили. Вернулись, обо всем отчитались, по радио выступили и в газете. Понравилось им, хорошо, говорят, в Москве, очень хорошо, только глазам тесно. Они же тундровики, им простор для жизни нужен. А нас, приезжих, что тут держит?

Значит, что-то держит... Я видел, как Юра возится у вездехода, как на закат смотрит, видел. А Люду что держит? У нее в больнице фельдшерской работы не так уж много: народ болеет редко. Но каждое утро она отправляется в детский садик, где ребята встречают ее радостными криками: «Тетя Люда плишла!» Она сует им градусники, и они, скрестив ручонки, сосредоточенно заглядывают себе под мышки. С превеликим удовольствием глотают витаминные шарики и нежатся под лучами кварца. И растут крепкими и здоровыми. Спроси сейчас на острове, что за болезнь цинга, никто толком и не ответит. Конечно, не Люды это заслуга, но она продолжает дело тех, кто начинал здесь борьбу за здоровье людей.

Автомобилей на острове — ни одного: им тут делать нечего. Зато есть вездеходы. И еще один вид транспорта появился — самодельные аэросани. Построили их моторист электростанции Михаил Апицын с сыном Василием, трактористом. Словом, техника в руках ненца — великая сила, уже можно прожить и без упряжки.

...Мишка — большой белый пес, лохматый, как медведь, с широкой грудью, мощными лапами и рыжими ушами. Глаза у него карие, добрые, в опушке густых белых ресниц. На морде следы лихих собачьих драк. Еще год назад он ходил вожаком в упряжке и умел постоять за себя и за хозяйские интересы, наводя порядок среди подчиненных и не гнушаясь при этом применять грубую физическую силу. Зубы он растерял, но клыки еще служат. Только стал он не тот и лишился службы. А раз не при деле, значит, не кормлен. И прибился Мишка на метеостанцию. Тут его приняли и полюбили. Дали Мишке новую работу: сопровождать ребят, когда те идут на наблюдения. А наблюдения — дело серьезное, их ни в какую погоду нельзя отложить. Признает Мишка на метеостанции всех, но любит по-настоящему только одного человека — Нину Силакову. И эта Мишкина любовь спасла ей жизнь.

Дело было зимой. Полярная ночь. Пурга. В двух шагах ничего не видно. Нужно идти измерять уровень моря. Хоть и недалеко лунка от берега, но на обратном пути Нина заблудилась.

— Потеряла тропу, куда ни ступлю — рыхлый снег,— вспоминает она.— И Мишка куда-то делся. Неужели, думаю, убежал? Аж внутри все похолодело. Кричу: «Мишка, Мишка!» Прибежал все-таки и вывел к станции.

Вот такая теперь работа у Нины из города Гусь-Хрустальный, что на Владимирщине. Будто бы и случайно попала на Север, но определенная закономерность в этом есть. С детства мечтала быть радисткой, а стала пчеловодом. Потом пришла в военкомат, попросилась служить на флот и выучилась на радистку. После демобилизации поработала на таежной метеостанции, а теперь на морской.

Кроме Нины, на станции еще трое. Одного из них я не видел — он был в отпуске, а с двумя другими познакомился. Это Слава Коршунов, начальник станции, и его жена Нина Симакина. Разные они: он серьезный, она смешливая и шустрая. А история их вот какая. Ехал солдат из армии домой, в родную Ульяновскую область, да встретил в поезде девушку. Разговорились.

— Зачем тебе в Ульяновск? Поедем лучше к нам в Саранск, знаешь, какие у нас заводы хорошие! — сказала девушка.

И он поехал, так и путешествуют с тех пор вместе. Из Саранска в Архангельск, оттуда на остров Мудьюг. Отработали свой срок на Севере — уехали в Ярославль. Жили неплохо, да как начали море вспоминать, тут и чемоданы упаковали, а распаковали их уже в Бугрине.

Так появился на Колгуеве земляк Ленина, не покинул он родной ленинский меридиан, только переместился по нему далеко на север.

А через несколько дней уже в Нарьян-Маре пришел ко мне в гостиницу с магнитофоном редактор молодежных передач «Юность Заполярья» Георгий Петров и потребовал впечатлений о поездке на Колгуев. И тут выяснилось, что это «сместившийся по меридиану» бакинец, приехавший сюда вместе с женой, которую зовут Фарида Ахмед-заде. Еще одна семья, не устоявшая перед романтикой.

...И снова Бугрино, удаляясь, превратилось в тире на белом листе, но теперь расшифровывалось оно обжитым кусочком нашей земли, населенным хорошими, интересными людьми. И представился вдруг мне наш меридиан этаким гигантским коромыслом, лежащим на плече волжского богатыря Ульяновска. На одном конце меридиана Баку, на другом — Колгуев.

ДОРОГА ДЛИНОЙ В 25 ЛЕТ...

Взметнувшиеся в московскую высь национальные флаги братской Польши возвестили открытие юбилейной промышленной выставки «25 лет Польской Народной Республики». На торжественном открытии выставки присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, заместитель Председателя Совета Министров СССР М. А. Лесечко, польская правительственная делегация во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК ПОРП, заместителем Председателя Совета Министров ПНР П. Ярошевичем, делегация, возглавляемая секретарем ЦК ПОРП С. Ольшовским, а также министры СССР и ПНР.

Велики успехи в станкостроении, в металлургии...

Фото А. Бочинина.

Выставка занимает менее тридцати тысяч квадратных метров. Но и эта в общем-то небольшая территория позволила найти место и металлургическим заводам, и польским магазинам, и фрагменту варшавской улицы, и частичке Балтики с ее суровостью и красотой, и дому моделей... Показ, посвященный 25-летию Польской Народной Республики,— демонстрация изобретательности и таланта. В экспозиции отразились главные достижения многомиллионного польского народа. Выставка по преимуществу промышленная, говорящая о сегодняшнем дне польской индустрии, о ее участии в братском союзе социалистических стран, о ее повседневном деловом и дружеском сотрудничестве с нашей страной. «Торговые отношения с Советским Союзом,— отметил министр внешней торговли ПНР Януш Буракевич,— были одним из основных, решающих факторов экономического развития народной Польши».

...Дорога длиной в 25 лет, стремительная, отмеченная блестящими успехами, и экспозиция еще раз напоминает об этом.

Миллионы тонн чугуна ежегодно, превосходного звучания пианино «Легница», телевизор «Опаль», 1 001 мелочь и другие изделия объединения «Универсаль», мебель «Пагед», комплектные промышленные объекты «Цэкоп»— продукция сегодняшней Польши. Все это, как и многое другое, что мы видим на стендах и открытых площадках, все, о чем прежняя Польша и мечтать не смела, создано трудом и умом талантливого польского народа. И станки с программным управлением, и дорожные строительные машины, и приборы электроники, и электронно-вычислительная машина, принявшая на выставке обязанности гида и отвечающая на вопросы посетителей.

Поляки демонстрируют не только успехи своего промышленного производства, но и свое искусство в устройстве самой выставки: все здесь выразительно и элегантно. Я беседую с директором выставки Тадеушем Вальчикевичем. Десять лет назад мы с ним встречались во время выставки, посвященной 15-летию народной Польши. Помню, на той, десятилетней давности выставке стояла «Варшава» — точная копия нашей «Победы». Сейчас представлено несколько моделей «Варшавы». Но они успели заметно измениться, похорошеть, стали современнее...

— Двадцать пять лет — годы большого роста нашей республики,— подчеркивает товарищ Вальчикевич. — Двадцатипятилетний путь Польши — путь не в одиночку, а в братском союзе с СССР, с другими социалистическими странами. Поэтому мы и прошли его столь успешно, поэтому достигли многого.

От стенда к стенду, от экспозиции к экспозиции. Лицо современной индустриальной Польши. Автомобили и корабли, высокоточные станки и оборудование для химических заводов, ядерная техника и тридцать жилых интерьеров, стекло и керамика; раздел, неизменно привлекающий внимание,— «человек и дом». Один из стендов напоминает, сколько ПНР поставила в Советский Союз комплектных предприятий химической и пищевой промышленности. Но начинался этот экспорт... с импорта, с ввоза в Польшу советского оборудования. В послевоенные годы СССР поставил в Польшу оборудование— частично или полностью — для 280 промышленных предприятий, фабрик и заводов. Это помогло ПНР создать тяжелую индустрию. А теперь комплектные предприятия идут и в СССР.

Выставка уже приняла сотни тысяч посетителей.

К. БАРЫКИН

Польская мода повсеместно пользуется заслуженным признанием.

Смелые стремятся в небо

С высоты летное поле аэродрома кажется зеленым ковром. Отсюда хорошо видно, как серая лента шоссе убегает к затянутому голубой дымкой Симферополю. Но парашютистка Юля Сушкова сейчас не глядит в сторону родного города. Все ее внимание сосредоточено на мишени — кресте из двух белых полотнищ, словно пришитых к середине летного поля.

Возле девушки — инструктор, летчик-парашютист Армик Панасутин, на счету которого уже не одна сотня прыжков. Он ободряюще улыбается, знает, что каждый, даже самый опытный спортсмен перед прыжком всегда волнуется.

По команде «Пошел!» Юля делает шаг вперед, и вот уже воздух знакомо свистит в ушах. Приземляется она точно в центре перекрещенных полотнищ. Это далеко не первый ее успех.

Юля — одна из многих крымских энтузиастов парашютизма.

— Воздушные спортсмены приходят к нам на аэродром в любую погоду,— рассказывает начальник Симферопольского авиаклуба Георгий Федорович Щербаков.— Бывает, облака только что не на крышах лежат, дождь проливной, о полетах нет и речи. А ребята идут. Кто на тренировочных снарядах под дождем занимается, кто в классе парашюты переукладывает, и все упорно ждут чуда: вдруг прояснится небо и можно будет начать прыжки...

По самолетам.

Аза Ткачева перед прыжком.

Воздушные спортсмены готовятся.

Мастер парашютного спорта Борис Байзер в свободном падении.

После прыжка.

Фото Б. Кузьмина.

Инструктор парашютного звена, мастер спорта Армик Панасутин.

Анатолий КАЛИНИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЦЫГАН

* * *

Конечно, можно было и дальше ехать с этой поломкой — всего лишь надтреснутой тягой, как до этого, должно быть, зная о ней, ездил пол-лета на свидания со своей пасечницей второй табунщик. Но ехать на свидание и начинать опять весь тот путь, который был проложен на картах Будулая, все-таки не одно и то же. Тем более что и прямо здесь же, справа за лесополосой, дымится в низине труба какой-то мастерской, стоит лишь немного отклониться от шляха.

— Дело тут совсем пустяковое, и я бы не прочь,— откинув с лица эбонитовую маску, виновато говорил Будулаю сварщик,— но если наш директор совхоза узнает, что я цыгану уважил, он меня со света сживет.

— Почему?

— Потому что у нас директор тоже цыган.

— Непонятно.

— А вот ты попробуй сходи к нему за разрешением, и сам, может быть, поймешь. Тут всего через десять домов. А мне заварить нетрудно.

И захотелось Будулаю своими глазами посмотреть на этого самого цыгана, который может человека со света сжить, если тот захочет помочь другому цыгану. Что-то это мало было похоже на правду. Какая только слава не катилась за цыганами по земле, и самая горькая правда о них переплеталась с жестоким вымыслом, но о таком он слышал впервые.

Никакого цыгана в кабинете директора совхоза, куда вошел Будулай, не оказалось. Просто смуглый человек в темно-синем костюме со звездочкой Героя на груди сидел за письменным столом, почти утонув в глубоком кожаном кресле, и что-то старательно писал, низко скособочив голову, как ученик за партой. Тем более что и в сплошь седых волосах его, крупными кольцами упавших на лоб, нельзя было увидеть ни одного черного волоса.

Должно быть, этому сварщику из совхозной мастерской захотелось подшутить над Будулаем, цыганом, и теперь он там с товарищами дает волю смеху.

Громадные многоколосые снопы безостой пшеницы стояли по углам кабинета, справа и слева от письменного стола, за которым сидел директор. И Будулая он выслушал, не поднимая головы, продолжая писать. Лишь чуть-чуть замедлилось движение его авторучки по листу бумаги, лежавшему перед ним на столе.

— Ну и что же,— спросил он,— какой это умник мог вас с такой мелочью к директору послать? Пусть бы и заварили.

— Они говорят, что это ваш приказ,— по-цыгански сказал Будулай.

И только после этого директор поднял голову, взглядывая на него. Тут же Будулай и сомневаться перестал. У кого же еще и бывают такой густой черноты и такого горячего блеска глаза! Как расплавленная смола.

— Так бы ты сразу и сказал, это действительно мой приказ, и отменять его для тебя я не намерен. Можешь не просить.

— Я и не собираюсь,— сказал Будулай.

Директор опять с удивлением поднял глаза.

— А зачем же ты тогда заявился ко мне?

Он говорил Будулаю «ты», и Будулай решил отвечать ему тем же:

— Чтобы как следует посмотреть на тебя.

Директор совхоза насмешливо улыбнулся:

— Ага, значит, ты на меня обиделся, ром. Ну и теперь отваливай. Езжай и рассказывай по дороге всем другим цыганам, что есть, оказывается, среди нас один такой сукин сын, которого нужно за сто верст объезжать.

Будулай покачал головой:

— Нет, я скажу им, что ты действительно герой.

Директор невольно дотронулся ладонью до золотой звездочки у себя на груди и тут же, отдергивая руку, с угрозой сказал:

— Ну, ну, этого ты касаться не смей.

— Не грози никому, и сам не будешь бояться,— опять по-цыгански ответил ему Будулай.

Властный окрик остановил его уже у самой двери:

— Нет, подожди!

И когда Будулай вновь обернулся, он увидел, что директор совхоза уже не сидел в своем кресле, а стоял в углу, где были пшеничные снопы, и рылся в них.

— Вот.— И в руке у него вдруг сверкнул кнут. Обыкновенный, на вишневом кнутовище кнут, такой же, какой всегда носил за голенищем своего сапога тот же Егор, муж Шелоро.— Ты знаешь, это что?

Будулай спокойно сказал:

— Знаю также и то, зачем ты его у себя в кабинете держишь.

Стоя, директор совхоза оказался совсем небольшого роста человеком в темно-синих гимнастерке и брюках, заправленных в мягкие шевровые сапоги. Такие, какие обычно любят носить цыгане. Закидывая голову и закладывая палец за широкий желтый ремень, он с интересом уставился на Будулая.

— Ну и зачем же, по-твоему?

— Чтобы все могли видеть, как ты от этого цыганского кнута до звезды Героя дорос. И теперь можешь этим самым кнутом выгонять из своего кабинета всех других цыган.

— Вот ты, оказывается, какой, ром, догадливый.— Директор неожиданно улыбнулся.— Но только наполовину. Из кабинета я этим кнутом пока еще их не выгонял, а вот по степи действительно гнал. Вплоть до самой границы совхоза. Хотел бы я знать, как бы ты на моем месте поступил, если бы они украли у тебя одиннадцать лошадей? И не какие-нибудь проезжие цыгане, а те же самые, которых ты же и призрел, в новые кирпичные дома с ваннами и всеми прочими удобствами вселил, а их детишек одел и обул за счет директорского фонда. Конечно, после всего этого надо было бы их по всей строгости наших законов проучить, но я их по-цыгански проучил. Догнал на «Победе» в степи и...— Цыганский кнут коротко щелкнул у директора совхоза в руке.

— И после этого ты, конечно, считаешь себя очень добрым,— в тон ему сказал Будулай.

— А ты что же, хотел, чтобы я их в руки милиции передал? — с удивлением спросил директор.— И потом бы их за конокрадство лет на пять, а то и на все десять упекли? А детишки их за это время пусть хоть с голода перемрут, а? Небось, они мне же теперь и спасибо говорят. По-моему, лучше под кнутом побывать, чем под судом.

— Не все то, ром-директор, лучше, что лучше...— И, лишь сказав эти слова, Будулай вспомнил, что он и сам только что услышал их от старой цыганки. Вот, оказывается, они уже и пригодились ему, хотя она и имела в виду совсем другое.— И еще смотря, кто как на это смотрит. А по-моему, уж лучше под советский суд попасть, чем опять под кнут. Но, но, ты не сердись, ром-директор, и скажи, чтобы он не вздрагивал у тебя в руке. Жалею, что меня тогда не было в степи среди этих цыган. До этого они хоть и отсталые были цыгане и даже конокрады, но они уже были приучены советской властью, что на них никто не может руку поднять. А ты с них сразу всю эту науку своим кнутом сбил. А их дети в это время стояли и смотрели, как их отцов бьют. И теперь ты ждешь, когда тебе за это спасибо скажут. За то, что ты их сначала в своем совхозе воспитывал, а потом довоспитывал в степи кнутом.

Директор совхоза встревоженно спросил:

— Ты что же этим хочешь сказать?..

Но Будулай не дал ему продолжить:

— Только то, ром-директор, что ты уже можешь позволить себе быть таким добрым. Потому что ты уже не простой цыган, а герой. Ты уже вышел из цыган. А те другие цыгане так себе и остались, какими были. И ты уже можешь за то, что они еще кочуют, лошадей крадут и доверчивых людей дурят, не отвечать. Это уже не твоя печаль. У тебя совесть может быть спокойной.

— Ого, ты куда загнул,— с угрюмой насмешливостью сказал директор.— Я вижу, что ты подкованный ром. На все четыре ноги. Уж ты-то, понятно, не кочуешь?

Окончание. См. «Огонек» №№ 24—26.

— Не кочую,— твердо ответил Будулай.

— А если и передвигаешься сейчас куда-нибудь, то не иначе, как, например, в отпуск?

Должно быть, потому, что с самого детства Будулая приучили к мысли о невозможности для цыгана прожить без обмана, ему теперь так ненавистно было всякое подобие обмана, но он вспомнил свой последний разговор с начальником конезавода и, не колеблясь, подтвердил:

— В отпуск.

Директор совхоза прищурился:

— А может быть, ром, и к сродственникам в гости?

— Может, ром-директор, и к ним.

— И, конечно, при этом паспорт и все остальное, на всякий случай, при тебе?

Будулай весело подхватил, обнажая в улыбке все зубы:

— С печатью и со штампом, можешь в этом не сомневаться. Потому что для таких, как ты, самое главное, чтобы прописка была. Есть у тебя, цыган, в паспорте штамп — и, пожалуйста, кочуй дальше. Езжай хоть к родственникам, хоть в отпуск. Есть в твоем паспорте печать с государственным гербом — и, значит, ты не какой-нибудь злостный нарушитель Указа Верховного Совета, а хороший цыган. И даже сам милиционер возьмет тебе под козырек. А в душе все равно не поверит, что ты едешь к родственникам или в отпуск. Ведь даже и ты, ром-директор, сейчас мне ни капельки не веришь. Стоишь передо мной, закинув голову, и хочешь ослепить меня своей Золотой Звездой, а ни единому моему слову не веришь. Потому что я цыган. А значит, по-твоему, у меня ничего другого за душой не может быть, как у других людей. Ни какой-нибудь другой радости, кроме той, как бы получше кого обмануть, и никакой такой печали, какая бывает у всех других людей. Мы тут с тобой славно поговорили, ром-директор, и очень хорошо поняли друг друга. Роста ты хоть и небольшого, но голова у тебя, я вижу, хорошая на плечах, и ты с нею еще вполне свободно можешь вторую такую же звезду получить. Нет, ты ее ладошкой не прикрывай, не стыдись. Не у всех же цыган на груди звезды. И когда ты поедешь за второй звездой в Москву, не забудь туда с собой этот кнут прихватить. Выйди на трибуну прямо в Кремле, вытащи его из-за голенища своего шеврового сапога и скажи: «Смотрите, как я от этого батога до всего дошел! И теперь вы все можете любоваться на меня. В то время как другие цыгане все еще щелкают на дорогах кнутом. Несмотря на Указ. И неумытые, нечесаные детишки их все так же пляшут, поют и кувыркаются на базарах перед толпой. В то время как другие советские дети в формочках сидят за партами в школе. Опять раздается «бэсчауру» и щелкает кнут. И опять скрипят кибитки, мокнут эти цыганские детишки под дождем и мерзнут под открытым небом в степи. И пусть. Никто не виноват, что их отцы и матери нарушают Указ Верховного Совета. Главное, чтобы был Указ, а на нем круглая печать с гербом. А там каждый человек сам кузнец своего счастья. Лично я за себя спокоен». Так ты там, ром-директор, и скажи. Каждый сам по себе. Мы с тобой очень хорошо поняли друг друга. Но если бы...— тут Будулай сделал шаг к директору совхоза, взял его руку своей железной рукой и поднял ее вместе с зажатым в ней кнутом, слегка заламывая назад,—...если бы ты и со мной так встретился, гражданин директор, в степи, ты бы после этого уже никогда на человека кнут не поднял.

Со слегка заломленной назад рукой директор совхоза молча смотрел на него.

— А теперь спеши к своему телефону. Слышишь, звонит? Спасибо за внимание.

И, отпуская его руку, Будулай шагнул к двери.

Директор совхоза ринулся было за ним вдогонку, что-то объясняя... Но телефонный звонок, не умолкающий за его спиной, оказался сильнее, и он с полпути вернулся.

Возвращаясь домой той же дорогой, Будулай все-таки притормозил у раскрытой двери мастерской. Знакомый сварщик, обо всем догадавшись по его лицу, решил было посочувствовать ему:

— Я же говорил...

Но Будулай холодно прервал его:

— Проводи меня к вашему кузнецу.

В дальнем углу мастерской гудел большой горн с механическим дутьем. Громадного роста кузнец в роговых очках, только взглянув на руки Будулая и обменявшись с ним тремя словами, признал в нем тоже кузнеца и молча уступил ему место у своего трона. Конечно, сваренный газом на месте надлома металл схватывается крепче, но это еще зависит и от того, какой мастер. Оценивающим взглядом из-под вздетых на лоб очков хозяин этой кузницы наблюдал, как его гость берется за щипцы и за молоток, мысленно заключая, что хоть он, конечно, и мастер, но почему-то уже давно не держал в руках инструмент, а поэтому чересчур осторожно приступает к делу. Все делает правильно, не придерешься, но както несвободно. И украдкой захватывает ноздрями смешанный запах раскаленного металла и курного угля так, как если бы это был запах молодого степного сена.

— Включи-ка, Ваня, вентиляцию!—крикнул хозяин кузницы своему подручному, тоненькому, лет двадцати пареньку, работавшему из-за духоты в кузнице без рубахи. В полумраке его кожа смугло лоснилась.

Щипцы вдруг задрожали в руке у Будулая, и обыкновенный кузнечный молоток налился в другой его руке такой тяжестью, словно это был самый большой молот.

Хорошо, что к тому времени он уже кончил свою работу. И, конечно, этот подручный кузнеца был совсем другой Ваня.

Теперь он мог ехать и дальше, не опасаясь, что его подведет в пути его конь. На прочность своей кузнечной сварки он надеялся твердо.

И если в пути начнет подводить его память, он всегда сможет сверить ее с теми старыми военными картами, которые лежат у него в чемодане, приторочепном за седлом к раме мотоцикла.

* * *

Как гонимые ветром клубки перекати-поля, движутся по кромке степи цыганские брички.

И опять по пути их кочевья появляются на последних страницах районных газет «Советский Дон», «Звезда Придонья» или же еще каких-нибудь «Донских огней» стыдливые объявления: «Пропала кобыла. Масть гнедая. Белая звездочка на взлобье и в чулках на передних ногах. Кто найдет, просьба сообщить за вознаграждение по адресу...»

Куда там найти! И не могут же цыгане читать газет во всех тех местах, через которые проезжают они, почти не задерживаясь. Мимо и мимо. Как гонимые по степи ветром клубки перекати-поля.

— Кони уже пристали, Шелоро. Надо им дать попастись.

— Вот доедем до станицы и пустим. А тут нигде и поджиться нельзя. Дети с самого вечера не евши.

— Нет, там, под горой, тоже какие-то хатки есть.

— Да цытьте вы, горластые! Где я вам возьму?!

— А этот косой скоро и совсем упадет.

— Ну и зараза же твой Будулай. Из-за него мы теперь как на волах едем. Ничего не стоило ему обменять.

— А ты думаешь, генерал не доглядел бы? От него ничего не скроешь.

— Я кому сказала? Вот я вас сейчас батогом накормлю! Навязались на мою душу!

— Никто тебе не виноват, что ты их каждый год по двойне катаешь.

— Другие цыганки за своими мужьями как у Христа за пазухой живут. В своих домах.

— И у нас был свой.

— То казенный.

— А тебе оно воняло, казенный или нет!

— В любой момент могли попросить.

— Люди всю жизнь живут, и никто их не просит.

— Вот бы ты и жил.

— А ты уже забыла, кто первый «бэсчауру» сказал?

— Другие мужья из Москвы на самолетах чемоданы с заграничными кофтами возят, а цыганки только торгуют.

— Вот ты у меня скоро тоже схватишь батога.

— Ты только это и умеешь.

— Тпрр-у! Всё! Они уже совсем не хотят идти. Что-то это место мне будто знакомое? Не узнаешь?

— Ничего я не узнаю.

— Но тут же еще должна и могилка быть. А может, это и другое место.

— Хоть бы вы повыздыхали все! Только бы жрать и жрать.

— И их с собой возьми. Все-таки, когда с ними, лучше подают.

— Я сама не пойду!

— Не могу же я коней бросить!

— Все равно тут везде одно казачье. У них зимой снегу не выпросишь.

— Такие же люди, как и везде.

— А казачки аж еще злее.

— От этого нового птичника на том краю и заходи.

— А мешок мне зачем?

— Они больше без зерна не могут идти.

— Все я да я. А ты тут будешь под бричкой в холодке лежать.

— Ступай, Шелоро.

— Кабы мы не одни ездили, было бы на кого и коней бросить.

— Ты сегодня выпросишь у меня!

— Я же ни при чем, что ко мне все другие цыгане пристают.

— Ну!

— Не грозись. Я и так уже иду. Будь она проклята, эта жизнь!

* * *

Молодые цыплята хлопьями снега застлали вокруг птичника зеленый склон. Но две женщины в такой же девственной белизны халатах следили, чтобы они не отбегали слишком далеко. А против коршунов у них лежало на врытом в землю столике охотничье ружье.

Из двух женщин Шелоро сразу же, еще только спускаясь из степи по склону, выбрала старшую, потому что издали услышала, как другая испуганно крикнула ей:

— Смотрите, мама, цыганка идет!

И Шелоро тут же отметила, как старшая сказала на это:

— Ну и пусть себе, Нюра, идет.

— Она, мама, прямо к нам идет.

Теперь уже и Шелоро сочла возможным вмешаться:

— Не бойся, красавица, ты уже в мой мешок не влезешь.

Сероглазая девушка, вылитая мать, так и залилась краской, прикрывая лицо рукавом халата. И потом уже все время, пока Шелоро разговаривала с ее матерью, она держалась от них поодаль.

Шелоро поскорее надо было избавиться от тяготившей ее со вчерашнего вечера заботы, и она сразу же предложила женщине, едва увидела лежавшую на столике рядом с ружьем буханку хлеба:

— Ты мне отдай эту хлебину, а я тебе погадаю на твоего короля.

И, доставая из кармана юбки, она веером распустила на ладони карты. А ее черноглазые детишки, уцепившиеся за ее юбки со всех сторон, так и впились глазами в буханку хлеба. И не успела женщина молча протянуть их матери хлеб, как они тут же своими цепкими ручонками разорвали буханку на части.

— Какой у тебя король? — складывая веер и тасуя карты, спросила Шелоро.

Ей все время казалось, что эта женщина как будто присматривается к ней, узнавая и не узнавая, и под ее взглядом Шелоро с беспокойством старалась вспомнить, не приходилось ли им, и правда, как говорил Егор, уже бывать в этих местах и оставить здесь после себя какой-нибудь след, как

это иногда случалось... Но нет, по верху, когда-то давно, они действительно проезжали, а в хутор не спускались.

— Мне не нужно гадать. Я и без этого все знаю о себе,— отказалась женщина.

И с лица Шелоро она переводила взгляд на ее детишек, которые так и рвали зубами хлеб. От Шелоро не укрылось, как при этом страдальчески изламываются ее брови.

— Ты бы мне насыпала зерна,— сказала Шелоро, развязывая обмотанный вокруг пояса мешок.

Женщина покачала головой.

— У меня здесь нет моего зерна.

— А курей ты кормишь чем?

— Это все — колхозное.

— Ну тогда яичек дай для них, а они за это для тебя и для твоей дочки по-цыгански споют и спляшут.

И тотчас же по ее знаку серебряным хором зазвенели голоса ее детей, и они начали плясать, кувыркаясь у ее ног. Даже самый маленький, ползунок, которого Шелоро спустила с рук на траву, загудел, надувая щеки, и завертел ладошками, не желая отставать от своих старших сестер и братьев.

— Нет, нет! — испуганно замахала руками женщина.

И тут же по знаку Шелоро ее дети перестали петь и плясать.

От всего она отказывалась, что могло сегодня принести заработок Шелоро. Не из-за одной же буханки хлеба она спустилась из степи в хутор! А наверху лежал под бричкой Егор и поджидал ее с добычей.

И все-таки Шелоро не могла отделаться от ощущения, что эта женщина все время присматривается к ней и даже, похоже, о чем-то хочет ее спросить. Но не спрашивает. И когда потом взгляд ее опять соскальзывал к детям Шелоро, она тоже как будто всматривалась в них, жалостливо изломав брови. От буханки хлеба, которую они разорвали между собой, только и оставалась еще маленькая корочка в руке у ползунка, но глаза у них все еще лихорадочно блестели.

Внезапно женщина крикнула, повернув голову к своей дочке:

— Ты, Нюра, побудь тут одна, а я схожу домой.— И она кивнула Шелоро: — Пойдем со мной. Я тут недалеко живу.

Все люди на окраинной улочке хутора так и поприлипали к окнам и даже повысыпали во дворы к заборам, увидев, как вслед за Клавдией Пухляковой шествует к ее дому цыганка с целым выводком детишек, подметая своими юбками хуторскую пыль... За той самой Клавдией Пухляковой, которая раньше всегда боялась цыган больше всего на свете.

Ничуть не смущаемая этим всеобщим вниманием, Шелоро спрашивала по пути, поворачивая головой по сторонам:

— А это у вас не кузня?

— Кузня.

— А почему замок на ней?

— Кузнеца нет.

— И давно?

— Второй год.

— Уволили его или сам ушел?

Ответы ее спутницы становились все более неохотными и глухими:

— Сам.

— Значит, мало платили ему?

— Нет, не мало.

— А почему же тогда он ушел? — И не получив на этот вопрос никакого ответа, Шелоро вздохнула: — У меня муж тоже хороший кузнец. У вас тут колхоз или уже совхоз?

— Колхоз.

— А председатель дюже строгий или ничего?

Женщина опять не ответила Шелоро, и та продолжала спрашивать:

— Как ты думаешь, он мог бы моего мужа к вам в колхоз взять?

На это ее спутница твердо ответила:

— Нет.

— Почему? — И не получая ответа, Шелоро даже приостановилась, сообразив: — Может быть, у вас и до этого кузнецом цыган был?

Ее спутница только коротко кивнула, прибавляя шаг. Но Шелоро все поняла:

— А!

На этом все ее расспросы и прекратились. И всю остальную часть пути до дома этой женщины они шли уже молча.

Все, что только может быть наготовлено в доме на несколько дней вперед, было извлечено из погреба и выставлено на стол под большой яблоней во дворе перед этими ребятишками, черными, как грачата. И все же еще окончательно так и не угасал в их глазенках этот сухой блеск, хватающий за самое сердце. И до чего же вдруг могли напомнить они те, другие глаза, принадлежащие когда-то такому же, но теперь уже совсем большому, грачонку.

Всё подобрали: и целую большую кастрюлю борща, разогретого ею для них на летней плите во дворе, и две сковороды жареной картошки, залитой двумя десятками яиц. И теперь кружка за кружкой поглощали молоко, которое у нее всегда отставалось в погребе в махотках на сливки. Даже грудному ползунку и тому оказалось мало одной кружки.

А Шелоро тоже сидела рядом со своими детьми под яблоней за столом, почти не ела ничего, чтобы им досталось больше, и потихоньку наблюдала за хозяйкой, удивляясь этой щедрости и теряясь в догадках. За свою многоопытную жизнь ей приходилось встречаться с разными людьми: и с добросердечными, и со скаредными до последней степени, и с теми, доверчивыми, которых ничего не стоило обмануть, и, наоборот, с другими, которые натравливали на нее и ее детей собак. Но с подобным она сталкивалась впервые. К такому обращению она не привыкла. Как если бы она приехала в гости к своей родной сестре и та не знает, как же ее еще получше угостить вместе с ее многочисленным потомством.

Какая-то женщина, проносившая мимо по улице на коромысле ведра, с любопытством заглядывая через забор, крикнула хозяйке:

— Нюра приказала, чтобы ты сейчас же верталась на птичник!

Шелоро понимающе усмехнулась:

— Строгая у тебя дочка. Боится, как бы ее мать цыгане с собой не увели.

Но все-таки пришло наконец время насытиться и для этих грачат, и они уже могли отвечать на вопросы:

— Тебя как зовут?

— Егор.

— А тебя?

— Таня.

— Ну, а вас, конечно, Миша и Маша, да?

Шелоро, улыбаясь, подтвердила:

— Смотри, как ты угадала.

Ничего, понятно, необычного в этом не было: почти в каждой цыганской семье детишкам давали такие имена. И люди об этом знали.

И только самый маленький еще не мог принимать участия в этой беседе с чужой тетей. Мать спустила его с колен, и он теперь проворно путешествовал на четвереньках под столом, пуская молочные пузыри и радуясь чистому серебру донского песка, устилавшего землю.

Дети были как дети. Наелись и вот уже болтают под столом ногами, исподтишка, незаметно для материнских глаз, подзуживая и шпыняя друг дружку. И даже имена у них такие же, как у русских детей. Но, оказывается, что эти грачата, отвечая на вопросы, еще приучены были не забывать и той запретной черты, за которую чужим взрослым не полагалось переступать, испытывая их откровенность:

— А как же, Егорка, твоего отца зовут?

Грачонок только на одно мгновение сверкнул своими глазенками в сторону матери, переставая болтать под столом ногами. Шелоро поощрительно улыбалась. Но он все же на всякий случай ответил так, как был приучен отвечать:

— Не знаю.

— Может быть, и ты, Таня, не знаешь, как зовут отца?

Тот же стремительный просверк в сторону матери, и тот же ответ:

— Нет.

— Ну, тогда, значит, мне самой придется отгадать, как вашего отца зовут.

Теперь уже грачата, вступив в игру, с нескрываемым веселым любопытством смотрят на эту тетю, наперед зная, что ей, конечно, ни за что не удастся отгадать.

— Его зовут так же, как и тебя: Егор.

Улыбка, играющая на губах у Шелоро, останавливается как приклеенная. Во второй раз эта женщина угадала правильно. Но в конце концов ничего необычного и в этом нет. Кому же не известно, что почти во всех семьях мальчикам-первенцам чаще всего дают имена их отцов!

— Тебе бы надо цыганкой быть,— смеется Шелоро.

— А в школу, Егорка, ты уже начал ходить?

И снова этот просверк черной молнии. Шелоро подхватывает:

— Нет, им с Таней еще только осенью идти. Они у меня двояшки. Но в детский садик там, где мы завсегда живем, они ходят.— Шелоро заискивающе поясняет: — Это мы только на летнее время трогаемся трошки поездить по степи, вспоминаем старинную жизнь, а зимой постоянно на конезаводе живем, за Доном.— И, боясь, что ей могут не поверить, она начинает нанизывать подробности, какой у них там на конезаводе за Доном, где они постоянно живут, детский сад: — Двухэтажный, как городской.— Она горделиво кладет руки на кудрявые спутанные головки Миши и Маши.— Их там и под пианину учат танцевать. И во дворике наш начальник, генерал, приказал специально для них бассейну сделать. У нас там такой речки нету, как у вас, одни озера и ставки. А свою заведующую они не иначе, как мамкой Настей зовут. Своих детишек у нее пока нету, еще не нажила, так она об чужих еще дюжей беспокоится, чем родная мать, хоть и тоже цыганка. Но теперь она, слава богу, уже замуж вышла и у нее пойдут свои дети.

Чисто женское желание высказаться на эту тему до конца мешает наблюдательной Шелоро обратить внимание, как при этих словах окаменевает лицо ее слушательницы, взгляд ее убегает куда-то в сторону, и губы смыкаются твердой складкой. С заблестевшими глазами Шелоро поближе наклоняется к ней через стол:

— Все там у нас так и ожидали, что она за одного замуж выйдет, а она взяла и выскочила за другого.

Шелоро польщена, что ее рассказ не оставляет эту женщину равнодушной:

— За кого же?

— Не за цыгана, а за одного русского шофера.

— А тот как же?

— Кто?

— Тот... цыган.

— Так ему и надо,— мстительно говорит Шелоро.— Нехай долго не перебирает. А то он хочет самым честным цыганом быть.— И вдруг Шелоро умолкает, обиженная тем, что ее слушательница, эта женщина, неожиданно смеется каким-то странным смехом.— Ты что же думаешь, среди цыган совсем и честных не может быть?

— Нет, нет! — испуганно отмахивается женщина обеими руками.— Это я совсем не о том.— И, к удивлению Шелоро, она неожиданно предлагает: — Пойдем со мной.— Ко все большему удивлению Шелоро, она ведет ее с собой в сарайчик, в котором у нее стоит большая кадушка, до краев насыпанная зерном, пшеницей.— Держи-ка свой мешок.

И сама же ведро за ведром начинает пересыпать из кадушки в подставленный Шелоро мешок отборное, чисто провеянное зерно до тех пор, пока Шелоро не говорит с жалобным вздохом:

— Больше мне не унести с собой.

Вот когда ей особенно приходится пожалеть, что ее Егор так и не пошел с ней в хутор, а лежит теперь под бричкой в холодке и дрыхнет.

Но, оказывается, и это еще не все. Женщина достает из-под яслей круглую плетеную корзинку с ручкой, полную крупных яиц, и протягивает Шелоро:

— Бери.

— А во что же я их пересыплю?—растерянно спрашивает Шелоро.

— Бери с корзинкой. У меня еще другая такая же есть.

Все это похоже на сон. И вообще Шелоро начинает казаться, что эта женщина как-то не в себе. Еще пять минут назад она была совсем другая. Только что разговаривала совсем спокойно, расспрашивала детей Шелоро, а теперь и руки, которыми она передает корзинку, трясутся и лицо все время меняется: как будто ураганы проносятся по нему. Не поймешь, заплачет она сейчас или засмеется. И вообще это все не может предвещать ничего хорошего. Надо, пока не поздно, убираться отсюда, а то она же потом еще и закричит, что ее обокрала цыганка. И люди, увидев у Шелоро эту корзинку с яйцами и полмешка с зерном, конечно, ей поверят.

Но и отказаться от всего этого добра Шелоро не в силах, когда за ее юбку уцепилось столько ее грачат, а там, в степи, поджидает ее Егор, тоже с самого вечера ничего не евший.

И уйти Шелоро не может, так и не отблагодарив эту женщину хоть чем-нибудь.

— Все-таки дай я тебе погадаю на твоего короля,— говорит она, снова доставая из кармана своей юбки цыганские карты.

Женщина со своим — непонятно — смеющимся или плачущим лицом отстраняет от себя ее карты.

— Ты мне и так уже все нагадала. Я теперь тебя никогда не забуду. Спасибо тебе.

Совсем какая-то чудная. Накормила ее с детишками до отвала, насыпала полмешка пшеницы и отдала корзинку яиц да еще же и спасибо говорит. Нет, надо поскорей уходить.

А еще говорят, что казачки злые. Если все такие же злые, то, может быть, Егору и правда наняться в этот колхоз кузнецом. И место здесь красивое, Дон. Но пока нужно подобру-поздорову отсюда убираться. Пока еще не кончилась эта сказка.

Поднимая с земли ползунка, Шелоро лишь слегка щелкнула языком, и вся стайка ее грачат так и выпорхнула за ворота на улицу.

— До свидания. Счастливо тебе оставаться.

— До свидания, до свидания,— говорила женщина, помогая ей получше умостить перекинутый через плечо перевязанный надвое мешок с зерном.— Как же ты с ним и с дитем на гору пойдешь? Может, подсобить тебе?

— Нет, не надо, своя ноша не тянет,— отказывается Шелоро.— А корзинку Егорка с Таней вдвоем понесут.

Уже у калитки ее догоняют слова женщины:

— Еще, Шелоро, чуток подожди.

Шелоро невольно вздрагивает, оборачиваясь. Почти суеверный ужас охватывает ее. Откуда этой женщине может быть известно ее имя? И до этого она, значит, неспроста отгадала, как зовут ее мужа и детей. Шелоро привыкла к тому, что доверчивые люди верят ее отгадываниям их прошлой, настоящей и будущей жизни, а тут, оказалось, ее собственная жизнь известна этой женщине, с которой она встречается впервые.

Тем временем эта женщина уже и поднялась по ступенькам к себе в дом и уже вернулась с чем-то в руках, завернутым в бумагу.

— А это для твоих Тани с Егоркой формочки, когда они в школу пойдут.— И виновато добавляет: — Конечно, не новые, но еще хорошие. Это у меня осталось от моих Нюры с Ваней еще с тех пор...— Но тут она, очевидно, обо всем догадывается по лицу Шелоро и спохватывается: — Ах ты, господи! Да ты, кажется, испугалась, Шелоро?! Это я, дура, виновата. Ты-то меня не знаешь, а я тебя видела, когда приезжала к вам в поселок и попала к вам в клуб. Я тебя теперь не забуду, Шелоро.

...И все-таки Шелоро еще долго потом оглядывается и почти рысью взбирается со своей ношей по склону в степь, где ее ждет Егор.

* * *

— Тебе, мама, не спится.

— Не спится, Нюра... А может быть, мне теперь обо всем Ване написать?

— Нет, мама, в письме, вот так сразу, об этом нельзя. Ну, сама посуди, получит он письмо и вдруг так сразу и прочитает, что ты ему не родная мать. Об этом в письме нельзя, это надо как-то не так объяснить, может быть, даже лучше, мама, если я сама за это возьмусь, когда опять поеду его проведывать в том месяце. А то еще, может, он и раньше сам к нам заявится, у них тут где-то близко учения должны быть. Но только он мне сказал, что это военная тайна.

— Ты, Нюра, права. Что бы я без тебя делала? А все-таки, может быть, мне легче будет в письме? Ну как это я ему в глаза скажу, что он мне не сын?

— Как же, мама, не сын, если он такой же сын, как родной. Даже еще роднее должен быть для тебя, чем я, потому, что ты столько натерпелась из-за него. Нет, нет, не говори, я же знаю, что ты любишь меня, но мне и самой теперь Ваня, после того как ты рассказала, как-то еще роднее стал... А вот Будулаю, мама, ты обязательно напиши. Он же так ничего и не знает, а время идет. Напиши и про то, как ты по всему правому и левому берегу Дона искала его, и как нашла, и потом...

— Ты, Нюра, думаешь, это будет хорошо, если я ему сама напишу?

— А ты думаешь, это лучше, когда два человека давно уже любят друг друга и сами же как будто этого стыдятся? Он ведь там все еще думает, что ты по-прежнему боишься его, и совсем не знает ничего. А время, мама, идет.

— Да, да, Нюра, идет. И если ты говоришь, что это надо, то я ему теперь же напишу. Сегодня ночью. А завтра утром письмо уже уйдет. Все равно я эту ночь не буду спать. Господи, я, Нюра, и сама не знаю, что это такое творится со мной. Ты меня, пожалуйста, прости, я ведь уже не девочка, а как будто с ума сошла. Открой, Нюра, окно, смотри, какой по Дону большой пароход идет, сколько разных огней! И молодой месяц уже прорезался над островом, видишь? Ты ложись, доченька, спать, а мне, пожалуйста, два листка из своей тетрадки вырви.

Давно спит Нюра, а снизу, из-под яра, блестит вода. Ох, как это трудно, оказывается, написать письмо! Учиться Клавдия дальше семилетки так и не пошла, а потом замужество, и так оно уже и осталось на всю жизнь. И пальцы ее всегда не карандаш сжимали, а держак лопаты, которой она убирала за свиньями, и ножки секатора, когда она ходила вместе с другими вдовами на обрезку лоз в виноградный сад. Да и не приходилось, некому ей было писать письма потому, что ее мужа, Нюриного отца, сразу же, как только взяли его на фронт, и убило там в первом же бою, так она ни одного треугольника и не получила от него. И теперь, когда Ваня поступил в училище, письма ему обычно пишет Нюра, а она только сидит рядом и иногда подсказывает, заглядывая ей через плечо.

Совсем не слушаются пальцы, сжимающие карандаш. Да и легко ли писать такое письмо женщине, которой уже под сорок лет?

* * *

Письмо около месяца пролежало на почте в поселке конезавода и потом письмоносица занесла его утром вместе с газетой «Табунные степи» Насте Солдатовой.

— Может, этот Будулай напишет тебе или еще кому-нибудь из ваших цыган, а нам его девать некуда. И обратного адреса на нем нет.

Насте еще никогда не приходилось читать чужих писем, да и не было у нее для этого случая. И весь день, дотемна, она, борясь с искушением, носила письмо с собой, ощупывая пальцами пухлый конверт в кармане кофты. И иногда украдкой вынимая его, она приходила к заключению, что адрес на нем написан женской рукой.

Но к вечеру она уже не смогла с собой бороться. Искушение было слишком велико. А на конверте ведь и правда обратного адреса не было.

И уже поздно вечером, накормив своего мужа Михаила после его возвращения из дальнего рейса и уложив спать, она все-таки вскрыла конверт. Помочила его козырек по шву и с облегчением обнаружила, что отклеивается он совсем легко. Наморившийся за время трудной поездки Михаил непробудно спал в соседней комнате, не зная и не подозревая, о чем это плачет и что оплакивает его молодая жена, поставив на стол локти и читая какое-то письмо.

До утра Настя не раз перечитала письмо этой женщины, которую она так никогда и не видела, но которая, оказалось, видела ее у костра в ту ночь.

Уснула уже под самое утро, впервые пропустив и ту минуту, когда Михаил уходил в гараж. И он пожалел будить ее, решив, что позавтракает в столовой во время перерыва.

И еще два дня Настя не расставалась с письмом, доставая его из кармана кофты и в детском саду, когда всех ее беспокойных подопечных укладывал по их кроваткам мертвый час. Вскоре она уже знала его на память, и перед ее глазами, когда она купала в ванночках детишек, возвращалась после работы на мотоцикле домой или же собирала Михаилу на стол, то явственно вставала картина, как эта женщина скачет верхом на Громе ночью по степи, то ее слова, что Ване за хорошую службу обещали досрочно дать отпуск домой, то как перехоронили Галю с отцом из одинокой могилы в степи в общую, братскую, в центре хутора.

Все эти дни Михаил смутно чувствовал, что Настя какая-то не такая была, как до этого, и со вновь вспыхнувшими сомнениями спрашивал у нее:

— Что с тобой?

— Я тебе потом все расскажу,— отвечала Настя.

За эти два дня она и две жизни прожила: чужую и свою. На утро третьего дня, когда Михаил уходил на работу, протянула ему вновь заклеенный домашним клейстером конверт.

— Возьми, Миша, это письмо и держи его всегда при себе. Только не потеряй. Ты все время ездишь на своей машине по степи и, может, когда-нибудь встретишь его.

— Кого?

— Будулая.

Михаил нахмурился, но она выдержала его взгляд.

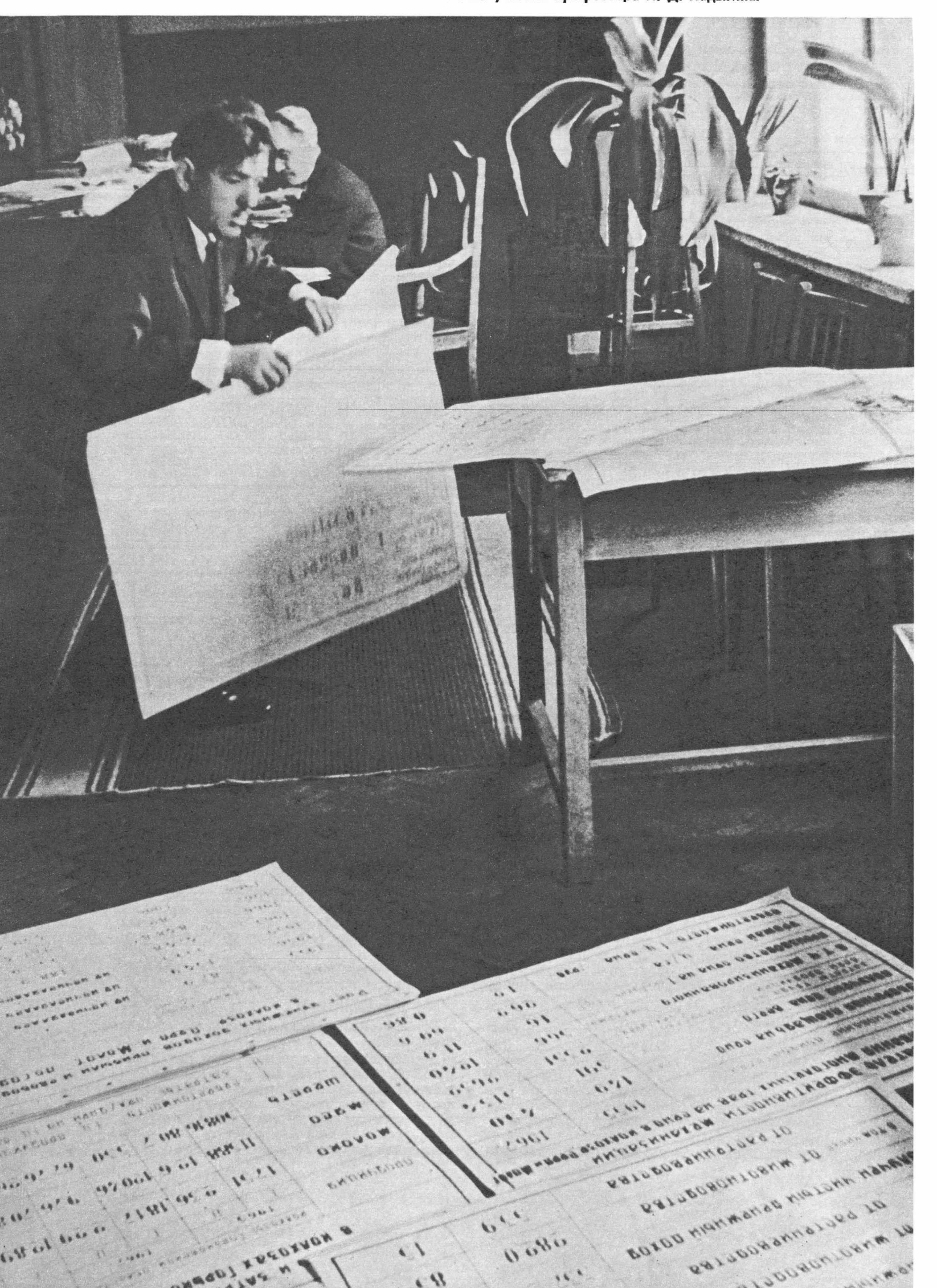
— Не дури. Мы уже с тобой переговорили об этом все. А это и для тебя хорошее письмо. Оно ему от той женщины, о которой я рассказывала тебе.— Настя помедлила и словно бы пересохшим голосом продолжала: — Она его зовет к себе, а он и не знает ничего.

ЗАЩИТА

Ким БАКШИ

Фото А. БОЧИНИНА.

Последние минуты перед защитой диссертации Ц. О. Алиханян проводит в кабинете своего учителя профессора Н. Д. Ладыгина.

Человек защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук. Само по себе это не вызывает особенного интереса.

Ну, а если человек этот — председатель колхоза? У нас бывают случаи, когда председатели защищают диссертации. Да и что удивляться? Во главе колхозов встали специалисты — дипломированные агрономы, зоотехники, инженеры.

И все-таки...

С раннего утра и до позднего вечера он захлестнут массой дел. И среди ночи его разбудят то звонком, то стуком в окно — вставай, председатель! А уж едва развиднеется (зимой же затемно), председатель на ногах — в полях, на фермах, на пастбищах.

Ежедневно — встречи с десятками людей. Сложные взаимоотношения. Приязнь — неприязнь. Столкновение интересов. В масштабе колхоза, района, области. А тут в правление пришла старушка колхозница. Она хочет поговорить непременно только с председателем. И председатель обязан хоть за час, хоть за день, но разобраться со старушкой, распорядиться, проверить, что сделано, оказана ли помощь. Тут я должен напомнить, что существует необходимость поздними вечерами прочитать специальную научную литературу, новинки и потом просто почитать. Я уж не говорю о семье, о так называемой личной жизни, которая важна, хоть мы по традиции и отнесли ее в самый конец перечисления. Ну найдешь ли здесь время на заочную аспирантуру, на сдачу экзаменов кандидатского минимума, на систематическую, ежедневную научную работу, которая и есть написание диссертации?

Стоит ли удивляться, что председатель колхоза защитил диссертацию? По-моему, все-таки стоит.

Тема диссертации — «Экономическая реформа и развитие товарно-денежных отношений в колхозах». Ее автор — Цовак Оганесович Алиханян, председатель колхоза «Серп и молот», одного из лучших в Горьковской области.

Алиханян по семейным традициям, по воспитанию—человек сугубо городской. Родился в горном Дилижане, в Армении. О нем не скажешь, что с детства он полюбил землю или что отцы и деды его были хлеборобы. Правда, в войну он немало походил по земле в рядах «царицы полей». После тяжелой контузии пролежав год в госпитале и демобилизовавшись, Алиханян сложил свои боевые ордена и медали в коробочку и отправился в Москву поступать на юридический факультет университета имени Ломоносова.

Он окончил МГУ в 1953-м. Поступил в аспирантуру, сдал кандидатский минимум. Выбрал тему диссертации. И в 1955 году добровольцем, одним из тридцати тысяч, ушел в деревню, уехал председателем отстающего колхоза в Горьковскую область.

Можно спросить Алиханяна, почему он так круто повернул свою жизнь, отказался от избранного

пути. В конце концов он не агроном, осевший в городе, и не инженер, способный разобраться в сельхозтехнике, не экономист даже, а юрист, законовед. Можно его, конечно, спросить обо всем этом. Но я, например, не спрашивал. По-моему, есть вполне достаточное объяснение: в трудное время партия призвала коммунистов поехать в деревню. Цовак Оганесович — коммунист. Он поехал добровольцем.

Жизнь Алиханяна в деревне нельзя себе представить как прямую линию, по которой идет человек от замысла к достижению цели. Я бы сказал, это скорее сложная траектория, состоящая из множества отрезков. И в начале каждого Алиханян получал бо́льший или меньший корректирующий импульс, как выражаются баллистики. И импульс этот был — человек, множество людей.

Среди них профессор Николай Дмитриевич Ладыгин.

Дело не в том, что именно Ладыгин однажды порекомендовал Алиханяну, как, впрочем, и многим другим председателям колхозов и механизаторам, работникам сельских райкомов, поступить в заочную аспирантуру, на кафедру, которой заведует. Дело не только в том, что Ладыгин стал научным руководителем Алиханяна и в качестве такового немало помог его формированию именно как ученого. Дело еще в самом облике Николая Дмитриевича Ладыгина, в той атмосфере, которую он создает вокруг себя.

Я бы назвал ее атмосферой старомодной порядочности. Не хочу этим сказать, что порядочность устарела. Речь идет о форме. Ладыгин чем-то напоминает дореволюционных агрономов, земских врачей, сельских учителей. Ту образованную, трудолюбивую, самоотверженно любящую народ и землю интеллигенцию, которая в первые же годы стала на сторону революции и провела громадную культурную работу в деревне. Но в облике своем, в манере обращения они сохраняют и поныне старомодные черты, присущие научной среде времен их молодости. Они играют в любительских спектаклях, читают «немодных» классиков. Ревниво охраняют свое доброе научное имя. Более всего пекутся о земле, о работниках на ней. Не поддаются бездумно увлечениям и влияниям. Наверное, можно назвать еще больше характерных черт, и не все в равной степени присутствуют у каждого. Например, не слышно, чтобы Ладыгин участвовал в самодеятельности. И дело, конечно, не в форме порядочности — старомодная она или новая,— дело в главном.

А главное — это научная истина. В математике, например, ее отстаивать, несомненно, легче. Уравнение или формулу можно многожды проверить, прежде чем она станет машиной (если она вообще ею станет, что вовсе и не обязательно!). В сельском же хозяйстве речь идет о мясе, молоке, о зерне, то есть буквально о хлебе насущном. Научная истина выстрадывается ценой поиска, проб и ошибок, результаты которых сказываются непосредственно на людях. Значит, тем выше ответственность ученого, который участвует в выборе пути.

В таком вот духе и воспитывал Алиханяна Николай Дмитриевич Ладыгин.

Алиханян — двадцать пятый кандидат профессора Ладыгина.

Один человек сказал Алиханяну: «Да что ты тянешь с диссертацией! Давно бы уж написал. Ты передовой председатель, вывел колхоз из отставания. Изложи все как было — готовая диссертация. В конце концов ты с производства, тебе сделают скидку, сейчас модно, чтобы учеными становились люди «от сохи».

Циничные слова, хотя, к сожалению, знакомые. Алиханян ничего не отвечал. Но все передвигал и передвигал сроки сдачи рукописи. Он захватывал в круг внимания все больше сведений — брал колхозы его, Сергачского, района, всей Горьковской области, нечерноземных областей России. Вникал в конкретную экономику. Находил, как законы социализма влияют на отношения в деревне, как преломляются решения XXIII съезда партии, постановления Пленумов ЦК КПСС по сельскому хозяйству в колхозной жизни. В конкретном и ежедневном видел закономерное. Наблюдения и выводы, подтвержденные практикой работы колхоза, казались Алиханяну полезными для всех хозяйств, находящихся в сходных условиях.

Ему было что сказать людям. Речь шла не о простом изложении фактов — «вот что было и что стало»,— а о научных рекомендациях, о совершенствовании товарно-денежных отношений в колхозной деревне, живущей в условиях экономической реформы. Когда он писал диссертацию, им двигали мотивы гражданского порядка. Те, что ранее привели его в деревню.

Комната кафедры в Горьковском сельскохозяйственном институте густо заставлена канцелярскими столами, безлюдна. Сотрудники по летнему времени в отъезде. Мы сидим за одним из столов, и Цовак Оганесович — лист за листом — берет бумагу из стопы, лежащей рядом. Пишет цифры — центнеры, рубли. Такая у него привычка: вести разговор, оперируя точными расчетами.

Результаты получаются неожиданные.

Вот пример: цены на рынке выше, чем в государственном магазине. Спрашивается, что выгоднее колхозу: продавать мясо на рынке или государству? Ответ с точки зрения нашего обыденного, «городского» понимания очевиден: выгоднее на рынке. Однако все мясо колхоз «Серп и молот» продает государству. Конечно, это хорошо, но как с точки зрения колхоза, с его узкоденежных интересов? Нет ли здесь ущемления?

Цовак Оганесович берет очередной лист бумаги.

Для начала он быстро высчитывает, сколько государство платит колхозу за одну корову в живом весе. Затем — в другой колонке — рассматривает рыночный вариант.

— Дело в том, что мясо — это лишь сорок восемь процентов от живого веса коровы. Но даже если эти сорок восемь процентов продать по высокой рыночной цене да приплюсовать довольно скромные, правда, деньги за реализацию кожи и субпродуктов, то образуется сумма, из которой надо еще много чего вычесть: за убой, за разделку, за транспорт, зарплату продавцам мяса и т. д. Умножение, деление — нормальные общепонятные арифметические действия. Никакой высшей математики. В результате — две цифры. И вывод: рыночный вариант дает меньше рублей.

Если отвлечься от килограмма мяса и, так сказать, приподняться над уровнем одной коровы, то из цифр, аккуратно выписанных Алиханяном, вырисовывается правильное направление, которое существует сейчас в государственной политике цен. Они таковы, что интересы колхоза совпадают с интересами государства. И это не только экономическая мера. Это большой моральный стимул. Не нужно никаких запретительных мер, не нужно стыдить колхозников за то, что они забывают государственные интересы и, как барышники, думают о том, чтобы сорвать лишний рубль на рынке.

Вот какая диалектика. Сухие цифры — цены — имеют глубокое социальное значение. Укрепляется союз двух дружественных классов — то, что выражено в названии колхоза: «Серп и молот».

Но диалектика имеет свои законы. Когда цены заинтересовали колхоз в том, чтобы производить для государства все больше продукции, сами колхозники, а точнее, колхозные экономисты, начали искать пути к совершенствованию тех самых цен, о которых мы только что сказали много добрых слов.

Но здесь нам надо обратиться к диссертации Алиханяна. К той ее части, где логично и последовательно он говорит о ценах, ратует за более гибкие и дифференцированные, поставленные в зависимость от условий производства. И не только от условий производства, а если это касается мяса и молока, то и от сезона.

Наш разговор с Цоваком Оганесовичем о ценах завершился неожиданно. Я поделился с ним наблюдением: мяса колхозы и совхозы Горьковской области дают все больше, а на рынке оно дороже, чем год назад.

Алиханян снова взял лист бумаги.

— Все это так. Дело в том, что индивидуальные владельцы в прошлом году сократили поставки мяса в Горьковской области на несколько тысяч тонн. Почему так произошло? Причин несколько. Мне хочется сказать об одной.

Колхозникам стали выдавать гарантированную ежемесячную зарплату. В нашем колхозе она существует с 1955 года и полностью себя оправдала. Но вот беда: параллельно, в ряде случаев — особенно это касается нерентабельных хозяйств — колхозникам в счет натуральной оплаты стали продавать корма не по себестоимости, а по розничным ценам, то есть раза в три дороже. И колхознику стало просто невыгодно откармливать в личном хозяйстве поросенка. Он быстро подсчитал это. А мясо, которое ему нужно, он все равно купит, деньги-то у него есть, гарантированная оплата идет каждый месяц.

Что сказать о самой защите диссертации? Она длилась пять с половиной часов. Споров было много и вокруг работы Алиханяна и особенно вокруг проблем, которыми диссертация наполнена до краев. Ректор института Александр Иванович Баранов сказал: «Идет настоящая защита».

С места поднимается высокий, широкоплечий человек, с лицом, обожженным солнцем, настоящий русский богатырь.

— Ну что, Цовак, ты сделал замечательную работу. Завидую, честное слово...

Иван Порфирьевич Железов — друг, соратник Алиханяна. Соперник. Председатель колхоза «Красный маяк», который успешно соревнуется с «Серпом и молотом».

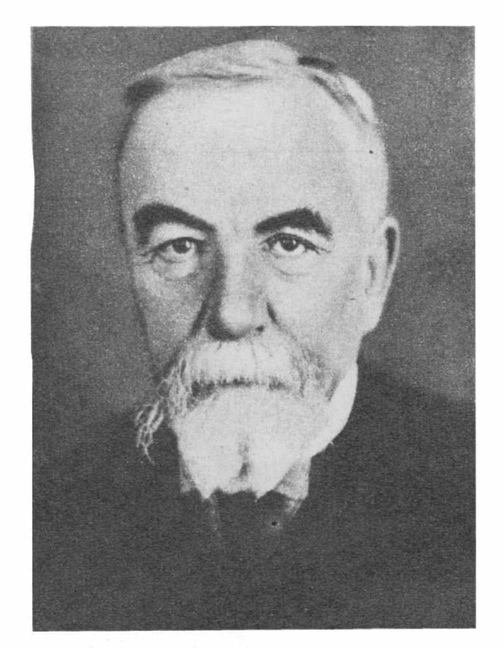
Пройдет несколько месяцев, и здесь, в этом зале, снова объявят защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Защищать будет председатель Железов.

Заботы о земле. В. Н. Ярунин, Ц. О. Алиханян, С. Я. Шацких — колхозные специалисты: зоотехник, председатель, агроном.

Эльвира ПОПОВА

В. Д. Поленов.

Талант, доброта, служение

Над Москвой ликовал июнь. Сады, дворы, крыши, переулки белокаменной утопали в солнечных лучах. Ослепительно сверкали золоченые купола ее сорока сороков. И высоко-высоко над причудливым кружевом крестов плыли медлительные облачка. Так же неторопливо двигались внизу, прячась в тень, прохожие. С раскаленного Арбата охотно свернул в тенистые переулки элегантный господин с легким этюдником через плечо. В Трубниковском он остановился возле объявления о сдаче внаем квартиры.

Когда в давно пустовавшие комнаты, распахнув окна, впустили свежий воздух, наниматель, к удивлению хозяев, открыл этюдник, принорови́лся... И почти тотчас на кусочке холста скрестились желтые тропинки, прочертившие зеленый травяной ковер. Забелел среди куп деревьев старый дом. Выполз из-за него приземистый сарай. А в голубень неба взметнула увенчанный золотою маковкой шатер колокольня. Засиял пятиглавьем древний Спас на Песках.

Этому этюду, набросанному в счастливом вдохновении, обязана рождением картина, которую вот уже сколько поколений знают и любят с детства,— «Московский дворик»...

После возвращения из заграничного пенсионерства Поленов работал особенно жадно. Едва окончен «Дворик» и выставлен на VI Передвижной выставке 1878 года, как начата другая картина. И сюжет снова подсказан тем же уголком патриархальной Москвы, где тихо дремлет, грезя о невозвратном, обветшалый барский дом с колоннами. Только теперь художник писал этот дом не сбоку, а со стороны уютного портика — террасы, выходящей в разросшийся сад. «Бабушкин сад»... Что в этой картине? Прощание ли с уходящей эпохой, воспоминание ли детства?

Ведь белокурую девушку в розовом платье — внучку — писал художник со своей любимой сестры — близнеца Веры Дмитриевны. А образ согбенной старушки в старомодном чепце, быть может, в чем-то сливался с дорогим обликом «бабаши». Так звали в дружной семье Поленовых бабушку художника с материнской стороны — Веру Николаевну Воейкову. Сколько знала она сказок, басен, народных песен! Не переслушать, даже если ехать вот так в поместительной дорожной карете до самого тамбовского имения бабаши — Ольшанки. Была Вера Николаевна еще и сочинительница отменная. А примется рассказывать о прошлом, на память цитирует страницы из карамзинской «Истории государства Российского».

Неотрывна от истории этой была и жизнь поленовского рода. В бабашиной шкатулке хранились дорогие реликвии — пожелтевшие листки с наскоро написанными рукою деда словами: «...было сраженье... я остался жив...» В день Бородина! Смерть к герою 1812 года генералу Воейкову подкрадется после — царской опалой, вынужденным бездельем в забытой Ольшанке, за дружбу и сотрудничество с реформатором Сперанским. Отец Веры Николаевны, известный зодчий XVIII столетия Н. А. Львов, друг Державина, Левицкого, Боровиковского, одним из первых был удостоен звания почетного члена Академии художеств. А прадеда художника по отцовской линии, первого русского ученого-законоведа А. Я. Поленова, называли «первый русский эмансипатор». Возвратившись из университетов Страсбурга и Геттингена, куда решением Ломоносова был послан изучать юриспруденцию, он обличал позорное «рабовладельчество» и требовал немедленного прекращения «бесчестного торга человеческой кровью».

И понятно, что живописца Василия Поленова всерьез и надолго не могли увлечь чужестранные сюжеты, с которых, живя пенсионером в Париже, начал он свое самостоятельное творчество. Начал блестяще!

В парижском Салоне 1874 года экспонировалась его картина «Право господина». Признали ее, по свидетельству Репина, одной из лучших по колориту. Но парижан удивляла еще и эрудиция молодого русского живописца. Не было им известно, что Василий Поленов, кроме Академии художеств, окончил по семейной традиции еще и юридический факультет Петербургского университета. Так что знание сводов законов разных стран и эпох было его специальностью.

Казалось бы, найдена своя дорога в искусстве. Но ведь еще в начале пребывания за границей Поленов писал Репину из Рима: «Много чего... видел и все-таки скажу, что наша плоская возвышенность роднее и симпатичнее мне, чем все эти чудеса». А когда встретились в Париже, стал звать друга вернуться раньше срока пенсионерства, поселиться в Москве. Чувствовал, что там не придется выискивать сюжеты в фолиантах истории: всякая малость запросится в картину.

«Летнее утро» (болото с лягушками), «Заросший пруд», «Удильщики», «Речка»... В этих небольших пейзажах, с которых на передвижных выставках улыбалась зрителям Россия, ярко вспыхнуло поленовское дарование, его самое драгоценное свойство — точно улавливать на холст живые краски земли. Подметил это свойство Стасов еще в привезенных с берегов Нормандии пенсионерских пейзажных работах Поленова. Сам автор считал их не более как за безделицы или лишние штудии с натуры. Но именно об одной из них, о пейзаже с белой нормандской лошадкой, Стасов пишет, что «этакую картинку с пропастью солнца и воздуха» он «вечно хотел бы видеть у себя перед глазами».

И то же самое, пусть другими словами, скажет чуть позже Поленову Тургенев о «Московском дворике», полюбившемся великому писателю с первого взгляда. Потому-то авторское повторение картины вскоре было подарено Ивану Сергеевичу. Сама же картина да и «Бабушкин сад» обжились в галерее Третьякова, что было высшим признанием успеха для русского художника.

Но сам Поленов не считает пейзажи главным в своем творчестве, хотя время дало нам право не согласиться с ним в этом.

Вспоминая через много лет своего друга, «замечательного поэта в живописи» Поленова, другой великий русский талант — Шаляпин скажет: «Этот незаурядный русский человек как-то сумел распределить себя между российским озером с лилией и суровыми холмами Иерусалима, горючими песками азиатской пустыни». Но распределять себя Поленову было и не нужно. Красота земли была его первой музой-вдохновительницей. Где бы ни пришлось ее встретить: во Франции ли, Палестине, на Балканах или на Киевщине... Просто этот живописец был одарен абсолютным зрением пейзажиста. Как бывает абсолютный музыкальный слух. А душевные качества человека: прямота, искренность, способность всегда оставаться самим собой — еще усиливали остроту и верность видения художника. Как во всем, всегда, не было у Поленова и в отношении к природе ни намека на фальшь, позу. О лучших работах Поленова трудно сказать: пейзаж ли это, жанровая ли картина?! Оттого, наверное, современники не могли решить, что же значительнее, интереснее в поленовском творчестве: картины ли на легендарные сюжеты, или подготовительные натурные этюды к ним, считавшиеся до той поры лишь черновиками? Во всяком случае, выставки и тех и других равно пользовались успехом. А «черновики» все разом купил Третьяков и вывесил в особой комнате своей галереи — комнате Поленова. Хоть дело было невиданное: этюды в России Поленов выставил первым.

Могли ли не повлиять на русскую живопись его трогательные рассказы о дремлющей на привязи «Лодке», о крытых соломой «Задворках» в деревне Тургенево и раздольные повествования, где видно с косогора полсвета,— как разлегся по холмам вдоль Оки «Ранний снег», как «Золотая осень» разукрасила плоскую нашу возвышенность...

Левитан, Архипов, Головин, Малютин могли бы, как некогда в Париже любимец Костенька Коровин, написать в ответ на вопрос, чей ученик и где учился: «Professeur Polenoff. Moscou». Добавим: Училище живописи, ваяния и зодчества. Был для всех них Василий Дмитриевич Поленов не только глубоко чтимый метр, но и нравственный наставник, старший друг, «как нянька старая», гордившийся успехами даровитых своих питомцев. Устраивается выставка — дома ли, за границей,— он тревожится куда больше о работах учеников, нежели о собственных. И даже в дорогом ему Товариществе передвижников не считает возмож-

В. Поленов. 1844—1927. БАБУШКИН САД. 1878. Государственная Третьяковская галерея

В. Поленов.
МОСКОВСКИЙ ДВОРИК. 1878.

Государственная
Третьяковская галерея

В. Поленов. НА ЛОДКЕ. АБРАМЦЕВО. 1880.

Киевский Государственный музей русского искусства

ЗАРОСШИЙ ПРУД. 1879

Государственная Третьяковская галерея

ным молчать, смиряться, когда иные маститые стремятся попридержать молодежь.

Никогда не пустует поленовское гнездо. На воскресные «акварельные утра» и «рисовальные вечера» по четвергам вместе с уже прославленными старшими птенцами собирается талантливая молодежь. В спорах и общем творчестве совершенствуется перечеркнувшая лощеный академизм новая система рисунка, разработанная П. П. Чистяковым — любимым учителем самого Поленова. И не только творческий совет готов здесь для каждого... Молва о поленовской доброте передается художникам по всей России! Она поможет гордому и застенчивому саратовскому мечтателю Борисову-Мусатову в минуту безысходной нужды просить помощи только у Поленова. А кто еще из российских академиков смог бы с таким творческим и человеческим тактом дописать панно заболевшего Врубеля, чтобы они попали в Нижний Новгород на Всероссийскую художественно-промышленную выставку 1896 года, для которой были заказаны?

...Не то что журнальной полосе — целому тому не вместить всего о Василии Дмитриевиче Поленове. Но есть в этой замечательной жизни страница, которую не опустишь.

Народный театр. Здесь применил Поленов все многочисленные свои таланты. Ведь он и композитор — автор оперы, симфонии, оратории. И археолог, и историк, и педагог, и актер, и декоратор. Взглянув хотя раз на постройки Поленова в Бехове, под Тарусой, нельзя не разделить восторг Репина: «Ведь он — архитектор, да еще какой!» Для мужиков-беховцев Василий Дмитриевич — строитель. А сам Поленов любил называть себя работником. Потому что за долгую жизнь держал в руках топор не реже, чем кисть и карандаш. И признавался в любви ко всякому иному труду. «Выше всего люблю работу»,— скажет он в годы расцвета и на девятом десятке повторит: «Я всегда любил больше всего работу, в разных ее видах — и в огороде, и в столярной, и на реке, и в мастерской. Поэтому мне дорого оставить друзьям... по кусочку этой работы».

...Сначала Поленов организует небольшую секцию народных театров при Обществе народных университетов, чтобы «содействовать устройству фабричных, деревенских, школьных театров». А вскоре он уже председатель секции. Зовет к себе давних друзей — Коровина, Шаляпина. Вместе когда-то создавали в Москве мамонтовскую Частную оперу. Теперь надо «помочь пробуждающемуся народу в его стремлении к свету». Семидесятилетний Поленов с энтузиазмом уходит в работу. Составляет сборники подходящих пьес, отрывков (по сей день ставят школьные драмкружки рекомендованную им тогда сцену из «Дубровского»!). Разрабатывает руководства по оформлению спектаклей, пишет декорации, хлопочет о приобретении для народной сцены списываемого имущества казенных театров... А в 1915 году его заботами на средства Саввы Морозова возводится на Пресне здание народного театра.

Грянет революция. Поленовский народный театр теперь в деревне Страхово, под Тарусой. Совсем рядом с усадьбой художника. И во все годы гражданской войны, разрухи будут идти здесь, в здании школы, построенной Поленовым, пьесы Шекспира, Пушкина, Шиллера, Мольера, народные сказки. Иногда переводные, обработанные самим Поленовым, как, например, «Анна Бретонская» — о доброй французской королеве... На одном из представлений светлоголовый мальчуган подошел к художнику и протянул ему свежую булочку: «На тебе, Василий Дмитрич, кушай на здоровье...» Щедрый дар! Тогда за столом у Поленовых конина почиталась за деликатес.

Трудное время. Но очень счастливое в долгой жизни художника. Будто возвратилась юность! Извлечены из шкафов почти полувековой давности натурные этюды, зарисовки, сделанные в Париже на одном из рабочих собраний для задуманной тогда, в 1876 году, картины — Лассаль читает лекцию в рабочем клубе. Вот когда приспела пора ее написать!

То был последний, так и не осуществленный замысел Поленова...

В первый июньский день 1924 года отложена всякая работа. Даже живопись. Вместе с крестьянами, отношения с которыми у правнука первого российского эмансипатора «близки, искренни и в настоящем смысле слова товарищеские», живописец отмечает свой день рождения. Празднует 80-летие.

Потом не одну неделю летят в Тарусу поздравительные письма и телеграммы — от Репина, Васнецова, Нестерова, Остроухова... А в поздравлении, подписанном Луначарским, говорится: «В программу нашей партии поставлено требование сделать искусство, служившее до сих пор только высшим классам, достоянием широких масс, и в этом деле — мы никогда не забудем этого — мы всегда являемся продолжателями того пути, на который первым столь уверенной стопой вступил именно Василий Дмитриевич».

И оттого, сколько бы ни прошло лет, первый летний день в году — 1 июня — всегда остается праздничным для уютного дома над Окой, музея-усадьбы В. Д. Поленова. Бережно, любовно сохраняется здесь все так, как было при жизни художника. Стены украшают картины, этюды, рисунки Поленова. В мастерской всю стену занял тщательно прорисованный эскиз «Грешницы»... А в самых парадных комнатах — столовой и гостиной — все занято подарками друзей: полотнами Репина, Прянишникова, Ковалевского, Николая Кузнецова, Шишкина, Виктора Васнецова, учеников: Левитана, Рябушкина, Остроухова, Коровина... И тут же собранные семьей Поленовых произведения талантливых народных умельцев: туески, ложки, братины, прялки, расшитые полотенца расставлены и разложены на полках шкафов, которые делал сам художник и тарусские столяры по рисункам Поленова.

В нынешний год даже привычным к многолюдью комнатам поленовского дома оказалось не под силу вместить всех, пришедших отметить 125-летие со дня рождения В. Д. Поленова. Собрались колхозники из окрестных сел — дети и внуки тех крестьян, с которыми дружил художник. Школьники из ближних и далеких школ. И, конечно, из страховской, носящей теперь имя В. Д. Поленова. Участники местных драматических кружков — наследники поленовского народного театра. Приехали и гости из Москвы. Художники, писатели, искусствоведы и все те, кто просто любит родное искусство, русскую культуру.

То самое невысокое крыльцо-терраса, где в свой последний прижизненный юбилей встречал художник пришедших его поздравить крестьян, стало трибуной, с которой выступали ораторы. Президент Академии художеств СССР, народный художник СССР Н. В. Томский, директор музея-усадьбы Ф. Д. Поленов, внук художника. Старожилы соседних деревень Бехова, Выдумок, знавшие Василия Дмитриевича...

А над головами сотен людей, собравшихся почтить великого сына России, празднично шумели те самые сосны да березы, что когда-то сажал он на крутом берегу Оки, чтобы добавить красоты родной земле.

Алексей БРАГИН

ИСТОКУ ВЕРНАЯ РЕКА

ПРИТОКИ

Вошла ты в память, степь донская,
Тугим узлом казачьих слов,
Вошла разливами Аксая,
Речушкой малою Тузлов.

...Айда на тот аксайский берег,
Айда по займищам-лугам
В края, где яр, яруга, ерик,
Где беркут сторожит курган.

Арбу приметишь у дороги,
А под арбой — прохлада, тень.
Старик приветливый и строгий
Расстелет выцветший чекмень.

Запрячет в бороду улыбку
(Дед знает: угощенье — смак!):
— Кавун хорош, попробуй скибку,
Вот и бурсаки и каймак!

Привычен с детства этот говор.
Не знал я: из глубин веков,
Из войн, из быта кочевого
Дошли ручьи кипчакских слов.

Их груз я с нежностью и болью
На донце памяти несу
В краю Тузкуль — озерной соли
И белопенных вод — Аксу.

Находит связи давней знаки
Моих скитаний аргамак.
На дастархане — баурсаки,
Кавун, кумыс, кишмиш, каймак.

Вдали, вдали от тропки детства
Я как-то сразу понял: Дон
Давно со степью половецкой
И Казахстаном породнен.

Есть в языке подспудный ярус,
Звук разных корневых примет:
Возникла не из яра — ярость,
Свет ярый — это яркий свет.

Вобрав притоки слов нерусских,
Истоку верная века,
Течет в своем широком русле
Незамутненная река.

* * *

Я живу у самого подножья
Синих гор, в сосновой тишине.
Утром сок березы мне положен,
Хвойный воздух предназначен мне.

Мне щитами видятся в тумане
Выступы отточенные гор.
Табунком непуганые лани
Ходят к водопою через бор.

Кажется, такой покой немыслим:
Сосны.
Синь.
Сторожевой гранит.
Не доходят дружеские письма,
Недруга стрела не долетит.

Как березка гибкая меж сосен,
На помин, как в присказке, легка,
Смуглая рыбачка мне приносит
Пойманного в лунке окунька.

Тишина. Но не уйду от спора
Заповедной мшистою тропой.
Я прошу прощения у бора,
Что нарушу благостный покой.

Пробуя свой голос на поляне,
Силу и терпение коплю.
Вы меня совсем не бойтесь, лани,
Выстрелом я вас не ослеплю.

ЗЕМЛЯКИ

Мы сроднились. Тут хвастай не хвастай —
Отдаю тебе жизнь, Казахстан.
Мне казах скажет тихое:
«Здравствуй!»
Я душевно отвечу: «Аман!»

Мы сдружились, как верные дети
Казахстанских степей и Руси.
Вместе начали мы на рассвете
Строить шахты и строить Турксиб.

Льются в степи алтайские зори,
Пики снежные — в отблеске гроз.
Семиречье мое, стоозерье,
Степь и кущи российских берез.

Степь обдаст меня мятой,
как в детстве,
Чудным сходством с Придоньем
люба.
В ней аул и станица в соседстве,
И хлеба, и хлеба, и хлеба.

Я в степях благодарною данью
Не однажды встречал земляка.
След приметный, не только
преданья,
Находил я, как внук Ермака.

Его память не сгинет, не схлынет.
Я горжусь, что Ермак не варнак,
Что красавицу дочку в рабыни
В дар от хана не принял Ермак.

По веленью любви справедливой
Его имени город растет.
Град Ермак мой, светись
в переливах
И огня, и металла, и вод.

Я обычай отцов не меняю.
Я муллу прогневил? Трын-трава!
Земляков я добром поминаю,
Как Иван, не забывший родства.

Но вдали от обжитого дома,
В домодедовской русской стране
Скажет: «Здравствуй!» — казах
незнакомый,
Угадав земляка и во мне.

Алма-Ата.

БОЛЬШОЙ КОРАБЛЬ

Никогда так легко и отрадно ему не было за пиршественным столом, никогда так не хотелось поднимать чарку с подкрашенной водкой и приглашать, чтобы другие выпили коварную эту водку, разбавленную вишневым соком, и никогда не было такой пронзительной ясности, озаренности, чтобы он так мудро видел все вокруг и все понимал, любое невысказанное слово, любое душевное движение. Бывают единственные прекрасные мгновения! А все оттого, что он, капитан третьего ранга Ломич, сидел в родном доме, у матери, и мать, сухонькая, мотыльково-легкая и похожая на мотылька еще тем, что была в невесомом платье из креп-жоржета, тянулась рукою к нему, не замечая, что из переполненной рюмки пролилось вино и потекло пунцовым ручейком по известковой руке, и рядом сидел непохожий брат его Осип Супей, помогавший себе в разговоре жестами и будто дирижировавший разговором, и еще готовы были соединить рюмки бурые, крепкие, закаленные руки того соседа Верховеева, который считался другом маминого дома и который был непонятен, загадочен ему, Володе Ломичу.

— За встречу, за встречу давайте! — говорил он повышенным, громким, капитанским голосом, оглядывая всех и словно бы видя в их счастливых глазах самого себя — мужчину тридцати лет, широкоплечего мужчину, с заблестевшими, привыкшими к прищуру глазами.

— За встречу! И за будущие встречи. Нам еще долго жить, черт возьми! Ну, мать, Оська — за вас! Давай же, давай же, Оська! — говорил он Осипу, совсем забывая, что нельзя этого непохожему на него брату, потому что Осип — за рулем, при машине.

Да, в радости семейного пира он совсем забыл, что Осип на своем «Москвиче» прикатил на встречу и что они решили по городу поездить, по этому городу, в котором почти не жил он, Володя Ломич, но который считал родным своим городом, потому что жила здесь мама, жил Оська, и вот они поедут по летнему жаркому городу, а потом к реке, а потом еще куда-нибудь.

— Как прекрасно, черт возьми, и выпью я за тебя, Оська, за наш «Москвич».

— А я за наш корабль! — провозгласил Осип, поднес чарку к губам и отставил нетронутой.— За все корабли. Ты ходишь на кораблях, а я строю корабли — за это и выпьем!

И Ломич благодарно улыбнулся, ему понравился этот возвышенный тост.

— Ну, ты сравнишь! — как будто упрекнула мама Осипа.— Какие тут у нас корабли... Вот скою думал о том, что настанет такое мгновение, в которое Осип сразу и бесповоротно поймет, что сколько бы трудных лет детства и взрослой жизни он ни жил при маме и как бы мама ни любила его, Осипа, все-таки еще сильнее она любит своего родного сына, и тут станет невыносимо больно Осипу, и тут надо быть очень сильным, чтобы рассудить обо всем мужественно и мудро.

И вот когда летел Ломич из Мурманска в Москву, когда затем ходил по Москве, по вестибюлям метро, когда машинально в этих же вестибюлях получал из автомата свеженькую вечернюю газету, заполненную вовсе не нужными ему приглашениями пойти в театр «Эрмитаж», или в кино, или на стадион, или на работу в какой-нибудь трест, он все раздумывал о скорой встрече с родными и о том, не станет ли его, Ломича, приезд мучительным для Осипа. И там, на борту воздушного лайнера, и потом на московских улицах Ломича особенно настойчиво преследовали все давние, все незабытые события, сложившиеся в такую прихотливую и все же не редкостную судьбу, если вспомнить о войне. Оттуда, с первого года войны, и начались прихоти судьбы, и Ломич то ли помнил, то ли представлял теперь поток беженцев, повозки, всхрапывающих обезумевших лошадей у парома и как налетели чужие самолеты, как выросли на Соже вулканические конусы взорванной бомбами воды, как вдруг рванула одичавшая лошадь повозку, унося к дьяволу то орущее, четырехлетнее, превратившееся в истошную сирену какую-то, что потом должно было вырасти в Ломича и вернуться к матери лишь через двадцать лет. То орущее, четырехлетнее не знало, далеко ли занесла его лошадь, а потом оказалось, что не очень далеко, в Новозыбков. И там подрастал хлопчик у Елены Георгиевны, учительницы, усыновившей его столь же безоговорочно, сколь безоговорочно усыновила мама Осипа Супея, которого даже назвать хотела Володей в память о нем, настоящем сыне, погибшем дитятке, как думала она и как подтверждала ее думы жизнь.

И вот судьба: сидел перед ним брат, непохожий на него и едва не тезка, помнивший свое имя и потому не названный Володей; сидел перед ним брат, помнивший и то, что две сестры его померли с голоду и мать родная померла с голоду; сидел перед ним белокурый брат, привыкший жестикулировать, как дирижер, и страдал оттого, что не был, не был он по-настоящему его, Ломича, братом и не был наделен в равной мере материнской любовью, как и полагается брату...

час Ломич, точно возвратившийся с фронта солдат, подумал об отце, как хорошо было бы выпить с ним, старым, как хорошо было бы выпить, поговорить и пошутить с ним, глядящим со знакомых снимков — и все прямо в глаза, в самое нутро.

А еще, взглянув мельком на Осипа, Ломич подумал и о той женщине Неведомской, которой тоже лишь на снимках жить или в памяти тех тридцати двух, сбереженных ею и выросших. Это она подбирала бездомных сирот и выхаживала их все время оккупации, ей помогали и другие женщины кормежкой и тряпьем, а потом, перед самым освобождением города, она раздала детей по домам, и так Оська Супей оказался в этом деревянном доме, где Ломич теперь сидел и думал о матери, об отце и о той необыкновенной женщине Неведомской.

Нет ничего чище, преданнее и бескорыстнее сыновних, отцовских, братских, сестринских чувств, и это понимаешь уже потом, когда поживешь, поплаваешь, полетаешь, поездишь.

— А все же за встречу! — сказал он опять, как бы превозмогая горечь давних потерь.— Я рад вам, мама и Оська. За корабли! — И он осторожно взглянул на Осипа, замечая, что от этих слов, от его доброты словно истекла, истаяла в глазах Осипа ревность, такая понятная ему и все же лишняя.

Но зато в обесцвеченных маминых глазах он уловил нечто похожее на эту Оськину ревность и стал думать о ее причине, стал думать о том, что мама ревнует, быть может, его к жене или к подчиненным, даже к кораблю, к морю, к тем северным мрачным скалам — все может быть! Но мама сама выдала себя, и проскользнувшее в ее словах тоже не было внезапным и тоже было мучительно для него.

— А что от Елены Георгиевны? Господи, она забыла, забыла меня. А может, со здоровьем что? Пишет она тебе, Володя? — допытывалась мама, и любя эту женщину и так ревнуя сейчас его и к письмам к ней и к думам о ней.

И Ломич вспомнил, что это сложное, двойственное, хотя и сердечное отношение мамы к Елене Георгиевне, которая для него, Ломича, была матерью все те годы в Новозыбкове, когда он рос в детской ненависти к чужеземцам, когда он получал из ласковых рук Елены Георгиевны больший ломоть сухаря и большее яблоко, и которая навечно будет помниться лаской рук, прикосновением мягких ладоней всегда, всюду — на море, и на суше, и под водой, и во сне. Это сложное, двойственное отношение мамы к Елене Георгиевне он уловил еще в первую встречу между ними, счастливыми и чем-то огорченными женщинами, так присматривавшимися одна к другой в тайной своей озабоченности и просившими одна другую быть ей сестрой. И если бы спросила мама о том, какая мама ему ближе и роднее, то он ответил бы с ожесточением, что не имеет права выбирать, потому что они теперь сестры и потому что не забыть ему никогда — ни на море, ни на суше, ни под водой и ни во сне — ту особенную ласку рук Елены Георгиевны, собиравшей его дома в школу, помогавшей укладывать тетради в офицерский планшет и потом в классе учившей писать буквы и слова. Ни Елену Георгиевну, ни маму не мог он предавать и мучился оттого, что мама, хотя и сестра Елене Георгиевне, а все же не в силах превозмочь несправедливого, двойственного к ней отношения. И ему понятнее была теперь Оськина ревность и та не-

у Володи на море... Не спорь, не спорь,— сказала она быстро, не позволяя Осипу возразить, и у того мгновенно сократились и вроде погасли ставшие ревнивыми глаза.

А потом Осип посмотрел на мать, которая не сводила своих преданных, обесцвеченных счастьем глаз с него, Ломича, и вслед за нею взглянул Осип на него, выдавая свою ревность, зависть и боль, и взгляд его пресекся, и тут Ломич понял все в своей нынешней, особой просветленности.

Ломич понял, что не пришлось избежать того, чего он заранее опасался все эти годы — с тех пор, когда он, Ломич, настоящий сын мамы, вдруг через двадцать лет отыскался и когда усыновленный ею Осип Супей уже не так уверенно, уже робко и вопрошающе называл ее этим словом «мама». Все эти годы, возвращаясь мысленно к родному и незнакомому городу, к маме, к Осипу Супею, он с то-

И Ломич сказал, чтобы хоть как-то сродниться с Осипом сейчас, в это строгое мгновение, которого не пришлось избежать:

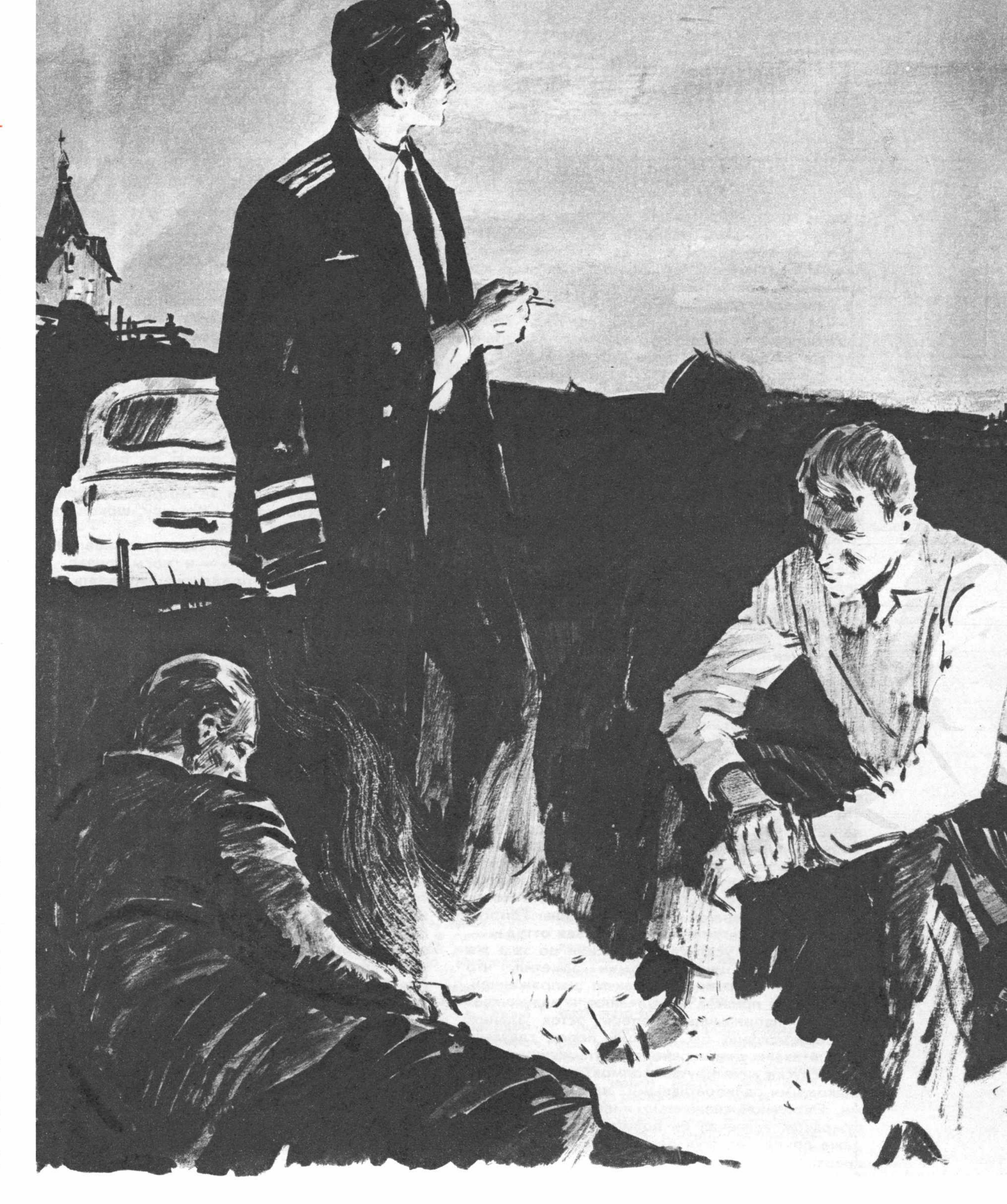
— А что же, мама, он прав. И наши корабли не так уж разнятся по размеру. Да. Теперь другие корабли, мама.

— Вот правда, авианосцы...— улыбнулся Осип, поощренный его великодушием.

— Авианосцы покрупнее,— согласился Ломич, и тоже улыбнулся со значением, и опять поднял чарку с крашеной водкой, и тут едва не застонал, вспомнив тех, кто мог бы сидеть с ним рядом и делить радость встречи.

Это знакомо всем воевавшим людям, которые приходили при медалях и при ранах, в гимнастерочках продымленных, приходили в бедные дома и поднимали рюмки, вспоминая в первую очередь тех, кого нет с ними, и, помедлив, выпивали прозрачную горечь — и на душе не делалось ни легче, ни горше. И сей-

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

вольная жестокость его, Ломича, к Оське и к Елене Георгиевне, вызванная тем обстоятельством, что как ни называй, как ни говори, а лишь мать останется матерью и лишь сын останется сыном.

Грустно было это сознавать, думая о Елене Георгиевне и об Оське, и все-таки никуда не мог он уйти от этой беспощадности и потому на минуту поник, его круглое лицо со скульптурной, лепной выразительностью лба и щек уже не выглядело воодушевленно, да только вскоре он сам спохватился, говоря себе: «Капитан, капитан, улыбнитесь...»

И капитан вскинул голову, словно убеждая всех, что ничего такого не произошло: вспомнил, задумался — с кем не бывает! И тут же оценивающе посмотрел на Верховеева, прикидывая, кто он такой для маминого дома, этот обязательный и такой настороженный сейчас сосед. Сухое, аскетичное лицо было у Верховеева, и на кончике правого уха белел след то ли пулевой, то ли кинжальной царапины. Когда мы смотрим на лица, мы так отчетливо видим характер, доброту или равнодушие, пороки и болезни, а лицо Верховеева говорило о страданиях и поражало своими постоянными скорбными складками у рта. Ломич верил этому лицу и все-таки пытался до конца разведать, кем был этот человек для маминого дома, и потому глядел на Верховеева так оценивающе и требовательно, имея на это сыновнее право.

Вдруг ему пришла занятная мысль, что все они словно из одной команды, потому что и мама все еще работала на том же судостроительном заводе, на котором вкладывал свою рабочую долю в создание речных судов Оська Супей, и Верховеев, должно быть, тоже судостроитель или речник, а значит, все они должны подчиняться ему, своему капитану. Он так и сказал, с прищуром и весело посматривая на Верховеева.

— Нет, я не речник. А только тоже солдат запаса,— ответил Верховеев загадочно и строго, и не понять было Ломичу, кто же этот человек на самом деле, хотя он и видел расположение Верховеева к нему и то, как Верховеев взглядывает искательно на него да на Супея и тут же будто одергивает себя.

Ломичу хорошо было сидеть в родном доме, все видеть, все знать, и когда Оська Супей, уже в который раз, напомнил своим ломким от гордости голосом, что ждет на улице умытая машина «Москвич», Ломич понял причину его гордости. Оська с пылающим лицом повернулся в это мгновение к матери, и Ломич понял все. Что ж, это прекрасно, что кремовая машина «Москвич» ждет у дома, в тени каштана, и они сядут и поедут по городу, а потом к реке, а потом еще куда-нибудь...

НА МАЛЕНЬКОЙ РЕКЕ

— Совсем новая машина, километры надо нагонять,— затянул снова Оська, и тогда Ломич поднялся, подошел к окну и, театрально ахнув, попросил всех без промедления собираться, и Верховеев поспешил за спиннингом, потому что поедут на Сож, а мать отказалась: ее укачивало в этой новой машине, словно бы на твоем, Володя, корабле.

Спиннинг кое-как приспособили, так что торчал из окна его кончик, подобный антенне, и вот тронулись, покинули тень каштановой кроны и покатили тугими колесами по деревянным улицам, переулкам, постояли у переезда перед черно-белым, шашечным шлагбаумом и въехали в современную, каменную, красочную от витрин, реклам, от летних платьев женщин часть города, в котором жил Оська.

Нет, Оська жил теперь не здесь, не у матери, а в том городке за Сожем, который как бы продолжал большой этот город и все же оставался суверенным городком, районным центром со всеми учреждениями районного масштаба, с заметным своим провинциализмом, с лошадьми, стоящими на привязи у чайной. В том городке, продолжающем большой город, была у него своя семья, жена и дети, но все-таки здесь, в большом городе, оставалась навсегда Оськина душа, и Ломич завидовал сейчас тому, что жил Оська тут все свое детство и что все, на что бы он, Ломич, ни обращал внимания, все принадлежало Оське.

Эти легкие дома с протяженными стеклами магазинов, где видны были продавцы в голубых халатах, пятна солнца на кафельных полах, ряды дамских туфель и сапожек, или плиты масла с вонзающимся в них широким, как меч, ножом, или хлебы, крендели, булки, все эти перекрестки центральной улицы с такими уютными каштанами и липами, сквер с гипсовым пионером, приставившим трубу к своим каменным губам, и другими, живыми, галдящими пионерами, все здания с распахивающимися дверями и даже то здание музыкального училища, из открытых внутрь и потому будто лишенных стекол окон которого слышались игривая болтовня саксофона и отрешенные, нашедшие гармонию с миром звуки рояля,— все это принадлежало Оське. И вот, проезжая по Оськиному городу, созерцая здания и легковые машины, Ломич подумал о другом городе, о Новозыбкове, о Елене Георгиевне, и нечто печальное и одновременно светлое легло ему на душу.

Осип и теперь то и дело отрывал руку от

руля и жестом приглашал взглянуть вон туда, и Ломич смотрел, понимая, что с этим местом или вон с тем у Осипа связано самое памятное какое-нибудь событие, разговор какой-нибудь или встреча. Как дороги нам города нашего детства, юности! И ведь лежали в руинах города юности, галки взлетали с заснеженных кирпичей, попадались навстречу бедные люди, и все такое жалкое было кругом: пивнушки, толкучки, единственный кинотеатр с поклеванной осколками угрюмо-серой стеной, а все ж неизбывно то трогательное чувство, с каким вспоминаем мы те прежние раненые города.

Очень серьезным было лицо у Осипа сейчас, когда он вспомнил, наверное, что-то не нынешнее, послевоенное, и вот он свернул машину с главной улицы в какие-то перекрестки центра, потом еще свернул и бесшумно притормозил — и тут открылось Ломичу странное: среди белотелых, словно начерченных на тетради в клеточку, домов сиротел багрово-черный остов, внутри которого была пустота, и слышались оттуда, из пустоты, из поросшего лебедой давнего праха, воинственные вопли мальчишек.

— Снести давно пора. На день работы,— устало произнес Ломич, будто мысленно уже проделал эту работу и оттого устал.— Как-то дико... А может, сознательно сохраняют эти руины? Как в Волгограде?

— Этот дом был особенной архитектуры. Реставрировать хотят,— пояснил Осип, вслушиваясь в мальчишеские вопли, и Ломич понял, что Осип уже перенесся туда, к мальчишкам, на развалины, и не хочет уходить оттуда, и что-то держит его там, в далеких годах, когда он ничего не мог и предполагать о нем, о Ломиче, не мог и думать о будущей их встрече. А он, Ломич, был в это мгновение в Новозыбкове, у маминой сестры, у Елены Георгиевны, и тоже не хотел возвращаться оттуда.

Когда снова уселись и покатили по тем же перекресткам центра, Ломич заметил, что Осип стал собранней и как-то напряженней, его самого призвал к молчанию и задумчивости этот непривычный теперь остов здания, все еще словно бы стоящий перед глазами, хотя и ехали уже к реке, по булыжнику пологого спуска меж крутых холмов, поросших незнакомыми, декоративными какими-то кустами. Овражной свежестью и лесным, зеленым сумраком встречал их пологий спуск; Ломичу даже почудился стук дятла, но когда взглянул вверх, на холмы, то увидел, что старик в ковбойке чинит скамью и стучит по белой рейке.

— Жаль — воскресенье,— азартно прокричал ему Осип,— а то бы корабль увидел! Двухпалубный! Он у нас тут ходит по затону, по Сожу. На Соже такие корабли не задерживаются. Со стапелей — и дальше, на Днепр, за Киев... И этот, наверное, завтра отойдет. Завтра!

И все же ошибался Осип, говоря, что по воскресным дням не бороздит воды Сожа двухпалубный теплоход, который лишь на прошлой неделе сошел со стапелей и который Осип не хотел называть иначе, как кораблем. Едва остановили машину у застиранной, пенной кромки, сразу увидали на стрежне большой, как меловая круча, двухпалубный теплоход, приближающийся к ним, целящийся форштевнем на них, и неотрывно следили, как наступает он, безлюдный, фантастический корабль, как выкидывается на берег испуганная его ходом волна, как разворачивается он великолепным бортом своим и взблескивает иллюминаторами, точно огромными биноклями, и Осип вскидывал свои неугомонные руки и что-то показывал, что-то кричал с радостными всхлипами в голосе.

А Ломичу примерещилась подводная лодка, Баренцово море, служба, все эти погружения и всплытия, и он некоторое время с прищуром, незряче посматривал на Осипа Супея, пока тот кричал и хлопал его по плечу, а потом очень ясно подумал, как это прекрасно, что у Оськи есть свой корабль. «И эта необыкновенная женщина Неведомская,— продолжил он мысль об Оськиной судьбе.— Тридцать двух сберегла. Кто они и где теперь? А у Оськи все-таки свой корабль...»

И он уже хотел непрестанно думать обо всем: о Неведомской, об Оське, о его сестрах, по которым, он, Оська, так убивался, так плакал еще в прошлую встречу, несколько лет назад,— обо всем этом хотел он уже непрестанно думать здесь, в городе матери.

— Корабль! Какой корабль! — все повторял с величественным жестом Осип уже потом, когда исчез в затоне за круто выступающим берегом пустынный, будто пригрезившийся теплоход и когда неохотно стали выезжать они по тому же булыжнику спуска, глянув напоследок на Сож, на его плесы, на байдарки и лодки, взмахивающие маслянистыми от воды веслами, на несущегося за моторкой в присесте, точно в готовности к прыжку, шоколадного парня на водных лыжах.

И когда повторял Осип свое упоенное: «Корабль! Какой корабль!» — и посматривал на Ломича так, словно предлагал ему взять под свое начало этот корабль и заодно его, Осипа, взять в команду, Ломич сознавал, что сейчас между ними ничто не лежит, никакая преграда, никто никого не ревнует, потому что оба равны в своей принадлежности кораблю, плаваниям, большой воде. Он уже иным был, Осип, не таким, каким сидел у матери за столом — с мерцающими глазами, опасающимся быть обделенным, и наконец-то Ломич вздохнул, почувствовав душевное согласие, мир.

Теперь они опять искали дорогу к реке, но уже с другого конца главной улицы, долго ехали мимо бесконечного забора конфетной фабрики, преследуемые запахами сластей, патоки, ехали в пыли, по ухабам, мимо загородной свалки, фальшиво блестевшей консервными банками, и терпение их вывело на ту прекрасную луговую дорогу, которая обещала обнаружить вдали реку, песок, кусты, покой. Прекрасная это была мягкая дорога к реке, протекавшей здесь как бы на отлете, робевшей подступить к дымному, машинному, бензинному городу, и кругом стояли стога, молодые стога, полнившие все вокруг таким съедобным запахом. Да! Еще ведь и часовенка маячила впереди, среди песчаных холмов, на которых лепилась деревня, и вот приближались к часовенке, к реке, и Ломич с замиранием думал о том, какие великолепные могут оказаться здесь места, и как жаль, что мама отказалась ехать. Но будут еще другие дни, решил он. Будут другие дни!

В кустах, среди лозы, среди алюминиевой с испода листвы остановили кремовый «Москвич», вышли из машины, опасаясь стукнуть дверцей и разбить тишину, вкрадчиво прошли по мучнистому песку и остановились у воды, на которой дремали стрекозы, тут же разделись до плавок и стали подталкивать друг друга к воде, подталкивать и всхохатывать, бороться, говоря друг другу: «Ну, сильный! Ну, сильный!» Затем за спиннингом сбегали, принялись раскручивать и забрасывать, нетерпеливо выдергивая спиннинг из рук друг друга, и снова забрасывать и вытаскивать блесну, и плавать на блесну — на счастье. И так они долго бесились — Осип Супей и Ломич, а Верховеев, не раздеваясь, курил в стороне, лицо его не было таким скорбным, когда он курил.

— Гляди, копнушка сена! — крикнул Осип, вытягивая руку, точно готовясь к фехтовальному выпаду.— Тут и заночуем. А что? На рассвете уедем. Поспею на работу.

— А мать? — неуверенно спросил Ломич, уже готовый ночевать тут, на берегу, в копнушке сена или в машине — лишь бы на берегу.

— Да она поймет! Вот теперь и выпить бы,— сказал Осип с сожалением и проглотил трезвую слюнку.

Но Верховеев при этих словах пошел к машине, вытащил полиэтиленовую фляжку, потряс ею, открутил крышку и налил в нее подкрашенной водки — и Ломич видел, как рад Верховеев удружить, как он хочет понравиться им. И это было как по волшебному желанию: фляжка, подкрашенная водка, горечь и блаженство в полной по край крышке, заменяющей стакан.

И вот лишь теперь Ломич ощутил, что они с Осипом по-настоящему встретились, теперь, не в застолье, а на песке, когда чарка шла по кругу, из одних мужских рук в другие мужские руки и соединяла троих.

Загадочный, бессловесный Верховеев ушел к воде и стал с хлестом раскручивать спиннинг, а Ломич посмотрел ему вслед все с тем же вопросом, кто он такой для них, для маминого дома. Его скорбному лицу, его молчанию и достоинству Ломич верил, и потому так важно было ему знать, кто этот загадочный бессловесный Верховеев.

— Он дядька верный!—сказал ему Осип и сделал такое движение, точно разгонял дым.— В войну мама в погребе его ховала. Рану его лечила. А потом Верховеев с подпольщиками связался. После войны вернулся, никого у него не было, все равно в каком городе жить. Сарайчик по соседству купил.

— А я и не знал.

— Разве я тебе не говорил? Сарайчик он потом снес и домушку построил. Маленькая домушка, да ведь он один.

— Ты мне не говорил, Осип...

— Дядька он верный,— сжал Осип руку в кулак, и Ломич снова посмотрел на реку, Верховеева не видел, лишь слышал, как скрипит барабан спиннинга.

Теперь, когда они сидели на песке с подогнутыми ногами, как жрецы, Ломич знал, что они могут говорить обо всем, им будет интересно и легко: такие свободные, раскованные были оба.

— У нас моряки ловят треску на любой гвоздь или крючок,— сказал он, различая, что перестал скрипеть барабан и сейчас засвистит в воздухе леска.— На стоянке опустят в воду гвоздь, крючок, проволоку — треска хапает что попало...

— Послушай! — удивился Осип, всхлопывая по загорелой ноге.— А что без Виктории? Где твоя Виктория? Или... разошлись, а?

— Не совсем разошлись,— доверчиво ответил он, вспоминая последние тягостные дни в Мурманске, опостылевшую квартиру, которую не хотела Виктория покидать, и как она говорила, что им надо пожить врозь, испытать себя в одиночестве, и если за это время не произойдут душевные сдвиги, не потянутся они с тоской друг к другу — то и нечего им уже сходиться, нечего, разные люди, совсем разные. Он тогда спокойно соглашался с Викторией и все еще надеялся, отъезжая, что сойдутся они и выбросит Виктория блажь, но теперь он думал о том, что Виктория не поехала с ним сюда, в город матери, и это казалось хуже измены, предательства. «Баба!» — морщился он, все еще любя красивую свою Викторию.

— Чего ж она?

— Не любит,— небрежно ответил Ломич.

— Не любит?! — поразился Осип и головой покачивать стал: бабы, бабы...

Ломич поднялся. Он мог и не отвечать Осипу сейчас, еще будет время, они переговорят обо всем. Долог день, а потом сумерки падут на луг, на стога, на копнушку сена, на Сож и на часовенку, станет темнеть и глохнуть все кругом, и так жутко, так хорошо будет слушать, как собака залает в деревне, потом все ближе, ближе, и вот уж высунется из кустов деревенская эта собачка, ждущая чего-то, постоит вблизи чужих людей, понюхает запахи бензина и теплой резины и скроется, затрещит по кустам, а они все так же будут сидеть, различая в темноте белеющую, как простыня, часовенку, и говорить, говорить, и находить в приемнике машины музыку, и печь в золе костра щуку, которую, быть может, поймает Верховеев. Он только боялся, глядя сейчас на Осипа, что Осип станет, как в прошлую встречу, вспоминать своих сестер и всхлипывать, а он, Ломич, будет сидеть с раздирающим душу желанием по-братски разделить его горе, хотя этим и не изменишь ничего.

Очень боялся Ломич этой минуты, когда Осип снова начнет убиваться по сестрам.

«Сначала надо родиться» — так назывался опубликованный в № 10 за 1969 год репортаж И. Месхи. Автор рассказывал о проблемах, волнующих в одинаковой мере и отцов, и матерей, и детей. Публикуемое письмо кандидата медицинских наук Этери Квицаридзе продолжает начатый разговор. Письмо это публикуется в порядке обсуждения.

Не надо идти против природы

Этери **КВИЦАРИДЗЕ**,
кандидат медицинских наук

Это правильно, что «сначала надо родиться» здоровым, полноценным человеком, родиться у здоровых родителей и впоследствии тоже дать здоровое поколение. От кого же это зависит? Прежде всего от родителей, от нас самих, от того, сможем ли мы перестать быть эгоистами.

Вечное движение, вечная смена одного процесса другим — таков основной закон жизни. Одно из проявлений этого закона в природе — весна, стимул к обновлению, расцвет. Так и человек. Он знает весну, он созревает, достигает своего расцвета. Потом начинается увядание. Каждая пора по-своему хороша. Но самое главное, самое важное в жизни надо сделать в пору весны: определить свое место в обществе, наметить путь, которым будешь идти, найти спутника или спутницу.

Во всем этом гораздо больше ясности у мужчины. Но как быть женщине, современной нашей девушке, которая так же, как юноша, стремится стать активным членом общества, человеком образованным, нужным, и в то же время она должна быть женой, матерью? Вот она и стремится иной раз оттянуть сроки брака, не торопится с созданием семьи для того, чтобы получить профессию, утвердиться в ней, достигнуть чего-нибудь. Так идут годы. Между тем пора физиологической зрелости у женщины наступает на два-три года раньше, чем у мужчины, она думает о любви, она любит, но не связывая себя семьей. Отсюда аборты и, как следствие, непоправимый ущерб здоровью, бесплодие. Если же она, увлеченная какой-либо интересной деятельностью, гонит от себя все чувства к симпатичному ей человеку, если переключается, воздерживается, то и это не приводит к хорошему. У женщины, поздно вступившей в брак, происходят атрофические изменения органов. И это тоже грозит бесплодием. Прибавьте к этому возникающие неврозы, а иногда и сексопатологические состояния, которые сами по себе уже являются препятствием для вступления в брак...

В позднем вступлении в брак мужчины тоже нет ничего хорошего, так как медициной установлено, что в 40 случаях из ста бездетность семьи зависит от бесплодия мужа.

Словом, не надо идти против природы, не стоит медлить с вступлением в брак. Тут, конечно, есть свои житейские трудности, но мне думается, что мы не всегда и не очень-то стараемся одолеть их. Если женщина по вполне понятным причинам стремится получить образование, то вот уж со своей служебной карьерой, мне думается, торопиться ей не всегда нужно, всему свой черед. Высокая должность матери никак не принижает достоинства современной передовой женщины. Я бы сказала так: создание хорошей семьи, правильное воспитание детей по своему значению превосходят почти все, что может сделать женщина, отказавшись от материнства. Тем более, что речь идет главным образом о первой беременности, о первом ребенке. Первая беременность хороша в расцвете сил и для матери и для будущего человека, и ее непременно надо довести до конца.

Как хорошо, когда у ребенка молодые родители. С ними веселее, интереснее, они могут стать самыми близкими друзьями. Связанные с воспитанием детей первые трудности, пережитые в молодом возрасте, дают супругам уверенность в своих силах, и это в немалой мере способствует созданию многодетной семьи.

В таких случаях дедушка и бабушка обычно с большим энтузиазмом вступают в свою роль, и их помощь молодой семье может быть очень существенной.

Почему я так настойчиво говорю об этом? Сознание человека, его взгляды на многие вопросы формируются именно в семье. Об этом мало говорят в школе, комсомоле, печати,— а жаль! Но главное заключается не в том, чтобы говорить, а всей своей жизнью показывать. Очень важно, чтобы маленький человек сам понял, разобрался в том, какие взаимоотношения сложились в его семье, что в ней любят, ценят, уважают, что считают своим долгом, обязанностью, самым святым. Я, например, не верю в искренность человека, который говорит об уважении к обществу и вообще к общественному, если он не уважает свою маленькую общественную ячейку — семью.

Другое дело — развод. Это ведь тоже можно делать уважительно друг к другу и к семье. Считать, что разведенные супруги виноваты перед обществом, перед семьей, пожалуй, не следует. Бывает так: став супругами, люди выясняют, что по своему внутреннему миру не подходят друг к другу, и искренне страдают оба. В таких случаях расторжение брака не худшее зло. Если для ребенка отсутствие одного из родителей — травма, то недружная семья — тяжкая драма, смысл которой он сможет понять лишь значительно позже, а следы, оставленные в психике, характере, сохраняются на всю жизнь. Женщина, обманувшаяся в спутнике жизни, имеющая ребенка, может, сохраняя чувство достоинства, претендовать на счастье, как и любая другая женщина, не хлебнувшая горя.

Конечно, нужно стремиться к тому, чтоб подобных драм было бы поменьше, чтоб выбор супруга был удачным, чтобы близость была и физической и духовной, без чего не может быть речи о прочной семье. И здесь чрезвычайно важна роль родителей в судьбе взрослых детей. Разумная, умелая, тактичная подготовка ребят к житейским трудностям может зачастую уберечь их от опрометчивого шага. А это дается только тем, кто сумел сдружиться со своими детьми с малых лет, кто породил в их сердцах не только любовь, но и доверие, создал в семье атмосферу взаимного интереса как к делам взрослых (профессия, склонности к литературе, искусству, спорту, любовь к природе и т. д.), так и к детским радостям и переживаниям. Поэтому так хочется посоветовать: дружите со своими детьми! Не ведите себя с ними высокомерно (но и не панибратски!), назидательно, отчужденно. Тогда в выборе друга жизни они непременно будут учитывать ваш опыт.

Но вот случилась, казалось бы, непоправимая беда. Молодая женщина поддалась чувству, вне брака в ней зародилась новая жизнь. Смятение, страх, раздумья... Часто пересиливает желание сохранить ребенка, как радость и утешение, как память о сильном чувстве. Не каждая отваживается на это, хотя уже далеко в прошлое канули времена, когда за незаконнорожденных детей женщин заточали в монастырь. Советское государство признает законность любого ребенка, и это существенная точка опоры. И все равно драматизм в этой ситуации есть, и нужно иметь много душевных сил и поддержку близких, родителей и друзей, чтобы преодолеть моральные и материальные трудности, вырастить человека одной, без мужа. Но это все-таки лучше, чем прерывать беременность, наносить непоправимый ущерб цветущему организму и, может быть, остаться бесплодной навсегда.

Наше государство делает многое для того, чтобы поддерживать стимул к материнству. Но, может, необходимо еще что-то предпринять. Нельзя ли, например, засчитывать в стаж работы трудовую деятельность, временно прерванную из-за воспитания детей, продлить декретный отпуск с дифференцированным подходом в зависимости от числа детей и их возраста. Тогда здоровая, способная к деторождению женщина решит, что лучше обзавестись большой семьей, ибо много детей не только много забот, но и много радости. Время, отданное на полноценное их воспитание,— дело не только личное, но и государственное.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ПО РЕЦЕ
НЕГАТИВНОЙ

I

Театральный сезон, насыщенный и многообразный, закончился. И хочется поразмышлять о некоторых премьерах нынешнего года. Например: «Счастливые дни несчастливого человека» А. Арбузова, «Два товарища» В. Войновича, «Девочка и апрель» Т. Ян... При кажущемся несходстве есть в них одна общая черта. Герои чувствуют себя бесприютными, неустроенными. Они внутренне одиноки: не на кого им опереться, не у кого искать помощи и поддержки. Именно такая обездоленность и делает одинаковыми вроде бы совсем разные судьбы подростков-школьников в пьесе Тамары Ян; прежних двоих друзей, тоже недавних мальчишек, в пьесе В. Войновича; и, наконец, героя новой арбузовской пьесы, который на наших глазах проходит весь путь жизни — от юности до смерти,— путь ущербный, необратимо губящий лучшее в человеке.

Как я уже сказала, пьесы написаны разными драматургами да и обращены будто к разному читателю, зрителю. Но в каждой из них рассказано о том, что волнует всех: о том, как молодой, полный сил человек становится одиноким и несчастливым.

Ноты безысходности и пессимизма, быть может, особенно удивляют в новом произведении А. Арбузова. Ибо все мы помним яркую драматургию, любим сильных духом героев «Города на заре», «Тани», «Иркутской истории», из жизни вышедших и с жизнью связанных... Сейчас герои стали другими.

Гордая Варя в пьесе Т. Ян «Девочка и апрель», непохожая на других, самолюбивая и дерзкая, прежде всего не хочет быть похожа на свою мать, отвергнутую не только любимым человеком, но и всеми окружающими. В пьесе мы ни разу не встретились с матерью Вари, но знаем о ней многое: знаем, что она, видимо, уже не раз была покинута и брошена. Варя испытывает стыд и смущение, когда ее расспрашивают в школе или еще где-нибудь о маме. Мамино прошлое вызывает у Вари, особенно теперь, когда Варя влюбилась в Игоря, своего товарища по классу, острое чувство боли.

«Мама — взрослый, свободный человек, у нее своя жизнь,— с трудом говорит Варя Игорю.— Я никогда не забуду. Мне двенадцать было. Я это никому не говорила. Вечером, один раз... я вышла ее встречать и вижу — идет она не одна. С каким-то мужчиной. Никогда я не подслушивала, а тут... Мужчина ей говорит: «Оля, мы больше не сможем с тобой встречаться». А она: «Нет, я на все согласна». И заплакала. А он все равно: «Не сможем». А она: «Я умру, я десять порошков снотворного выпью». Он пошел, а она за ним, бежит, заглядывает ему в лицо и все про порошки про эти... И тут он ее обругал самыми последними словами — я думала, сейчас она упадет и умрет, а она продолжала бежать и заглядывать ему в лицо... В ту ночь у меня температура поднялась, я бредила, кричала... И до сих пор... Я до сих пор вижу, как она бежит и заглядывает ему в лицо».

Вот что скрывается под дерзостью и независимостью, отчаянным характером Вари: они всего лишь маскируют горькое одиночество девушки, которая уже привыкла никому не верить, уже все знает о разочарованиях в жизни. Это ее неверие тут же и подкрепляется в пьесе поведением всех остальных персонажей, за исключением, может быть, одного лишь Игоря: он «приличный» мальчик из «приличной» семьи. Но каково-то Варе общаться с матерью Игоря Анной Петровной, злобной мещанкой и обывательницей; хотя, судя по пьесе, она считается общественницей, уважаемым человеком на большом заводе, где работает... Стараясь «отвадить» сына от Вари, Анна Петровна отзывается о девочке, которую почти совсем не знает, злобно и грубо:

«Она же ломака, притворщица!.. А собашница, кошатница!.. Бабка говорит, со всей улицы животину тащит!.. Нашел кого выбрать! Мать ее нагуляла, а яблочко от яблони недалеко падает. Игорь! Дыма без огня не бывает...»

Если верить Тамаре Ян, всех вокруг Вари только то и волнует, что в метрике у нее «прочерк», что Варю «в капусте нашли», что Варя, не знающая своего отца, принесена аистом «без обратного адреса»... Сплетница, Варина соседка, Симка Толстая, увидев Варю с Игорем, разговаривающих в саду, приходит в страшное негодование:

«Стоят! Топчутся!.. Только снег стаял — они уже топчутся. (Узнала Варю.) Эва! Собашница наша, гляди. Однодворка!.. То возле дома топталась, теперь на сад переключилась. Что май на носу, экзамены вскорости — ни у кого сердце не болит. Никому в голову не ударяет. (Варе.) Топчись, топчись. (Проходит.) Что матеря, что дочеря...»

Разумеется, жизнь в подобном окружении не сулит никаких радостей влюбленной девочке, ведущей свою нравственную (а не «метрическую») родословную, как сказано в пьесе, от «звездных мальчиков». Тех самых, кто первым объявил, что окружающая действительность их вовсе не устраивает.

В семье Варю утешают только старая бабка да собака Арго; в школе же и подруги Вари и товарищи Игоря — все оказываются завистниками, клеветниками, анонимщиками. А то, что классный руководитель ребят лишь под занавес с трудом разглядел истинное обличье своих воспитанников, занимающихся злобной травлей Вари и Игоря на манер Симки Толстой, разве не говорит и о его нравственном банкротстве, о его растерянности и одиночестве?! Самое же удивительное, что ни Марине, писавшей анонимки, ни Тане, знавшей об анонимках, никто не говорит, что девушки совершили подлость, предательство...

Но вот другая пьеса.

Толька и Валерка, два товарища — вернее сказать, два бывших товарища, два бывших школьных друга, с которыми знакомит нас В. Войнович,— уже окончили школу, и, думается, могли бы быть взрослее, зрелее... Но, увы, эти «герои», как и все их окружение, пожалуй, страдают еще большей душевной инфантильностью. Еще более безнадежным предстает все их существование.

Семьи парнишек ничего не могут им дать: и «безотцовское» воспитание Валерки и зверские методы «воздействия», к каким прибегает тупой родитель Толика, одинаково унизительны и никчемны. Собственно, оба юноши предоставлены самим себе, их обоих формируют уличные нравы, и лишь чудом Валерка не становится таким же негодяем, как Толик. Вообще невозможно поверить, что Валерка хоть какое-то время мог дружить с Толиком: взращенный на затрещинах и оплеухах отца-«добытчика», Толик — законченный негодяй. Потрясает сцена, где Толик, подчиняясь хулиганам, вооруженным ножами, до полусмерти избивает Валерку...

Ничем не лучше Таня, девочка, в которую Валерка влюбляется; видно, милиция все-таки не случайно задерживает Таню на улице за... «легкое поведение»!.. А чего стоит Валеркин папаша, мнящий себя «литератором». Как он труслив, как суетится — вроде Толика, сознающего свою низость,— когда принимает сына своего Валерку у себя в гостях. Он опасается — и не зря!— что новая жена рассердится на него, если он вздумает проявить хоть какие-то отцовские чувства по отношению к Валерке.

От всех этих «неувязок», от всех горестей и сложностей жизни Валерку спасает армия. Но кончится ли там Валеркино одиночество? Найдет ли он там друзей? Бог весть!.. Безликие фигуры летчиков в пьесе В. Войновича выглядят неубедительно, весьма слабо прикрывая явные просчеты пьесы.

II

Новое произведение А. Арбузова названо «Притчей для театра в двух частях». Странная, однако, эта притча. Восемнадцать лет жизни героя, Юрия Крестовникова, начиная с его студенческой юности до самой смерти, проходят в окружении «хора» из трех человек; и в счастье и в несчастье эти трое — рядом с героем. Они комментируют все его мысли, все поступки. Но напрасно было бы думать, что их «комментарии» позволят составить определенное мнение о душевных качествах Крестовникова, о причинах его неудач, его одиночества. Вот что говорят участники хора о Крестовникове:

«ПЕРВЫЙ. Это был своенравный, гордый и смелый человек. Он отдал себя любимому делу и немало добился.

ВТОРОЙ (резко). Он был негодяй! А жизнь в отместку сделала его неудачником.

ТРЕТИЙ (зрителям). Слышали, что говорят люди? Нет, я молчу... Я ведь один знаю: его смерть —

почти подвиг. Этот опыт был ему необходим, и он пошел на риск. Он знал, чем это грозит, и все-таки решился...»

Противоречивость оценок порой доходит буквально до абсурда, что, впрочем, нисколько не затеняет основную тему новой пьесы А. Арбузова, повествующей все о той же несправедливости, безысходности жизни, беспринципности человеческих отношений и даже заветных помыслов людей.

Юрий Крестовников у А. Арбузова, подобно Толику в пьесе В. Войновича, подобно Марине в пьесе «Девочка и апрель» Т. Ян, просто и легко предает своего товарища по институту, Володю Костенецкого,— самого любимого, единственного друга. На какое-то мгновение Юрий, правда, испытывает досаду и раскаяние — нечто похожее на угрызения совести. Однако очень скоро он успокаивается, выслушав, как характеризует его поступок профессор Берг, личность, казалось бы, вполне положительная.

«Ты одержимый человек,— говорит Берг Юрию,— так любишь

свою профессию, что ради нее даже на подлость пошел... С точки зрения дела, Юра, **ТВОЯ ПОДЛОСТЬ ГОВОРИТ В ТВОЮ ПОЛЬЗУ**».

Крестовников все же смущен. Он видит: Берг догадался, что ради поездки с ним в научную командировку Юрий наябедничал, насплетничал; выдал, что это Володя написал на Берга ехидную, злую эпиграмму. Крестовников просит: «Пощадите, Иван Ильич... всему есть мера». Берг же отвечает:

«Да, всему, кроме подлости. Большая или маленькая, но она все-таки подлость. Кстати, мой дружок и коллега Данило Самойлович повторял частенько: чтобы стать врачом, надо быть безукоризненным человеком. Впрочем, может быть, теперь эта истина оспаривается? Во всяком случае, научись жить стойко. Тебе вскоре она понадобится — стойкость».

А ведь в эту минуту Берг и сам совершает заведомую подлость, намекая, что юноше, мол, вскоре «понадобится стойкость»: понадобится потому, что мать Крестовникова решила второй раз выйти замуж. Она тоже давно одинока: отец Юрия ушел от них. С тех пор Юрий привык верить, что одна мать ему «не изменит». Поэтому-то юноша так тяжко переживает решение матери «бросить» его, Юрия. В глазах Крестовникова это поступок чудовищный, непоправимый; он не простит его матери никогда.

Умея, как мы видели, бросать, предавать, обманывать, Крестовников тем не менее всю жизнь сохраняет позу обиженного, преданного, обездоленного человека.

«Жизнь,— рассуждает он,— обошлась со мной достаточно зло, а люди, как всегда, были враждебны... Я выходил на пустынный пляж и шел по берегу куда глаза глядят, оглушенный **СЧАСТЬЕМ ОДИНОЧЕСТВА** и покоя».

Одиночество от неверия и неверие от одиночества так тесно переплелись в душе «героя», что истинную их причину обнаружить и понять уже невозможно. Причина — «просто» жизнь, «просто» люди, «просто» человеческие отношения... Они начинаются светло и ясно, а кончаются все равно беспросветным мраком. Наверное, поэтому Крестовников спрашивает славного, доброжелательного юношу, своего пасынка Алешу:

«Почему ты, ты любишь меня, Алеша, и за **СКОЛЬКО СРЕБРЕНИКОВ ПРОДАШЬ**, милый, веселый мальчик?.. Если поверить, то они все любят меня, все до одного! Но я одинок! Это я знаю наверно. Вот уже много лет я один... Один, окруженный множеством людей...»

И снова раздается противоречивый комментарий хора. Снова драматург уходит от ответа, от оценки человеческих качеств «героя». Но уход — снова — кажущийся. «Притча» А. Арбузова заканчивается предсмертным признанием Крестовникова:

«Человек должен быть свободным, его ничто не должно связывать. Ничто!.. Даже любовь к матери. Или — она... (Указал на женщину, сидящую у входа). Я так и не женился на ней, не связал свою судьбу. (Страстно.) Я жил один, ничто не стояло на моем пути, и я **УМИРАЮ СВОБОДНЫМ**».

«Свободным» от чего?
«Свободным» ради чего?

Какую «свободу» так страстно воспевает Крестовников перед смертью?

III

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться и к некоторым другим, более ранним произведениям драматургии, варьирующим все ту же «модную» тему одиночества, неустроенности человека в жизни.

Сравнительно недавно драматург В. Розов переделал на современный манер «Обыкновенную историю» Гончарова. Но по схеме этой обыкновенной якобы истории давно уже конструировались многие «обыкновенные» истории, повествующие о неизбежной нравственной деградации личности в нашем нынешнем обществе в силу беспомощности и одиночества героя.

Обязательная ломка человеческой души, утрата свойственных герою поначалу хороших качеств изображаются в этих историях как неизбежное, обязательное следствие темных сторон современности.

Привычность злоключений героев, беспросветное их одиночество стали непременным условием отдельных пьес, авторы которых с завидным упорством стараются подогнать эти пьесы под рубрику «интеллектуальных». Вероятно, надо хотя бы вкратце напомнить некоторые из них, потому что, как это ни странно, они не очень-то запоминаются. Похожие друг на друга «герои» этих пьес, унылые и бесцветные, слишком мелки, чтобы сберечь и развить в себе ценные человеческие задатки. И главная причина их безликости, ординарности, думается, в том, что, по сути-то дела, они не поставлены драматургами в подлинно значительные обстоятельства, в условия ненадуманного, острого жизненного конфликта. Если разобраться, то им не с кем бороться, поскольку никто ведь не мешает им жить по-другому, быть хорошими людьми, воевать против дурного, работать вместе со всей страной.

На поверку они чаще всего сами оказываются такими же мещанами, как и их «противники», чаще всего выдуманные согласно неким рецептам, неким подсказкам той негативной схемы, по которой строятся сегодня сюжеты многих пьес... Но и то сказать: ведь ежели бы «герои» этих пьес были настоящими борцами, созидателями, они сразу же и утратили бы свой скепсис, свое сходство с зарубежными героями, охаивающими жизнь «вообще», действительность «вообще» и ничего не предлагающими взамен.

Сходство это — не странно ли — все больше, все заметнее бросается в глаза.

В пьесах, например, драматурга В. Розова за последнее время, пожалуй, уже и не встретишь теперь людей, которые не были бы отмечены тяжкой болезнью одиночества, трактуемого писателем как обыкновенная примета жизни, примета времени.

Посмотрите, до чего безысходно разъединены, до чего неконтактны все герои розовской пьесы «В день свадьбы»: все они либо обмануты друг другом, либо обманывают друг друга. И все одинаково несчастны, неустроены, одиноки...

Густо переплетены истории «обыкновенного» одиночества и в пьесе В. Розова «Традиционный сбор».

Тут о неприглядности, о скверне человеческой жизни говорится уже впрямую, почти без аллегорий... Утомленные, постаревшие, изолгавшиеся люди приходят в родную школу, на «традиционный» сбор только для того, чтобы сказать о бессмысленности извечного человеческого «круговорота». Среди множества персонажей пьесы разве одна только Лида Белова, скромная работница сберкассы, никого не обманула, ни у кого не украла, не отняла. Однако же Лиде так мало нужно для счастья, да и сама она так незначительна, что даже рассмотреть Лиду трудно, не говоря уж о том, чтобы запомнить, полюбить...

Впрочем, как только не был «укрупнен», какими только добродетелями не награждался некий Фокусник, тоже чрезвычайно угнетенный одиночеством, недоброжелательностью и неинтеллигентностью, «серостью» окружающих его людей, с которыми встречаешься в произведении А. Володина.

Однако ведь и этот человек оказался маленьким, незаметным «негероем», ибо и у него картонные противники, надуманные несчастья... Поэтому, как ни старается А. Володин, придумывая все новые и новые горести и беды для своего якобы симпатичного, но никем не понятого героя, «притча» о нем завяла на корню, успев, однако, горестно посетовать еще об одной несостоявшейся, унылой судьбе.

Несколько больше запоминались герои «Варшавской мелодии» Л. Зорина — Виктор и Геля. Но если присмотришься к их судьбе поближе, то и здесь видишь всегонавсего трагически увеличенную «неудачу». Томительное одиночество, ставшее уделом разлученных героев, предстает лишь как результат их собственной нравственной узости, их бессилия, их мещанских взглядов.

IV

Как бы ни менялась окружающая среда, мещанин всегда остается мещанином: он не приемлет жизни без комфорта. Он смертельно страшится борьбы, ее суровых нравственных законов и обязательств. Поэтому-то он и «скорбит» в одиночку, упрямо уклоняясь от реальных возможностей, позволяющих ему принимать участие в каких-то больших делах, нужных не только ему одному.

В послевоенные годы образ «скорбящего» мещанина стал особенно модным в экзистенциалистской и абсурдистской литературе и искусстве Запада. Это объясняется многими причинами общественной жизни капиталистических стран.

Нас беспокоит другое: этим «образцам» скорби и уныния, к сожалению, стали поначалу неуверенно, а потом все более настойчиво подражать порою и у нас, поскольку иные критики безудержно восхваляли якобы имеющиеся в этих «образцах» психологические глубины, форму этих произведений и т. п.

В истории борьбы за подлинно народное искусство подобное подражательство отнюдь не является чем-то новым. Клара Цеткин вспоминает, как изумляла ее поистине титаническая культурная работа большевиков. Но однажды она заметила в присутствии Ленина, что

ее иногда огорчает искусственное «модничанье» и подражание западным образцам.

«Ленин тотчас же,— пишет Клара Цеткин,— очень живо вмешался в разговор». Он ответил, что много еще «лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром»,— сказал Владимир Ильич.

Как мы знаем, это «варварство» означало безоговорочное требование В. И. Ленина в искусстве «всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян», дать народу «действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию».

Но именно содержание и оказывается ущербным в подражательной драматургии. Не большую жизнь народа воссоздает подражательное искусство, а всего лишь некий микромир, словно выключенный, отрезанный от народного существования, от той здоровой атмосферы, которой живет и дышит народ. Кажется, что иной драматург словно нарочно замкнул своих героев в какую-то непроницаемую для воздуха и ветра среду, упрятал их под какой-то прозрачный колпак. И вот они бьются там, лишенные возможности нормального человеческого существования, демонстрируя всевозможные психологические «надрывы» и неразрешимые будто бы общественные «конфликты».

Неудачам человека приписывается некая трагическая, роковая неизбежность. Отсюда и форма «притчи» в модной драматургии, все чаще выступающей как сила «свободная» — «независимая» от идей общества, государства, партии, народа. Такая «свобода» — вспомним «завещание» Крестовникова! — начисто лишена созидательного начала, более того, решительно противоречит идее свободы подлинной, в которой мы видим осознанную необходимость.

Неверное, смещенное, а то и просто искаженное изображение действительности оставляет где-то в стороне большую жизнь, большой созидательный труд народа. Так же в стороне оказывается и подлинный герой советского общества, не только способный на подвиги, но непрерывно их совершающий.

Берясь за подобные пьесы, театры иногда прилагают для их осуществления громадные творческие усилия. Театры стараются затушевать, сгладить на сцене ущербность драматургии, «высветлить» тему одиночества. На первый взгляд эти попытки иногда даже могут показаться как бы результативными. Сказывается не только актерская игра, но и интересное, яркое оформление, свет, музыка, вся вообще режиссерская работа. Но, как говорит пословица, Савла в Павла не переделаешь.

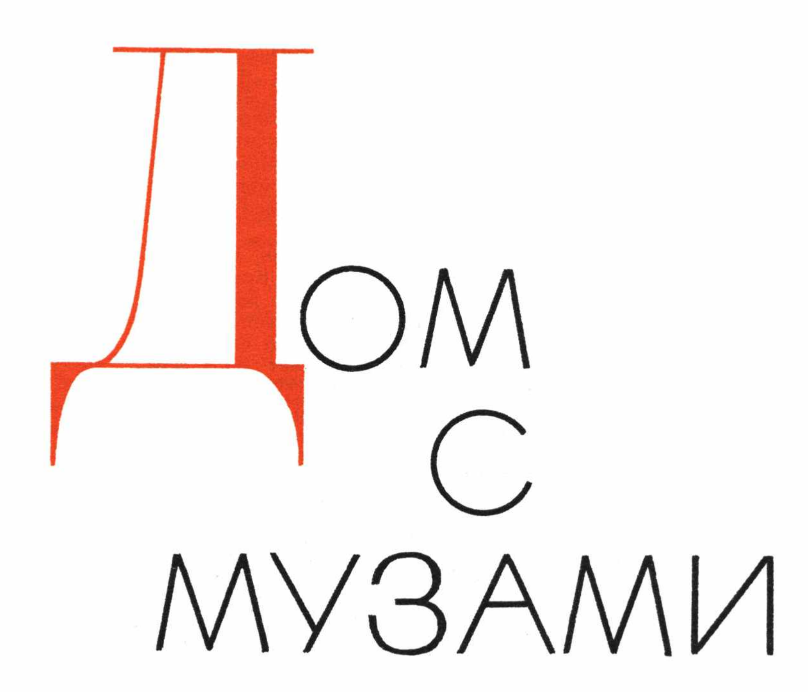
Да и надо ли?

А главное — имеют ли театры моральное право на «починку» пьес, сделанных по рецептам, канонам негативной схемы?

Починка эта в конечном счете все равно не может скрыть ни негативности замысла, ни схематичности воплощения.

Н. ХРАБРОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Уж эта Прибалтика, эта Клайпеда! Дождь, холод — даже поздней весной трубы дымят. Дымит труба и дома номер девять по улице Капсуко, и труба дома номер одиннадцать, и труба во дворе следующего дома... Ой! Из этой трубы вылетает ведьма на помеле... Мы мчимся туда. И все будничное, все обыкновенное остается за воротами этого дома.

Во дворе могучий дуб лежит, но он вовсе не погиб, а отдыхает, потому что скоро начнется его вторая жизнь. А чертик, что сидит на камне под зонтиком, имеет обыкновение дразнить гостей, высовывать язык и визгливо хохотать. Не слышно? Так ведь видно же! На двери еще одна чертячья морда, рот от любопытства разинула и каждое утро жадно слизывает языком газеты и письма. Конечно, кто их, чертей, знает,— но этому, кажется, нравится служить здесь почтовым ящиком. Прелестная женщина, стройная и длинноволосая, работает хранительницей огня: держит в непринужденно вытянутой руке тяжелый кованый фонарь. Она первой встречает нас по дороге в дом. Но куда же идти? Налево пойдешь — в княжий замок попадешь. Направо — в крестьянскую избу. Прямо — за длинный стол или к теплому камину, на скамью, накрытую медвежьей шкурой. И все в одной комнате — глаза разбегаются!

Начнем с замка. Впрочем, нет. Лучше начнем с крестьянской избы, только не с этой, а с той, что была в детстве в Жемайтии, в деревне Вилку-Кампас, а по-русски Волчий Угол. Жила в этой избе семья Майорасов, и рос в семье мальчишка Витаутас. Милая, грустная, отнюдь не зажиточная зеленела вокруг Жемайтия.

Детство у Майораса начиналось так, как у многих художников на земле. Рисовал, столярничал, вырезывал разные фигурки из дерева. Учился в школе прикладного искусства. Коллекционировал народные поделки и орнаменты. Чуть было мебельщиком не стал. Может быть, и стал бы, если бы не основалось в Литве в 1961 году Общество народных мастеров. Счастливая началась для художника пора. Вся фантазия, которая тихо жила в нем до поры до времени, вырвалась вдруг и ринулась навстречу таинственной и далеко не каждому понятной фантазии Природы, Дерева. Я пишу эти слова с большой буквы потому, что Майорас, рассказывая, голосом подчеркивает эти слова, и я согласна с ним. Только мне не дано видеть того, что видит он.

Идет Майорас по лесу, видит: лежит поваленное бурей дерево, а одна ветвь у него и не ветвь вовсе, а девушка-водоноска, тоненькая, с плавной и ровной походкой. Несколько движений резцом — и вот она улыбнулась, вышла людям навстречу с полными ведрами.

Идет Майорас по лесу и видит: под старым корнем прячется подгулявший леший — волосы взлохмачены, нос разбух — не то дремлет, не то сердится. Повернул его, надел на лохмы деревянную шапку набекрень — хорош получился! А тут вот баба-яга притаилась в совершеннейшем унынии. Майорас думает: нет, не годится, чтобы бабы-яги тоску на людей наводили — и приклеивает ей вместо одного отсутствующего глаза пуговицу. И... о чудо этого крохотного «чуть-чуть» в искусстве! Один, природный глаз бабы-яги подмигнул нам лукаво, другой, пуговичный, вытаращился изумленно.

Стоит Майорас в музее, рассматривает ставшие достоянием отдела народного искусства скульптурки. Ушел с литовских дорог, исчез из домов печальник в терновом венце: отжил свое... Майорасу хочется, восстановив народную форму изображения, вырезать древнего литовского воина и хлебопашца, певца и всадника. И оживают в мастерской, в подвале его дома, чутьем художника угаданные предки с их непреклонным взглядом, с суровой и гордой судьбой.

А в подвале хорошо. Музыка играет, свежей стружкой пахнет, хвостатые русалки в такт музыке чуть раскачиваются. Алдона в рубашке Витаутаса с закатанными рукавами, с передником на коленях режет этих самых русалок. Прямой резец, круглый, широкий, узкий. Так и сверкают острия в ее руках. Несколько движений: резких, сильных и коротких — готово! А потом тоненьким ножичком Алдона срабатывает русалочий профиль: каждой красавице разные черты.

Закончив, Алдона поднимает голову, оборачивается к нам, улыбается, делает перерыв, можно познакомиться обстоятельно: жена Майораса. Раньше увлекалась вязанием. А теперь так вошла во вкус работы по дереву — не оторвешь. Рукопожатие у Алдоны крепкое, а мозоли на ладонях — того крепче, прямо железные.

Поднимаемся наверх. В княжий замок. И в эту минуту у смешливой Алдоны делается грустное лицо.

— Знаете,— осторожно и задумчиво говорит она,— есть у меня знакомые женщины, советуют мне купить современную полированную мебель.

— Да вы тут как королева в сказке живете, какая же может быть полированная мебель?

Алдона сияет:

— Я так ждала, чтобы вы это сказали!

...Они вместе подыскивали камни для этой замковой стены. Вместе сажали можжевельник в большую глиняную корчагу. Алдона глаз не сводила, следя, как Витаутас выковывал для стены железную маску воина. Удивлялась и даже робела немножко, глядя, как он, такой простой и добрый ее Витаутас, отчуждался вдруг, смолкал. Потом поняла: она видит совсем не то, что ей казалось вначале, не рождение обстановки комнаты. Она видит, как рождается искусство. Но об этом трудно рассказать, слова подыскать трудно. Потом он снова улыбался, и они снова были вместе. Радовались, когда приятель из Сибири прислал две медвежьи шкуры; когда Витаутас сделал крестьянский стол и к нему стулья и скамью, а над столом повесил полку с деревянными ложками и глиняной посудой. Мать Витаутаса тоже вспомнила старинное мастерство и выткала им узорчатую, зеленую с желтым скатерть, а также сделала половики из соломы, переплетенные желтой пряжей. Как в деревне, застлали теплыми половиками весь пол, и дочери Майорасов, Росите-Росинка и Аушрите-Зорька, бегают по бабушкиным половикам босиком.

Этот дом, сейчас полный самых неожиданных и веселых выдумок, был в прошлом собственностью какой-то монашки. Майорас получил здесь квартиру, отремонтировал ее и так преобразил, что удивленный горсовет Клайпеды постановил — быть этому дому собственностью Майораса.

Ну что ж, теперь пойдем на чердак. На дверном стекле паук свил громадную паутину. Неужели в наследие от той монашки достался Майорасам паучище? И куда он спрятался?

— А я его еще не успел выковать,— говорит Витаутас,— паук тоже будет железный. Паутину из-за отсутствия паука тоже самому пришлось сделать из пряжи. Неудобно же: всходишь на чердак, а паутины нет.

А тут, за этой затянутой льняной паутиной дверью, на чердаке, мы попадаем в пленительное двоевластие Красоты и Выдумки. Живут здесь русалки. Всадники. Разные деревянные веселые чудаки. Подсвечники. Литературные и легендарные герои. Железные маски воинов. Тут и необыкновенная книга в переплете из древесной коры, страницы которой исписаны взволнованными отзывами посетителей.

Когда же он успевал все это делать?

— Чаще всего ночью,— отвечает Майорас,— придумается внезапно — и за работу. Или просто идешь по улице, вдруг сворачиваешь домой — и за резцы. А сколько сделал, этого точно не знаю. В общем, больше тысячи разных предметов.

— Чем вы теперь занимаетесь?

— Вот тем дубом, что лежит во дворе. Это будет памятник моему предку, крестьянину и воину. Я много о нем думал, и встреча с этой работой была для меня праздником. Памятник будет установлен на древнем городище Скомантай.

Сколько же в тебе чудес, Литва, янтарных и медных, деревянных и кожаных, железных и глиняных, если шесть тысяч мастеров общества народных художников ежедневно творят эти чудеса!

Из трубы вылетает
ведьма на помеле.

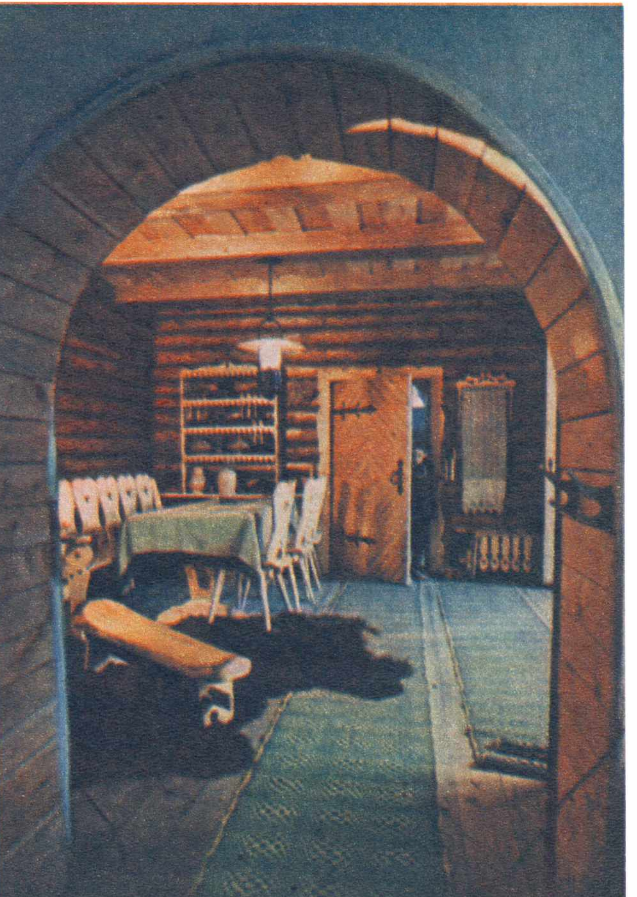

Подсвечник-прялка.

Дом художника Витаутаса Майораса.

Все в доме сделано руками
художника.

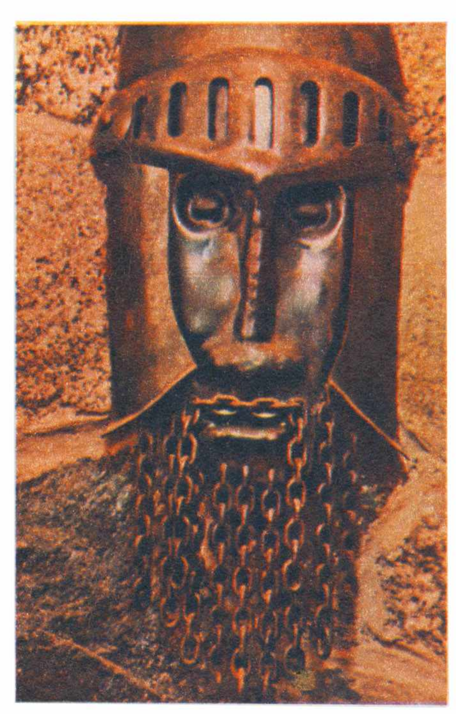
Старый моряк.
Резьба по дереву.

Витаутас Майорас за работой в своей мастерской.

Бойцы революции (железо).

Маска воина.

Лампа.

Морская царевна.

Домашний музей.

ТАЙНА ДВЕНАДЦАТИ

В № 10 за 1969 год «Огонек» рассказал об участнике Курской битвы болгарине Илье Живкове и его товарищах. Поиск, начатый автором заметки «Тайна могилы двенадцати» курским журналистом С. Масленниковым, продолжается. Редакция получила от читателей новые сведения о героях.

Заметка, опубликованная в «Огоньке», привлекла внимание редакции болгарской газеты «Отечествен фронт».

Рассказывает болгарский журналист Я. Бойчев:

...Нахожу адрес родных Живкова и отправляюсь в район «Лозенец» на улицу Милин Камык, 65. Меня встречает Анна Живкова, сестра Ильи:

— Заходите, пожалуйста, сейчас позову маму.

Приходит мать Ильи — Димитра Живкова. Ее седина свидетельствует о нелегко прожитой жизни.

Воспоминания, воспоминания...

Пылал огонь сентябрьского восстания 1923 года, и коммунист Иван Живков вел своих односельчан из села Меляне, Михайловградского округа, на штурм врага в Берковице. Потом разгром и бегство в Югославию... Илья был грудным ребенком, Ане три года, а Розе — старшей сестре — четыре. Мать возвращается в Болгарию. Тяжко ей пришлось с тремя детьми да под постоянными угрозами фашистов, не смирившихся с тем, что упустили активного коммуниста. А он уже в Советском Союзе.

После долгой дороги через Турцию Димитра и дети тоже наконец прибыли в СССР. Они поселились в селе Степановка, неподалеку от Полтавы. Здесь Иван Живков — секретарь партячейки, один из организаторов коммуны, созданной болгарами-эмигрантами.

— В Степановке Илюша вырос,— рассказывает мать.— Там он стал пионером, потом комсомольцем. Шел по стопам отца. Его привлекала общественная работа, и еще в школе он стал комсоргом. 21 июня 1941 года был у них выпускной вечер. Веселились, строили планы на будущее. А на рассвете началась война.

22 июня Илья Живков вместе со своими товарищами пришел в районный комитет комсомола. Просят послать их на фронт добровольцами, но им только по семнадцать лет, и их не берут. Вскоре после этого, когда положение на фронте стало тяжелым, организуется группа из 250 комсомольцев, и их посылают на фронт. Они с ходу вступают в бой — вот так, как пришли, в штатской одежде. На правой стороне Днепра комсомольцы попали в окружение. В живых осталось только семь человек.

Их схватили гитлеровцы. Ребята пытались выдать себя за рабочих, но немцы нашли в кармане одного из них бутылку с зажигательной смесью. Фашисты заставили парня выпить ее, и он умер в страшных мучениях на глазах своих товарищей. А в это время в небе появились советские самолеты и начали бомбить гитлеровцев. Воспользовавшись замешательством врага, комсомольцы бросились в Днепр и успели добраться до своих.

— Он был со своим другом Кимом Мельником,— вспоминает Димитра Живкова.— Пришли грязные, уставшие. Илья помылся, отдохнул немножко и опять пошел в райком комсомола. Ему велели ждать новых указаний.

Началась эвакуация. Илья не хотел уезжать. «Останусь в тылу врага, буду воевать с фашистами»,— говорил он отцу. Старый коммунист убедил его, что пока он полезнее в тылу, что необходимо вывести скот в безопасное место, не оставлять же его врагу. Илья и его товарищи принялись за выполнение этой задачи и успели вывести двести коров в село Ременниково, в восьмидесяти километрах от Сталинграда. Здесь Илья работал трактористом, а потом и комбайнером. Когда полевые работы были окончены, он опять стучится в двери районного комитета комсомола: «Хочу на фронт!» Его посылают в военную школу, а вскоре дома получили его последнее письмо, датированное 12 июня 1943 года: «Уезжаю на фронт...» И все. Лишь после войны пришло сообщение, что Илья пропал без вести в Курской битве. И другое сообщение: в районе села Луханино похоронено двенадцать неизвестных героев. Предполагается, что один из них — болгарин Илья Живков.

Перед тем, как окончить рассказ об Илье Живкове, хотелось бы сказать несколько слов об интересной судьбе его сестры Анны. Война застала ее в Полтаве студенткой строительного института. Вместе с институтом она эвакуируется в Уральск. Одновременно с учебой посещает курсы медицинских сестер, работает в местной больнице, куда постоянно прибывают с фронта раненые. А когда из Москвы в Уральск эвакуируется училище радиосвязи, она поступает туда со своей лучшей подругой Шурой Воронковой. Через четыре месяца после разгрома немцев под Москвой училище возвращается в столицу, а с ним и две подруги. Они отличницы — принимают и передают быстрее всех. Поэтому их посылают на ответственное дело — в центральный штаб украинских партизан.

— Первые дни было страшновато,— рассказывает Анна,— потом привыкли, и война стала нашими буднями.

Будни, которые длились десять месяцев. Потом Анна снова в институте, а в 1945 году вместе с семьей возвращается на родину. Завершает учебу в Софийском политехническом институте и приступает к своей мирной профессии — проектирует теплоэлектроцентрали.

Наш разговор окончен. Короткую паузу прерывает Анна:

— Очень, очень бы нам хотелось, чтобы журналист Масленников и советские пионеры, раскрывшие столько тайн войны, узнали имена двенадцати неизвестных бойцов из Луханина.

Я прощаюсь с двумя женщинами, у которых мое посещение пробудило вновь воспоминания о погибшем сыне и брате и надежду, что, может быть, они скоро узнают, как он воевал и погиб.

Рассказывает бывшая разведчица Валентина Николаевна Милова.

С Ильей Живковым и его товарищами мне довелось вместе воевать в июле 1943 года. Командование направило меня с особым заданием в тыл врага, и при переходе линии фронта я попала в гущу боя. Бой этот шел вблизи деревни Луханино и был неравным — противник численно превосходил наших бойцов в пять-шесть раз. Но наши ребята дрались отважно, и гитлеровцам казалось, что против них стоит целый полк. Командовал группой Миша Карпухин. Рядом с ним сражались автоматчики Володя Никитенко, Илья Живков, Коля Петухов, Саша Богданов, Володя Назаров, Петя Сидорчук, Эдуард Мудошвили, пулеметчики Гриша, Ваня, Андрей, Филипп — их фамилий я не помню. Мне пришлось участвовать в этом бою до наступления темноты. Ночью 5 июля группа получила приказ отойти, точнее, переменить окопы. Миша Карпухин дал задание Илье Живкову и Коле Петухову вывести меня из кольца и помочь перейти линию фронта. Прощаясь, мы все пообещали, если доживем, встретиться здесь после войны. И я ушла, а за моей спиной продолжался неравный бой. Я не могла ничем помочь ребятам, хотя порывалась вернуться, но приказ есть приказ.

Через три-четыре месяца я вновь попала в это село и нашла здесь братскую могилу. Мне не хотелось верить, что это те ребята, и еще тогда я писала о них, пробовала разыскивать. Мне хочется, чтобы люди узнали, как мужественно они сражались. Илья Живков был среди них самым молодым, но воевал как смелый, опытный боец.

Рассказывает сотрудник районной газеты «Ленінським шляхом» С. Шнайдерман (Дунаевцы, Хмельницкой области).

Когда опубликованную в «Огоньке» фотографию увидел гвардии подполковник запаса Вячеслав Иванович Воронов, он сразу узнал Илью Живкова. И сразу нахлынули воспоминания о боях на Курской дуге:

— На фронте стояла тревожная тишина. Мы ждали пополнения, готовясь к большой битве. Наконец оно пришло. В основном это были молодые, еще не обстрелянные солдаты. И бывалые воины охотно передавали им свой опыт. Мне, тогда заместителю командира полка, все время приходилось быть среди молодых солдат. Тут я и познакомился с Ильей Живковым. Была в этом парне удивительная привлекательность. Она, думается мне, исходила от его непосредственности. И крепко жило в Илье чувство товарищества, которое так ценят солдаты. Часто из блиндажа, в котором жил Илья, доносились песни — украинские, русские, болгарские...

Однажды я присутствовал на политзанятиях. Слово попросил Илья. «Мои родители,— говорил он,— много рассказывали мне про болгарское село Меляне. Я там родился. Отец всю жизнь отдал борьбе с фашистами. И когда подавили восстание, одним из организаторов которого он был, нашей второй родиной стал Советский Союз. Вот я, болгарин, воюю в рядах Красной Армии, это совершенно естественно. Во-первых, фашисты — враги всех народов, во-вторых, воевали же русские солдаты под Плевеном и на Шипке, отстаивая свободу Болгарии. В-третьих, хочу, чтобы и мои земляки были хозяевами своей судьбы, как и русские другари».

Другари! Я впервые тогда услышал это слово.

5 июля 1943 года в шесть часов утра затряслась земля. Точнее, исчезло ощущение земли и неба. В черном дыму ревели двигатели танков и самолетов. Наш полк оборонял дорогу Белгород — Обоянь. Бойцы отбивали одну за другой атаки фашистов. Вооруженный до зубов враг днем и ночью атаковал наши позиции. 9 июля ему удалось прорвать первый эшелон обороны и выйти на наш 272-й гвардейский стрелковый полк, занимавший рубеж между селом Луханино и хутором Сырцево Пенки. Создалось критическое положение. Командир полка гвардии подполковник Митин приказал своему резерву занять участок стыка между нашим и соседним полком. Немцы били прямой наводкой, обрушивая на горстку бойцов ливень металла. Но гвардейцы выстояли. В тот день я последний раз видел Илью Живкова. В том бою меня ранили. Через две недели я вернулся в полк и спросил об отважном болгарине. И с горечью узнал, что из боя под Луханином Илья не вернулся...

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

Нашему читателю, которому давно полюбилась проза Виктора Астафьева, вероятно, окажутся знакомыми почти все части повести «Последний поклон». И «Конь с розовой гривой», и «Дядя Филипп — судовой механик», и «Монах в новых штанах», и «Далекая и близкая сказка», и «Где-то гремит война».

Эти главки-рассказы мы читали по отдельности и разновременно, отдавая дань их своеобразной музыке и яркости образов, про которые не хочется говорить «образы». Ибо и бабушка Катерина, и дядя Левонтий, и тетка Васеня, и Санька, и многие другие невольно и сразу были приняты сердцем в родню, остались в памяти как люди, бок о бок с которыми шла твоя жизнь.

Однако собранные вместе, расположенные в книге в определенной последовательности, эти рассказы предстали вдруг в ином свете, зазвучали совсем по-другому. Словно художник исподволь рисовал отдельные этюды и, отдавая их на суд читателя, держал в тайне то, что каждый из них — это часть единого целого большого полотна, превосходящего по значительности каждый этюд в отдельности.

В центре повести — бабушка Катерина. Она как солнце в этой маленькой человеческой галактике. И не потому, что присутствует всюду, а если не присутствует (как, например, в главе «Где-то гремит война»), то все равно и мысли героев и разговоры их сосредоточены на ней. А потому, что вся книга — как поэма о ее очень русской, человеческой душе, о доброте и уме, о ее трудной жизни и все-таки светлом отношении к ней. Ведь что бы там ни было, сколько бы ни случалось бед, а все «выходило по ее рассказам так, что радостей в ее жизни было куда больше, чем невзгод. Она не забывала о них и умела замечать в простой своей и нелегкой жизни. Дети родились — радость. Болели дети, но она их травками да кореньями спасала, и не помер ни один — тоже радость. Урожай на хлеб хороший — радость. Рыбалка была добычливой — радость. Руку однажды выставила себе на пашне, сама же и вправила. Страда как раз была, хлеб убирали, одной рукой жала и косоручкой не сделалась — это ли не радость?».

Каждая глава повести добавляет новую черточку характера Катерины Петровны, новую картину жизни. И постепенно складывается образ простой русской женщины, в которой узнаешь и свою родную, из далеких-далеких дней детства бабушку и не раз встречавшихся в жизни чужих.

...Все село, стоящее в сибирской глуши, как одна семья. Не всегда очень-то уж дружная, порой драчливая, но семья. Поэтому трудоемкие работы делаются здесь «миром».

Вот в главе «Осенние грусти и радости» женщины рубят капусту на зиму, запасают «главный фрукт», без которого чалдон не садится за стол.

Какая яркая, реалистическая, до осязания, кажется, живая картина! Как весело и немыслимо звонко стучат сечки, скрипит под ногами капустный лист! А женские руки до локтей в капустном крошеве и свекольном соку! Живо и ощутимо их тепло. Понятна и заразительна радость ребятишек, снующих между взрослыми в этом веселом действе труда.

Великолепна и глава «Бабушкин праздник», в которой предстают перед читателем все члены большой бабушкиной семьи — сыновья и дочери с женами, мужьями, детьми. Да и соседи тут же.

Сколько здесь характеров, судеб и лиц! Живо каждое слово и жест, сочны краски. И за всем этим опять и опять стоит человеческая доброта, которая вечна, которая никогда и ни за что в жизни не пропадет. И, доверяясь ей, текут реки человеческих судеб в повести, как и в жизни, не всегда прямо, а чаще крутыми и трудными изломами.

Виктор СТАРИКОВ

Виктор Астафьев. Последний поклон. Пермское книжное издательство, 1968.

НЕПОВТОРИМЫЕ ЧЕРТЫ

Перед нами книга стихов Валентина Сидорова «Емшан». Автор ее одержим одной страстью — как можно глубже постичь неповторимые черты родины и передать это образное и взволнованное знание читателю.

Любовь к России — лейтмотив книги. Поэту чуждо какое-либо национальное самодовольство и бахвальство. Россия неотделима от всей планеты, она «отведет беду крутую, когда качнется шар земной», ибо «чужие беды ее тревожат, чужое горе ей застит очи».

И снова все тревоги мира
В твоей судьбе скрестились,
Русь,
И, не творя себе кумира,
Я снова у тебя учусь.

Чему же учится поэт? Внимательно вчитывается он в страницы отечественной истории. От прошлого тянутся прочные нити к сегодняшнему дню. Валентин Сидоров раскрывается в книге и как поэт, кровно привязанный к малым, с детства дорогим сердцу уголкам огромной родины. Рядом с раздумьями о судьбах всей страны стоят проникновенные стихи о черноземной России, о воронежских раздольях, о старинной реке Потудани, ставшей тихим ручьем, о родном городе Семилуки — «столице сердца».

Это не умиротворенное описательство, не послушное копирование увиденного. Поэт вступает в спор, и, хотя он ведет его мягко и ненавязчиво, без лобового полемического нахрапа, тем убедительнее его аргументы в этом споре. Противник поэта — скоропалительность и поверхностность, крикливая суета, которая несовместима с подлинной поэзией (вспомним пушкинское: «Служенье муз не терпит суеты»). Поэту враждебен душевный холод и очерствение, отчужденность человека от природы, сердечного тепла, искренности. Главный союзник поэта в этом споре — родная литература в лице ее высших свершений, по которым надежней всего выверяется внутренний мир современника.

В полночный час заглохнут
грозы.
Полузабытый том открой —
Вишневый сад российской
прозы
Плывет прозрачно над
тобой...
И не коснулось увяданье
Своим дыханьем этих книг.
И, слава богу, мирозданье
Мое покоится на них.

С обостренным вниманием мы воспринимаем книги, подобные «Емшану», зовущие каждого глубже и тоньше ощущать свою личную органическую связь с отечеством, с великой цивилизацией России, выстоявшей в любых испытаниях.

Готовность к подвигу немыслима без пронзительного чувства любви к родине, к ее природе, культуре и истории. Она невозможна без ощущения аромата родной земли, подобного запаху душистой степной травы емшан, чье название мы читаем на обложке искренней и талантливой книги Валентина Сидорова.

Михаил КУРГАНЦЕВ

Валентин Сидоров. Емшан. Стихи. Издательство «Советский писатель», 1969.

УБЕЖДЕННОСТЬ!

Это книга об интернациональной дружбе, которая прочнее и крепче, чем металл и гранит. Это книга о ленинском пролетарском интернационализме, о нескольких его прекрасных примерах.

Прозаик, публицист, литературовед Елена Серебровская выступает в новой своей книге как мастер документального очерка, и притом очерка лирического, проникнутого личными переживаниями и овеянного личными чувствами.

Воспоминания, документы, письма, рассказы о встречах, приведенные Е. Серебровской, рисуют нам волнующие сцены, рассказывают о верности рядовых немецких пролетариев, воспитанников Коммунистической партии Германии и тельмановской поры комсомола, учению Маркса — Энгельса — Ленина, международному революционному движению, его оплоту — Советскому Союзу.

В годы своей юности познакомилась Елена Серебровская, ученица одной из ленинградских школ, с посланцами немецких коммунистов и комсомольцев, посетившими Советскую страну. У Елены сложились с ними крепкие, дружеские отношения, завелась переписка, которая оборвалась в годы господства фашизма в Германии.

Прошли годы... Кончился кровавый гитлеровский гнет, и на востоке Германии возникло новое, первое немецкое социалистическое государство — ГДР. Советская писательница заинтересовалась судьбами своих немецких товарищей, занялась их розысками. Иных не оказалось в живых,— они пали жертвами фашистских расправ. Но некоторые уцелели. И вот через годы и десятилетия снова встретились старые друзья. И какой же гордостью наполнилось сердце советской писательницы, когда она увидела людей, с честью выдержавших тягчайшие испытания и оставшихся верными своим революционным убеждениям!

Книгу Е. Серебровской интересно читать. Она насыщена волнующими воспоминаниями о дружбе советских людей с немецкими революционерами в начале тридцатых годов, она волнует и яркими эпизодами современной дружбы советских людей с немецкими товарищами. В книге много прекрасных портретов и зарисовок. Это и немецкие революционеры, такие, как Макс Гельц — друг и муж Елены Серебровской, замечательный поэт-революционер Сланг, многие верные, испытанные рядовые пролетарского строя, мужественно сражавшиеся против гитлеровцев. Это и советские люди, помогавшие освобожденным Советской Армией от фашистского ига немецким трудящимся строить новое, свободное государство. Это и современные деятели ГДР, убежденно и вдохновенно служащие делу укрепления своего отечества — форпоста социалистического лагеря в центре Европы.

Елена Серебровская написала хорошую книгу на одну из важнейших тем нашего времени. Она написала ее на живом и ярком материале, увлеченно и сердечно.

Ал. ДЫМШИЦ

Елена Серебровская. Верим, верны! (Документальная повесть). Издательство «Советская Россия», 1968.

СЕРДЦА, ОТДАННЫЕ РОДИНЕ

«...Гвардии старший лейтенант Зоя Парфенова находилась на фронте с 27 мая 1942 года и прошла путь от рядового летчика до заместителя командира эскадрильи. Она произвела 739 боевых вылетов... сбросила... 104 тонны бомбового груза. В результате точных ударов врагу был нанесен большой урон...»

Это строки из служебной характеристики одной из героинь второй книги Марины Чечневой «Боевые подруги мои». Как и в первой книге, Герой Советского Союза Марина Чечнева рассказывает о летчицах, штурманах, техниках, политработниках 46-го гвардейского легкобомбардировочного авиационного женского полка, вместе с которыми она прошла славный боевой путь от предгорий Кавказа до Германии, до Победы.

У девушек, взявшихся за оружие в грозную для Родины годину, разные характеры, разные судьбы, разными путями пришли они в боевую авиацию. Одни и до войны мечтали о небе. Другие хотели стать учителями, врачами, инженерами, артистками. Но все они, как Зоя Парфенова, сражались за нее самоотверженно, с изумительным мужеством и отвагой.

О боевой работе, от которой и у сильных мужчин прежде-

Марина Чечнева. Боевые подруги мои. Книга вторая. Издательство ДОСААФ. Москва, 1968.

ДОБРОТА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

В подзаголовке повести К. Морозова «Катерина» сказано: «Исповедь моей мачехи». Само слово «мачеха» в народе связывается с недоброй женщиной, жестоко и бессердечно обижающей «бедную сиротинушку». К. Морозов как бы спорит с этим представлением, опровергает его. В центре этой маленькой по объему, но очень емкой по содержанию повести стоит образ мачехи — простой русской женщины со своей трудной, иногда сложной судьбой. Неподдельной теплотой отношений пронизана вся повесть, в которой лейтмотивом звучит простая и неотразимая мысль: человек добр по своей природе. «Много я повидал на своем веку людей, и почти все они, за ничтожным исключением, учили меня только добру». Эти слова принадлежат пасынку, который с трогательной нежностью и уважением говорит о женщине, заменившей ему мать.

Перед читателем проходит вся жизнь Катерины, проходит часто сменяющимися кадрами, то плавными, то остродраматичными, но яркими, оставляющими в памяти заметный след. Работала судомойкой в трактире, прислугой у нотариуса, в сущности, за кусок хлеба. Но никогда и нигде не роняла достоинства своего, сохранила душевную чистоту, мечтала о настоящем счастье. И счастье не обошло ее стороной: пусть короткое, как зимний день, но это было ее счастье. Повстречался на пути Катерины земский врач Роман Андреевич, Екатериной Федоровной назвал ее. И вспыхнуло большое, светлое чувство — первая любовь. Оно слилось с любовью к людям и повело их обоих в край, где свирепствовала страшная эпидемия чумы. Спасая людей, погиб добрый, мужественный человек Роман Андреевич. И началась новая полоса в жизни Катерины, со своими радостями и печалями, заботами, нелегким трудом.

Образ Катерины сложный и многогранный. В ее характере и поведении есть «сучки» и «задоринки» — автор не скрывает и не сглаживает их, но в главном — в отношении к людям, в безмерной, самозабвенной доброте — раскрывается щедрая душа простой русской женщины.

Некоторое время тому назад в Москве, а затем в Воронеже вышел роман К. Морозова «Перед дальней дорогой», доброжелательно встреченный критикой... Эта первая книга уже немолодого по возрасту писателя сразу нашла горячий отклик в сердцах читателей, покоряла искренностью, человечностью, ясностью идейных позиций автора. Подкупал также образный и чистый язык, реалистическая манера повествования. Книга эта оповещала о приходе в литературу одаренного писателя с богатым жизненным опытом, художника со своим собственным видением мира. Поэтому понятна радость, с которой встретили любители книги новую повесть К. Морозова «Катерина», опубликованную сначала в журнале «Октябрь», а затем изданную «Советской Россией». В сущности, это баллада в прозе, овеянная мужественной нравственной чистотой, жизнеутверждающей красотой русского характера.

Иван ШЕВЦОВ

К. Морозов. Катерина. Издательство «Советская Россия», 1968.

ТЕПЛО ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ ПОВЕЛЕВАЕТ ЖИТЬ...

Не цепь ли сердец — мы с вами?
И, как боевой факел,
Должен идти по кругу
В руки из рук цветок.
Из уст в уста — песнь победы,
С лица на лицо — улыбка.
Улыбка навстречу жизни.

Это стихи о Белояннисе. Цветок здесь олицетворяет «боевой факел», а улыбка, как приветствие другу, подобно эстафете жизни, передается грядущим поколениям. И в свете этой метафоры становятся понятны строки:

Тепло простых вещей
повелевает жить,
Терзаясь, сетуя, теряя счет
вопросам.
Тепло простых вещей
дарует силу быть
Не пассажиром века, а
матросом.

Именно «матросом», а не «пассажиром» века предстает перед нами лирический герой Деборы Ваарандм. Ее книга проникнута пафосом этой поэтической декларации, которая отвергает созерцательность и призывает к непосредственному соприкосновению с живой действительностью.

Могуча любовь к Родине. Особенно сильна она в поэте, для которого это и «руки матери», и «ощущенье боли», и «противовес» смерти — залог бессмертия:

И если даже к небесам небес
Рвануcь однажды в мир
созвездий горний,
Мне из Сааремаа не вырвать
корни,—
Могуч и вечен мой противовес.

Когда закрываешь книгу Деборы Ваaранди, остается удивительно светлое ощущение сопричастности к доселе неизвестному и прекрасному миру. И если, как говорил Маяковский, «поэзия вся — езда в незнаемое», то Деборе Ваaранди, я знаю, точно известен маршрут этого увлекательного путешествия.

Михаил КВЛИВИДЗЕ

Дебора Ваaранди. Люди смотрят на море. Издательство «Ээсти Раамат». Таллин, 1968.

временно седели волосы, автор рассказывает взволнованно, ярко и всегда точно, с большим знанием дела.

Но в книге говорится не только о героических боях, о смерти, но и о жизни. А где есть жизнь, там есть и любовь. Девушки-воины в жестоких сражениях не утратили своей женственности.

Вторая книга «Боевые подруги мои», как и первая, найдет своего читателя. Ветераны, участники Великой Отечественной войны, особенно те, кто освобождал Крым и брал Севастополь, с благодарностью вспомнят маленькие самолеты «По-2» и отважных летчиц, вместе с ними громивших врага.

А. ГОЛИКОВ

ГРУЗИЯ — УЛЬЯНОВСК — КАЗАНЬ

Последняя неделя июня в Грузии была неделей дружбы и деловых связей местных пропагандистов с приглашенными в гости пропагандистами Ульяновска и Казани. Представители городов, с которыми связаны юность и революционное крещение Владимира Ильича Ленина, побывали в Гори, Рустави, Телави, Боржоми, Цхинвали, увидели жизнь трудовой Грузии, подружились с пропагандистами этих городов на теоретических и методических конференциях. Все это завершилось республиканским слетом пропагандистов Грузии, на котором с речью выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе.

...Есть грузинское слово «маспиндзели». Это значит — человек, который принимает гостей. Таким маспиндзели для Игоря Анатольевича Тарчевского, руководителя методического семинара по философским проблемам биологии Казанского университета имени В. И. Ульянова-Ленина, был Морис Арсеньевич Хведелидзе, руководитель семинара, изучающего философские проблемы биокибернетики в Институте кибернетики Академии наук Грузинской ССР. Люди эти нашли много общего, подружились, наладили хорошие связи.

Харис Фатыхович Сабиров, такой же руководитель семинара Казанского пединститута, нашел своих маспиндзели в городе Рустави во время встреч с руководителями философского семинара — докторами философских наук Нико Чавчавадзе и Арчилом Беглашвидзе и пригласил их в Казань.

С большим удовольствием пригласил на свою кафедру двух молодых аспирантов Тбилисского государственного университета профессор Казанского химико-технологического института, лауреат Государственной премии, старый большевик Гильм Хайрович Камай. Для него эта встреча в Грузии была тем более радостной, что он разыскал в Тбилиси своего старого друга по революционной борьбе, ныне пенсионера К. Абдурахманова.

У заместителя парткома Ульяновского автозавода Ольги Дмитриевны Шутовой установились тесные контакты с партийными активистами Тбилисского авторемонтного завода; секретарь Казанского горкома комсомола Ольга Ермакова договорилась с секретарем Кировского райкома комсомола города Тбилиси Василием Чомахидзе о том, что в ближайшее время обменяются делегациями молодежи.

Уехали гости из Грузии, оставив по себе хорошую память.

Ия МЕСХИ, собкор «Огонька»

ВСТРЕЧА НАШИХ ДРУЗЕЙ

Две недели продолжалась вторая Международная встреча переводчиков в Москве. Представители из восьмидесяти трех стран мира приняли участие в открывшемся в конце июня форуме, служащем благородной цели сближения народов Советского Союза с народами других стран. Важно отметить, что на нынешней встрече присутствовали не только переводчики советской поэзии и прозы, но также издатели: Джузеппе Гарритано из Италии, Уго Мурсия из Перу, Арнольдо Кано, Хильда Фогт и Феликс Бернер из ФРГ, Мадлен Брон и Угне Карвелис из Франции.

Рабочая программа совещания была весьма насыщенной, за «круглым столом» обсуждались современные тенденции перевода поэзии и прозы. Все дискуссии проходили при активном участии советских писателей и поэтов.

С каждым годом все больше произведений советской литературы переводится за рубежом, о чем можно судить и по тому, над чем трудятся переводчики из разных стран мира. Северин Шали из Венгрии работает над советской прозой, в его переводе вышли «Тихий Дон» Шолохова и трилогия Горького; шесть томов Маяковского перевел австрийский переводчик Гуго Гуперт; о своей работе над ленинской темой рассказал на одном из заседаний Джузеппе Гарритано; в Индии поэма Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин» стала известна в переводе Намбудири.

Не только переводы с русского языка выпускают зарубежные издательства; поэты и прозаики многих народов нашей многонациональной страны широко известны за пределами Советского Союза. Например, ливанский переводчик Никола Тавиль много переводит Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Ованеса Туманяна, Мусу Джалиля.

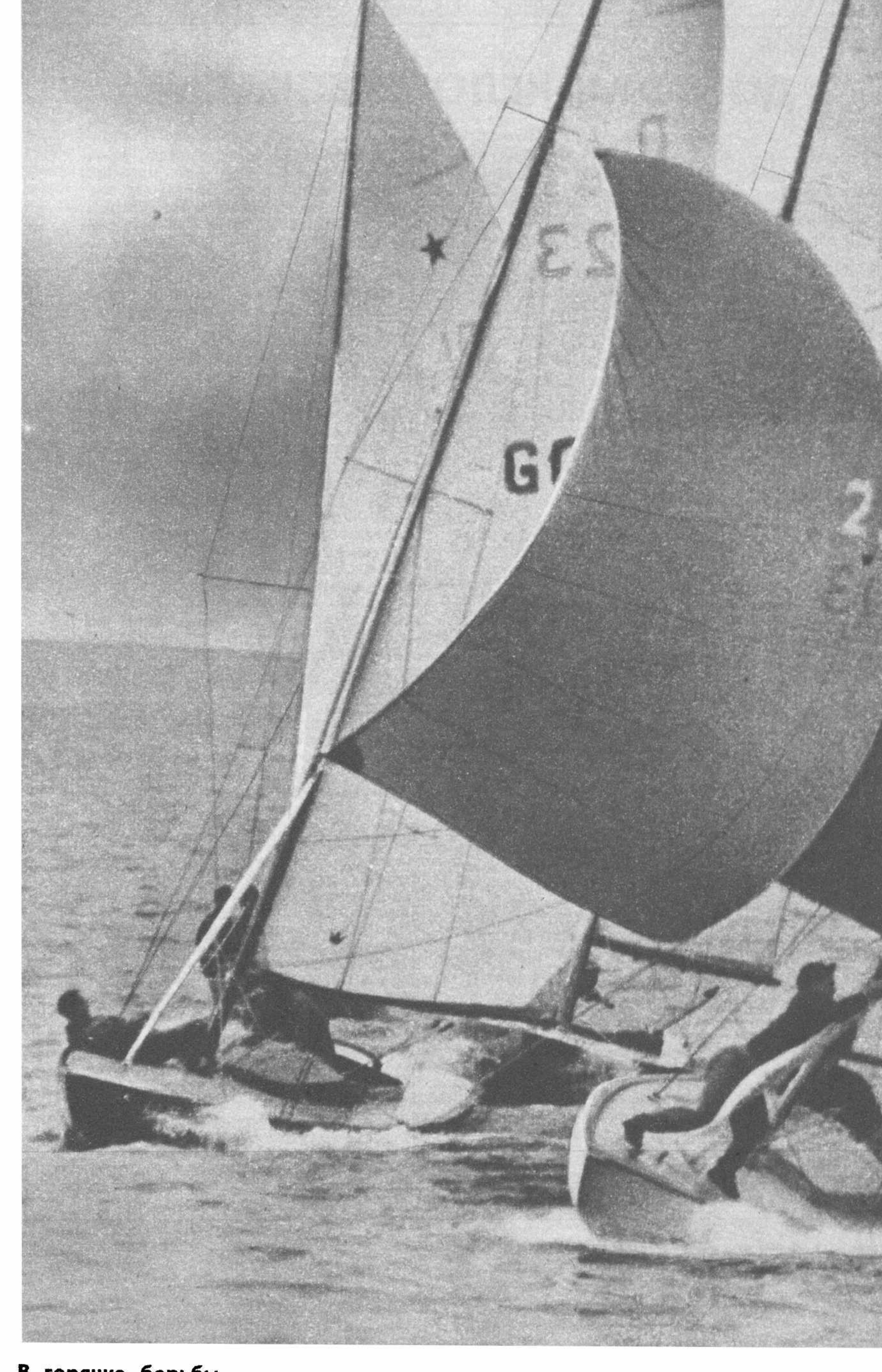
— Вместе с Зигмунтом Стоберским мы готовим сейчас антологию литовской поэзии,— рассказывает известный польский переводчик поэт Леопольд Левин, на счету которого большой список переводов советской литературы,— и вообще переводам литературы с языков народов Советского Союза я уделяю много времени. Недавно в Польше вышел сборник, в котором будут представлены лучшие произведения русской, украинской, белорусской, литовской и грузинской поэзии; в него вошли стихотворения Брюсова, Есенина, Маяковского, Кирсанова и других поэтов, а также стихи Рыльского и Бажана, Леонидзе и Табидзе, Яшвили, Чиковани и Ираклия Абашидзе. Сейчас я также принимаю участие в подготовке книги афоризмов Алишера Навои. Что касается совещания, полагаю, что оно принесет большую пользу всем его участникам. Хочется приветствовать инициативу организаторов совещания — проводить литературные вечера: так, в прошлый раз мы были гостями Михайловского на пушкинских днях поэзии. Когда видишь воочию такие знакомые места, охватывает огромное волнение. В дни работы на этом форуме мы побывали на родине Владимира Ильича Ленина. Это была незабываемая поездка.

Г. МЕСНЯНКИНА

Спор парусов

Тимир ПИНЕГИН,
заслуженный мастер спорта СССР

Фото В. САЛЬМРЕ.

В горячке борьбы...

Много есть морей на земном шаре, где любят паруса, умеют ими управлять, но одно из самых гостеприимных — эстонская Балтика. Для эстонцев парусные гонки — поистине национальный спорт. Недаром рядом с отличным яхтклубом, построенным таллинскими гонщиками, находится верфь, которая теперь снабжает замечательными быстроходными яхтами все моря, реки и озера нашей страны. Этот прекрасный спорт стал за годы Советской власти поистине массовым — спрос на яхты огромный, и таллинская верфь имеет заказы на несколько лет вперед.

В парусном спорте, как и в любом другом, действует один и тот же закон: чем больше рядовых энтузиастов, тем больше мастеров; и вот на такие крупные, международного размаха соревнования, как Балтийская регата, допускаются теперь лишь лучшие, чьи паруса уже не раз побеждали.

XXI Международная Балтийская регата состоялась в Таллине. От года к году это соревнование приобретает все большее значение. В прошедшие годы памятные призы регаты не раз уплывали далеко от побережья Балтийского моря — призерами регаты бывали яхтсмены с Черного и Белого морей, гонщики из США и Италии, Венгрии и Чехословакии.

Ежегодно свое спортивное мастерство на Балтийских регатах демонстрировали яхтсмены Германской Демократической Республики, и в этом году они увозят из Таллина много призов: П. Боровски, бронзовый призер Мексиканской олимпиады, выиграл в классе яхт «Дракон», а его товарищ по команде Р. Шварц занял третье место. Достойную конкуренцию гонщикам ГДР смог оказать лишь наш Юрий Анисимов — чемпион Европы прошлого года.

Очень сильный состав команда ГДР выставила на гонки регаты в классе «Финн», но, несмотря на это, все призы были выиграны советскими гонщиками, где тон задавал чемпион Мексиканской олимпиады киевлянин Валентин Манкин.

В классе «Звездный» гонки выиграл экипаж с рулевым Борисом Будниковым, который в последние годы показывает зрелое спортивное мастерство. Этот год Б. Будников начал победным финишем на Черноморской регате в Сочи, и вторая победа на Балтийской регате — большой успех молодого спортсмена.

В классе «Летучий голландец» вне конкуренции был экипаж с рулевым Львом Рваловым, участником Олимпийских игр в Мексике. Ему для победы в Балтийской регате хватило шести гонок, и седьмая — последняя уже не могла повлиять на результат, настолько велико было преимущество.

Гоночные яхты олимпийских классов прибыли в Таллин на автомашинах, по железной дороге, на пароходах. А яхты для крейсерских гонок пришли в Таллин своим ходом из различных городов Балтийского моря. Им предстоит дальнее плавание. Вскоре после Балтийской регаты эскадры крейсерских яхт возьмут курс на Варнемюнде (ГДР), где в июле ежегодно проводится большая парусная регата. Яхтам придется пройти несколько тысяч километров в сложных условиях Балтийского моря.

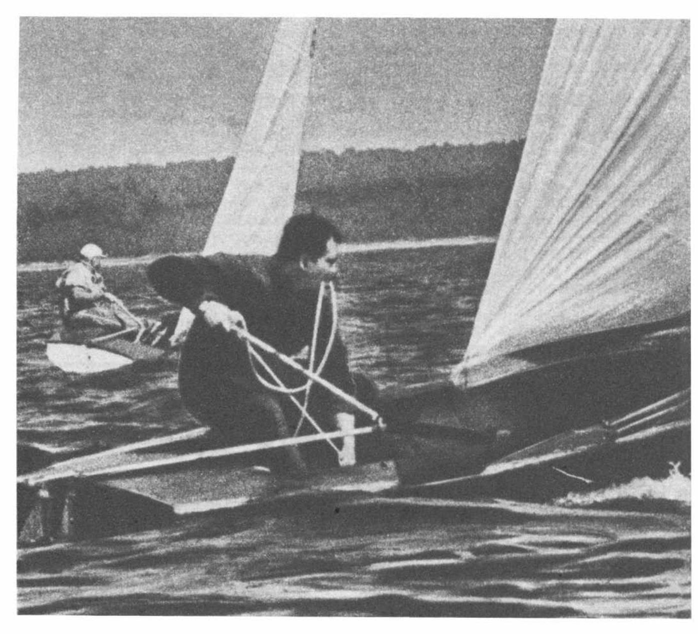
Жителей живописного местечка — Пирита, где расположен яхтклуб Таллина, казалось, трудно удивить звуками чужой речи: здесь не раз слышались голоса приезжавших издалека иностранных гостей. В этом году на гонки Балтийской регаты приехали яхтсмены из Корейской Народно-Демократической Республики, правда, пока еще только в качестве зрителей, а не участников.

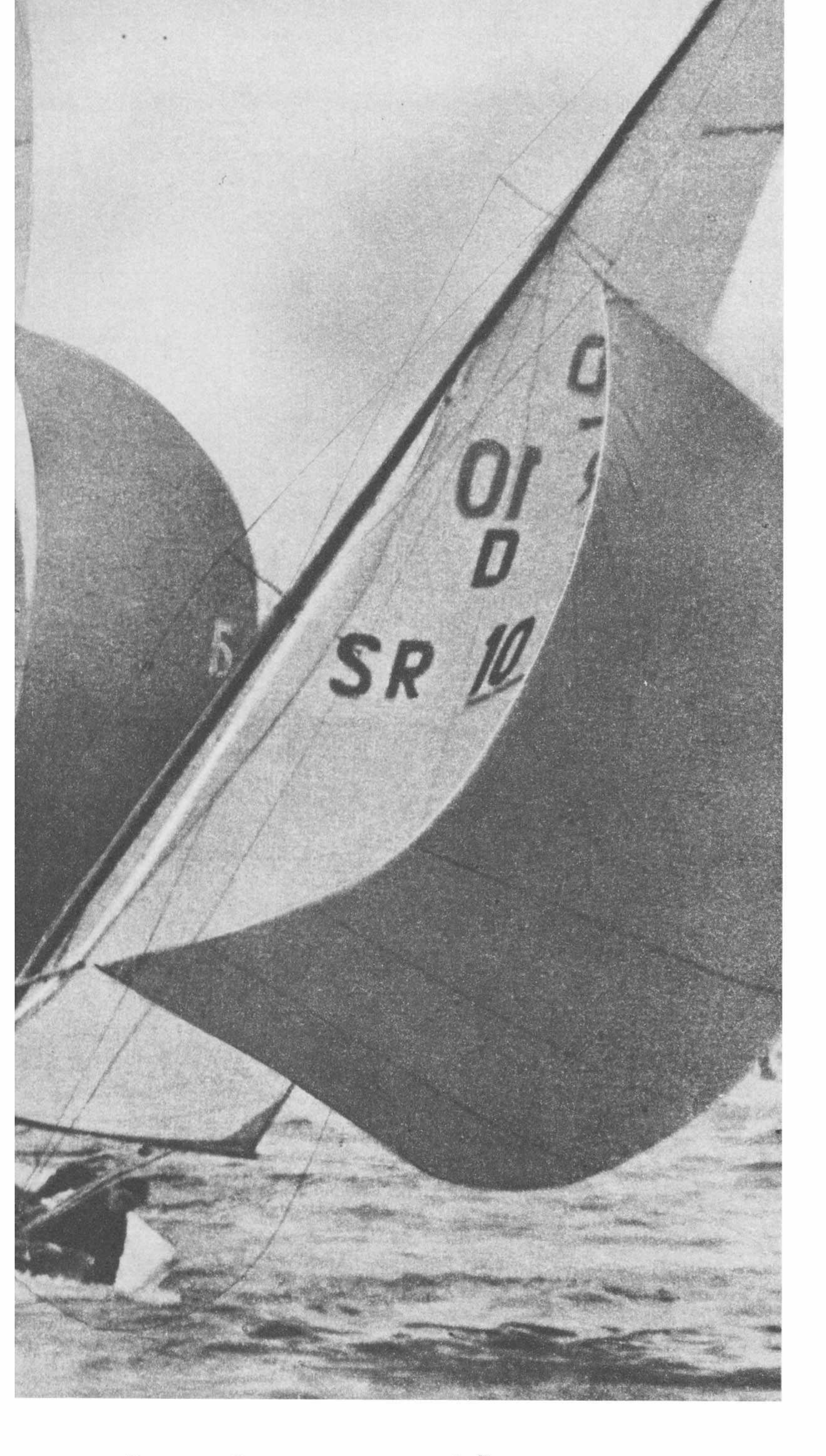
С интересом смотрели на гонки десятки и десятки пытливых детских глаз, внимательно наблюдали за борьбой мастеров на дистанции. За несколько дней до начала Международной Балтийской регаты в Таллине состоялась так называемая Малая Балтийская регата — соревнование для детей и юношей из различных городов Советского Союза,— которая проводится в классах швертботов «Кадет» и «Оптимист». Молодые гонщики—сами оптимисты: они уверены, что через год-два будут полноправными участниками Международной Балтийской.

После Балтийской регаты советские яхтсмены выезжают на чемпионаты Европы. Лев Рвалов и Владимир Леонтьев встретятся в Неаполитанском заливе с командами швертботов класса «Летучий голландец». В чемпионате Европы по классу «Звездный» примут участие две советские яхты рулевых Б. Будникова и Т. Пинегина, гонки состоятся в начале июля в Швеции. В чемпионате Европы по классу «Финн» примут старт несколько советских швертботов; фаворитом нашей команды, бесспорно, явится олимпийский чемпион Валентин Манкин. Экипаж яхты класса «Дракон», возглавляемый Юрием Анисимовым, выедет на гонки в Швейцарию и Испанию.

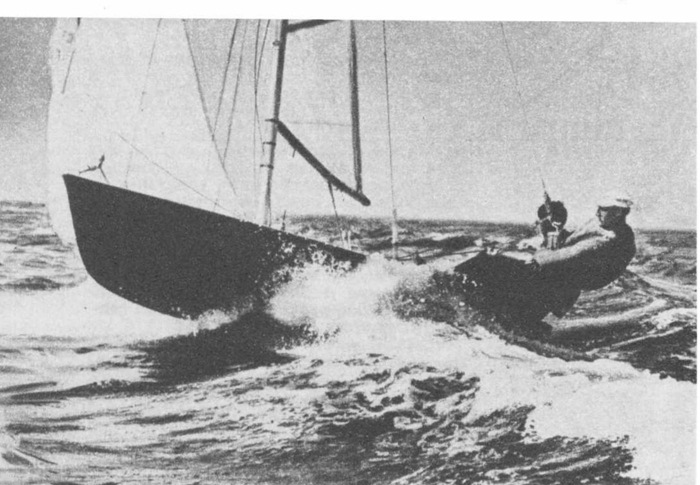

На дистанции олимпийский чемпион В. Манкин.

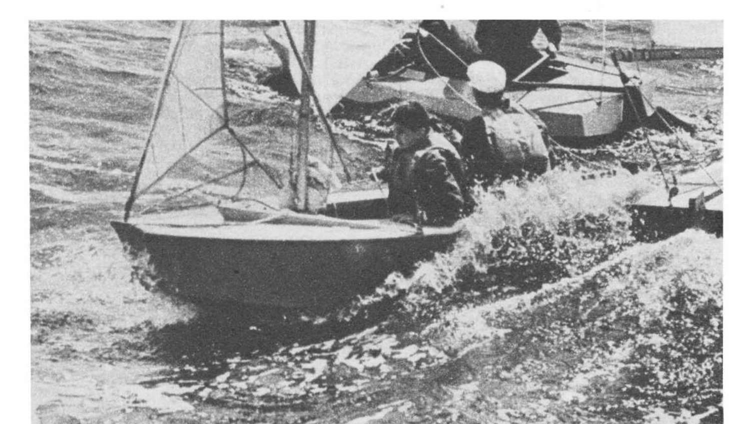

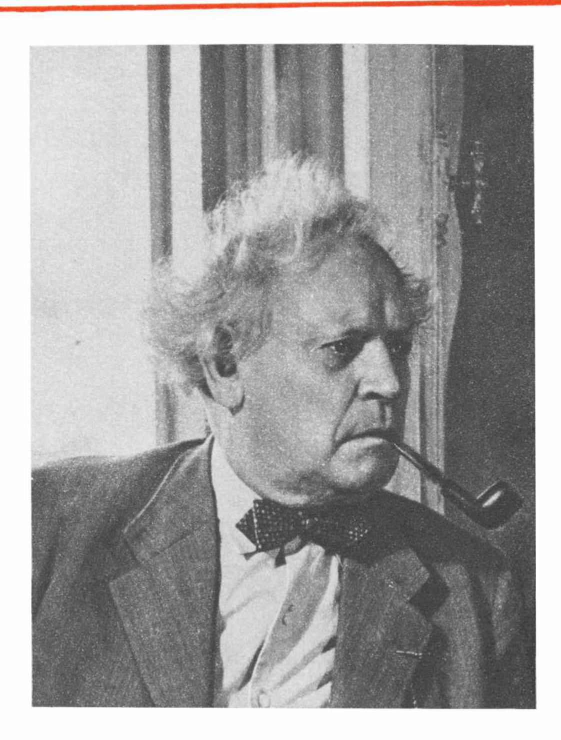

Хозяева «Летучего голландца» В. Гусенко и В. Зубанов.

Малая Балтийская в разгаре.

НАШ НЕКСЕ

(К столетию со дня рождения Мартина Андерсена-Нексе)

Имя выдающегося датского писателя-гуманиста Мартина Андерсена-Нексе известно читателям всего мира. Верный друг советского народа, он любил нашу страну. В 1922 году ему удалось приехать в Советскую Россию. Экономические и общественно-политические преобразования Страны Советов, встреча с В. И. Лениным на конгрессе Коминтерна произвели на Андерсена-Нексе огромное впечатление. В своей книге «Навстречу молодому дню» писатель рассказал обо всем увиденном в России, поделился мыслями о будущем первого социалистического государства.

Особое место в творческой судьбе Мартина Андерсена-Нексе занимает А. М. Горький. Основоположник новой советской литературы, великий пролетарский писатель сыграл огромную роль в определении и становлении передового мировоззрения Нексе, его новых творческих принципов в освещении сложных общественных явлений. Уже в романе «Дитя человеческое» писатель показывает порыв к борьбе за свои интересы рабочих, крестьян — бедняков Дании. Нексе силой художественного слова убеждает читателя в наличии новых сил в народе.

В своих публицистических выступлениях, в романах о Мортене Красном писатель говорит о советской действительности. В сборнике рассказов «Пассажиры незанятых мест» Андерсен-Нексе рассматривает дело революции как исторически неизбежное и гуманистическое явление.

Выдающегося художника слова привлекает общественная деятельность А. М. Горького, А. Барбюса и других мастеров культуры. Он выступает с призывом объединения прогрессивных сил мировой общественности против фашизма. Мартин Андерсен-Нексе подхватывает знамя социалистического реализма, провозглашенного Горьким на Первом съезде советских писателей, пользуясь этим методом, создает глубоко художественные произведения, разоблачающие сильных мира сего.

Дания была оккупирована гитлеровцами. Семидесятидвухлетнего больного писателя бросают в тюрьму. Но ничто не смогло сломить его воли. Находясь в тюрьме, Нексе заявил: «Советский Союз велик и силен, советский народ борется, как никогда раньше, нацизм будет разбит Красной Армией; и если мы выйдем отсюда живыми, мы увидим День Победы».

И Нексе дождался Дня Победы, он был ее свидетелем.

В послевоенные годы Нексе публикует роман «Потерянное поколение», в котором с нестареющей творческой силой воссоздает эпическую картину современного мира, жестоко раздираемого противоречиями, рвущегося к социальному прогрессу, миру и благоденствию народов.

Призывно и злободневно звучат слова выдающегося пролетарского писателя: «Мир — это самое лучшее в человеке, и это движение за мир становится воинственным, боевым, а это значит, что каннибал наконец-то, наконец-то осужден на гибель...»

Сергей ФЕДОРОВ

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

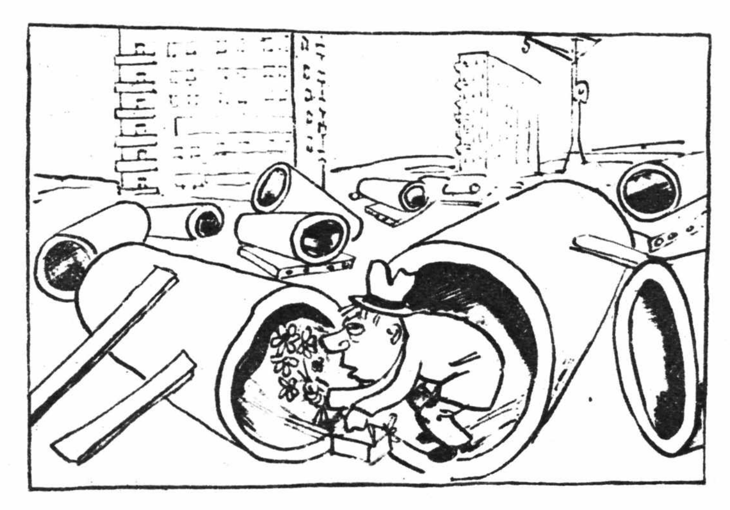

Знакомство...

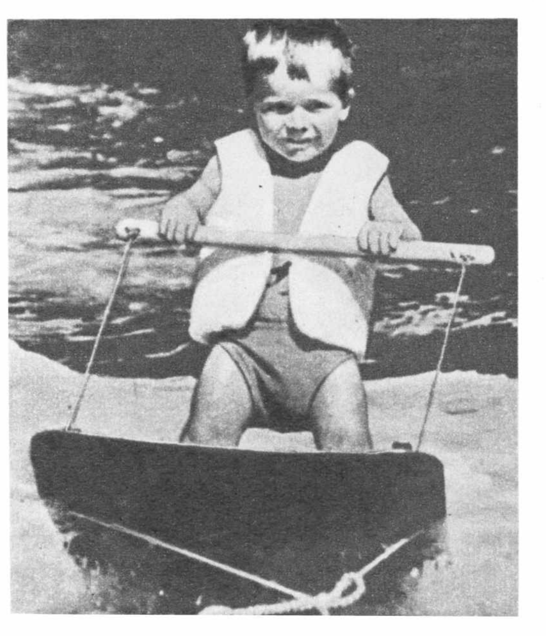
— Пока сын уроки не сделает, гулять я его не пускаю...

Рисунок В. Тамаева.

— Из-за этих переходов на новоселье опоздаешь...

Рисунок А. Грунина.

МЛАДЕНЕЦ НА ЛЫЖАХ

Маленькому австралийцу Эди Фентону из города Перта всего лишь девятнадцать месяцев, а он, стоя на широкой доске, которую тянет за собой моторная лодка, свободно держит равновесие и, как говорят, на воде чувствует себя увереннее, чем на суше.

В Стокгольмской высшей спортивной школе сооружен прозрачный бассейн длиной 7 метров и шириной 3 метра. Вода в бассейне течет со скоростью, равной движению пловцов. Спортсмены, плывя против течения, фактически остаются на месте. Теперь тренерам легко следить за своими подопечными.

ИЗ ДНЕВНИКА КОМАНДИРОВАННОГО

Маленький фельетон

Ясон ГЕРСАМИЯ

Всякий разумный командированный прежде всего заботится о ночлеге: крепость тыла — залог успеха дела. Так решил поступить и я, оказавшись в Баку.

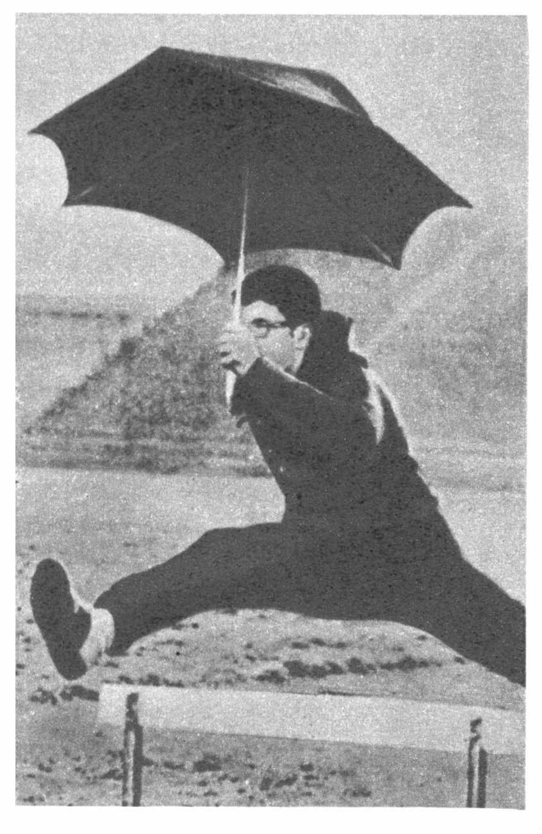
«Свободных номеров нет!» Эта сакраментальная фраза, слетевшая с уст администратора гостиницы «Интурист», сразу напомнила мне о бренности командировочного уюта.

Вся надежда на другие гостиницы.

— Идите к ближайшему автомату,— с ухмылкой посоветовал администратор.

Спустя пять минут я понял значение администраторской ухмылки. В будке был телефон, но на аппарате не было трубки. Правда, у меня зародилась лихая мысль: а вдруг это новинка местных связистов? Очень хорошо, что никого не было рядом, когда я вращал пальцем телефонный диск: вот бы посмеялись.

Я зашагал дальше по улице Караганова. Вскоре набрел на целую батарею автоматов, выстроившуюся у дома № 6 по улице Шаумяна. У всех аппаратов были трубки, но их могло и не быть — какая разница, бездействует автомат с трубкой или без оной? Это становилось интересным. Увлеченный поисками живого автомата, я, сам того не заметив, совершил основательную пробежку по бакинским

БЕГ С НЕБЕСНЫМИ ПРЕПЯТСТВИЯМИ

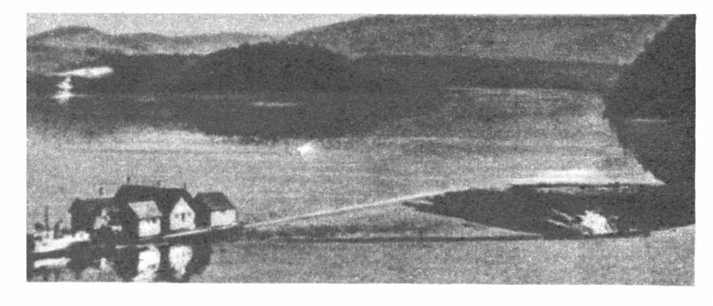
Студент одного колледжа в Норфолке, штат Виргиния, настолько увлечен барьерным бегом, что тренируется даже под дождем.

Не отходя от реки...

Рисунок А. Хлебова.

ПОСЕЛКИ НА ПЛОТАХ

Плотогоны канадских озер строят на больших плотах целые поселки.

улицам. Почувствовав, что валюсь с ног от смертельной усталости, я плюнул на автоматы и решил истратить энную часть командировочных на такси — так, быть может, быстрее найдется свободный номер для ночлега.

На стоянке такси я упорно ждал. И долго бы еще ждал, если бы мне не помог какой-то прохожий.

— Вы, конечно, приезжий? — спросил он в утвердительной форме.

— Да,— ответил я.— А из чего вы это заключили?

— Ну, знаете ли, милейший,— рассмеялся прохожий,— это на вас просто написано! Какой же, простите, уважающий себя бакинец станет ждать такси на остановке! На улицах их ловить надо...

Видимо, никудышный я ловец — такси не нашел. Вся надежда теперь была на ноги. И они вынесли меня, родимые, сначала к гостинице «Азербайджан», потом к «Южной».

— Вечером могу предоставить лишь трехместный номер,— сочувственно покачав головой, пообещал директор.

— Да хоть шестиместный! — обрадовался я, готовый согласиться на полкойки.

Ура! Тылы готовы. Теперь оставалось позвонить в Батуми, и можно отдыхать. Вдохновленный удачей в гостинице, я бодро направился к переговорному автомату. Увы, и этот автомат безмолвствовал, и 15 копеек, опущенные в прорезь, не вызвали в его металлическом сердце никаких эмоций. Оставалось одно: приобрести по старинке талоны и из гостиницы, уже вечером, связаться с Батуми.

Заказ принят. Ровно через три часа меня разбудил продолжительный звонок.

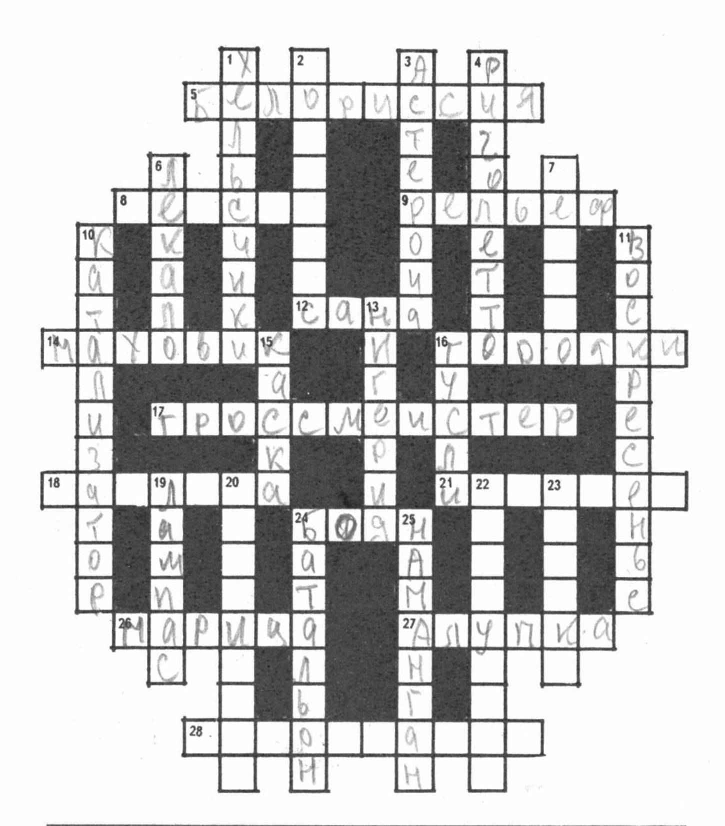
— Вы Батуми заказывали? — раздался в трубке бодрый голосок.

— Да, да, спасибо,— обрадовался я.

— Линия повреждена...

Через полчаса мне еще раз сообщили о повреждении линии. Потом еще и еще раз. В конце концов я испытал непреодолимое желание хватить телефонным аппаратом об пол и выброситься из окна. Но благоразумие взяло верх. Звоню на междугородную и прошу аннулировать заказ. Наивный человек! До самого утра меня с потрясающей периодичностью информировали о том, что линия на Батуми повреждена...

Когда я спускался по гостиничной лестнице, мною владело чувство полной отрешенности. Все пережитое доконало меня, и мне уже не нужно было ни такси, ни таксофонов, ни трехместного номера с удобствами. Разовые талоны я сдал на междугородной станции и направился в поликлинику к невропатологу.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Союзная республика. 8. Растение семейства розовых. 9. Выпуклое изображение на плоскости. 12. Автор романа «Консуэло». 14. Колесо с массивным ободом, установленное на валу машины. 16. Спортивная игра. 17. Звание шахматиста. 18. Металлический музыкальный инструмент. 21. Приток Днепра. 24. Древнерусский поэт, упоминаемый в «Слове о полку Игореве». 26. Оперетта И. Кальмана. 27. Курорт в Крыму. 28. Исследование одной проблемы или темы.

По вертикали: 1. Столица европейского государства. 2. Тригонометрическая функция. 3. Малая планета. 4. Опера Дж. Верди. 6. Фигурная линейка. 7. Французский живописец XIX века. 10. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 11. Роман Л. Н. Толстого. 13. Государство в Африке. 15. Военный головной убор. 16. Щипковый музыкальный инструмент. 19. Цветная нашивка на брюках. 20. Гриб. 22. Цветок. 23. Моллюск. 24. Подразделение полка. 25. Город в Узбекистане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 4. Крыжовник. 7. Шатун. 8. Вагай. 10. Кассета. 12. «Полтава». 14. Лукошко. 18. Корма. 19. Дегтярев. 20. Норвегия. 21. Апорт. 25. Пилотаж. 27. Самарий. 28. Ахундов. 29. Кросс. 30. Ингул. 31. Тимирязев.
По вертикали: 1. Профессор. 2. Гранка. 3. Финвал. 5. Вахта. 6. Давос. 9. Коллекция. 11. Экслибрис. 13. Витрина. 15. Устрица. 16. Шквал. 17. Данте. 22. Оранжерея. 23. Дойра. 24. «Парус». 26. Жасмин. 27. Свинец.

На первой странице обложки: Виктор Варницын — киномеханик с острова Колгуев.

Фото Ю. Кривоносова.

На четвертой странице обложки: Юля Сушкова, член симферопольского авиаклуба.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00372. Сдано в набор 17/VI-69 г. Подписано к печ. 1/VII-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 125 000 экз. Изд. № 1011. Заказ № 1806.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Г. ТРЕТЬЯКОВ,
заведующий отделом
газеты «Волжская коммуна»
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ГОРОДОК НАПРОКАТ

Ранней весной в Куйбышев, в комбинат проката и бытовых услуг, пришла телеграмма из Ташкента: «Просим забронировать коттедж Зеленом берегу. Семья Кошкиных». Что же это за Зеленый берег, слава о котором докатилась до Ташкента? И при чем тут прокат и бытовые услуги?

Ответить на подобные вопросы нетрудно: для этого нужно сесть на быстроходный катер, принадлежащий, кстати, тому же комбинату проката и совершить небольшое путешествие по Волге.

Выше Куйбышева, на самых подступах к Жигулям, из кущи пышной прибрежной зелени возникнет перед нами удивительный городок. Нарядные, будто игрушечные, домики-коттеджи спрятались в тени волжских осокорей. К реке ведут легкие лесенки, причудливо отражающиеся в зеркальной голубизне Волги.

Это и есть Зеленый берег — база отдыха, организованная в прошлом году Куйбышевским комбинатом проката. Весь этот городок — напрокат. А цены? Вполне подходящие. Коттедж в 12—20 квадратных метров стоит от 32 до 38 рублей в месяц. Домики полностью меблированы. Здесь есть даже портативная газовая плитка, словом, все необходимое для небольшой семьи.

Переезд на базу вовсе не напоминает сборы на дачу. Сюда приезжают налегке: все необходимое можно взять напрокат. Над главным павильоном городка висит огромный прейскурант, и в нем поименованы буквально сотни предметов, которые могут получить отдыхающие: посуда, надувные и прогулочные лодки, транзисторные приемники, ласты для подводного плавания, магнитофоны, бадминтон, рыболовная снасть (разумеется, разрешенная). Зачем же все это везти с собой из города?

153 домика и великое множество палаток приготовила в нынешнем году для куйбышевцев служба быта. По их подсчетам, население городка в разгар лета составит не менее тысячи человек. Но и сейчас домики уже заняты. На глазах новоселов городок продолжает благоустраиваться: начал действовать водопровод, скоро в коттеджи придет электричество.

А вдобавок к комфорту — блага природы. Близость Волги и Жигулевских гор создает здесь мягкий и целебный микроклимат. На Зеленом берегу почти не бывает ветра, в жару прохладно, в прохладную погоду тепло. К услугам любителей купания — чудесный золотой пляж. Озера с поэтическими названиями Теплое, Каменное, Студеное для рыболовов, а в сотне шагов от городка раскинулась роща, которую зовут «Грибной».

Теперь предоставим слово самим отдыхающим. Владимир Дмитриевич Попов, начальник отдела металлургического завода имени В. И. Ленина: «Отдыхаем на Зеленом берегу с женой и сыном. Очень довольны и природой и обслуживанием. Получим зарядку на целый год...»

Степан Федорович Катричев присоединяется к мнению В. Д. Попова: «Хорошо, что отдых получается активный. Каждый находит себе занятие по вкусу. А главное, здесь освобождают тебя от многих бытовых забот, которые подчас портят отдых».

Учительница-пенсионерка Елена Павловна Колесникова: «Я побывала на многих курортах Крыма и Кавказа, но лучше нашей матушки Волги ничего нет. За лето молодею на десять лет. Спасибо нашим бытовикам!»

Спасибо-то спасибо, только нелегко дается им пока что новое дело. Многие вопросы решены, а вот с торговлей все еще не ладится. Не хочет город брать базу отдыха на свое иждивение, предлагает, чтобы обслуживал ее... райпотребсоюз. Только на том основании, что Зеленый берег находится на территории Волжского района. Так ведь отдыхают-то здесь горожане!

И еще одно. Комбинат «Горпрокат» располагает возможностью открыть вторую такую же базу. И открыл бы уже, если бы вовремя было отведено под нее место. А сейчас зря уходят золотые деньки. Досадно!

Зеленый берег.

Это и есть городок напрокат.

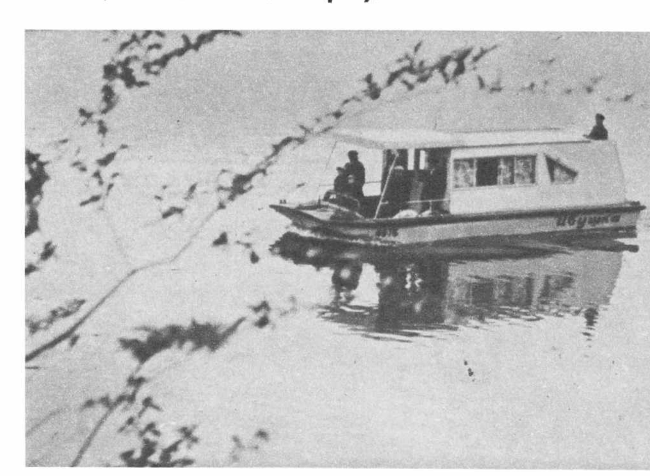

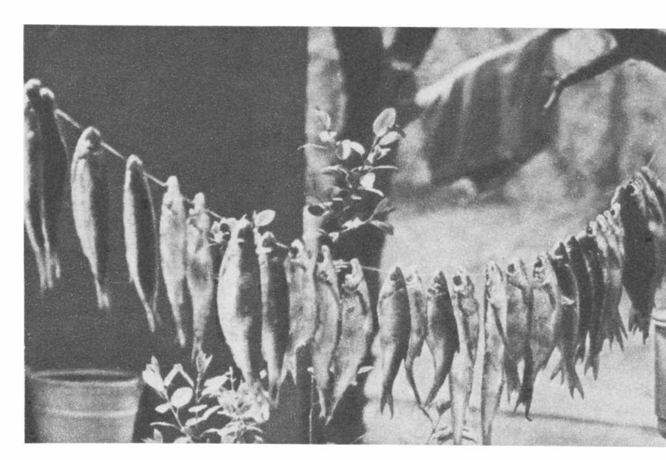
В домиках — современная мебель.

Супруги Поповы уже второй год отдыхают на Зеленом берегу.

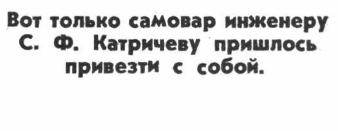
Плавучая дача «Ивушка». Эти самоходки начали делать в Чапаевске. Их тоже будут давать напрокат.

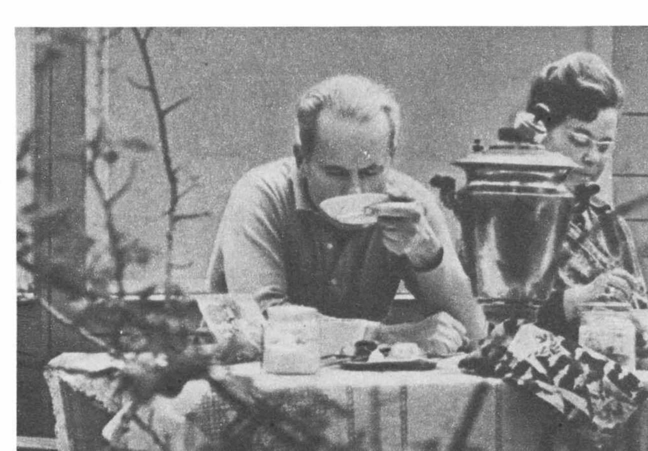
С хорошим уловом!

Напрокат здесь можно получить все необходимое.

Вот только самовар инженеру С. Ф. Катричеву пришлось привезти с собой.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.